

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Г. Н. М А К А Р О В

ОБРАЗЦЫ
КАРЕЛЬСКОЙ РЕЧИ

КАЛИНИНСКИЕ
ГОВОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 3

АННОТАЦИЯ

Книга содержит тексты на собственно карельском диалекте карельского языка, на котором говорят карелы, проживающие в Калининской области. Тексты напечатаны в фонематической транскрипции и переведены на русский язык, в необходимых случаях комментированы. По содержанию материал книги представляет собой рассказы из жизни колхозной деревни, воспоминания об Отечественной войне, предания о переселении предков карел на современную территорию, старинные игровые и обрядовые песни, причитания, сказки, пословицы, образцы детского фольклора, описание крестьянских обычаев и промыслов.

Материал сборника представляет интерес не только для языковедов, занимающихся вопросами прибалтийско-финских языков, но и для тех, кто изучает народное творчество, духовную и материальную культуру карельского и родственных народов.

Ответственный редактор

А. А. БЕЛЯКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

После окончания русско-шведской войны и заключения Столбовского мира (1617 г.) одна часть карельского народа с территории Приладжья и Карельского перешейка в течение первой половины XVII века переселилась в глубь России — на земли современной Новгородской и Калининской (а также частично Ярославской и Тамбовской) областей, а другая часть пошла в направлении к северу и северо-востоку — на территорию центральных и северных районов Карельской АССР. (Отдельные группы дошли даже до Архангельска). Те, что направились на юг, образовали группу так называемых верхневолжских (т. е. тверских, или калининских) и валдайских (или новгородских) карел. Их новым местожительством оказались верховья реки Волги, остроги Валдайской возвышенности и Бежецкого верха.

В Калининской области карельское население живет главным образом в районах¹ Лихославльском, Спиrowsком, Рамешковском и Максатихинском (около 90—100 тыс.). Второй крупный массив карельских селений (с количеством населения до 20 тыс.) расположен в Весьегонском, Сандовском, Брусовском и Лесном районах. Остальная часть (около 12—14 тыс.) живет разбросанно в Молоковском, Краснохолмском, Вышневолоцком и других районах. Небольшой островок карельских деревень находится по реке Дёржа на юго-западе области, недалеко от г. Ржева. В списке карельских селений, составленном проф. А. Н. Вершинским, насчитывается более тысячи карельских сел и деревень, часть которых имеет смешанное (с русским) население.²

Вопросы переселения, жизни и быта карел, поселившихся на «тверских землях», нашли освещение в ряде исторических и этно-

¹ Названия районов даны по административному делению Калининской области начала 1957 г.

² А. Н. Вершинский. Список карельских селений Московской области. М., 1932. — В это время территория Калининской области входила в состав Московской области. По переписи 1939 г., в Калининской области насчитывалось около 150 тыс. карел из общего количества 252 559 человек (см.: БСЭ, т. 20, 1953, стр. 196). По переписи 1959 г., данные о калининских карелах отдельно не приводятся.

графических исследований дореволюционного и советского времени.³

В конце прошлого и начале этого века языковеды и фольклористы Финляндии (В. Алава, Й. Куйола и др.) собирали материал по народному творчеству и языку в тверских краях. Часть этого материала напечатана в серии «Старинные руны финского народа»⁴ (изданы Р. Ниэми) и «Образцы речи карельского языка»⁵ (изданы Э. Лескинен).

Собиранием языкового, фольклорного и этнографического материала среди этой группы карел в 30-е годы занималась также кафедра языка и литературы Калининского педагогического института. Начиная с 1957 г. Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР ежегодно проводились лингвистические экспедиции к карелам Калининской области.⁶ Настоящий сборник «Образцов карельской речи» является первой наиболее значительной публикацией текстов,⁷ записанных главным образом в этих экспедициях. По содержанию тексты представляют собой рассказы о жизни колхозной деревни, воспоминания об Отечественной войне, предания о переселении предков карел на современное местожительство, старинные игровые и обрядовые песни, причитания (плачи), сказки, пословицы, поговорки, народные приметы, образцы детского фольклора, загадки, описание различных крестьянских обычаев, промыслов и т. д.

Поскольку такого рода сборники имеют своей целью, в первую очередь, воспроизведение характерных особенностей диалекта или говора, то в основу расположения материала принят принцип языковой общности или близости. Этот принцип в основном отражает и определенную географическую общность. По этой причине в пред-

³ См.: Ю. В. Готье. Замоскворецкий край в XVII веке. М., 1906, (2-е изд., 1937); А. Н. Вершинский. Очерки истории Верхневолжских карел XVI—XIX вв. Исторический сборник, вып. II, М.—Л., 1935; А. С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956; Г. С. Маслова. 1) Материалы по этнографии карел Калининской области. Сов. этнография, 1936, № 2, стр. 79—100; 2) Народный орнамент верхневолжских карел. Тр. Инст. этнографии им. Миклухи-Маклая, изд. АН СССР, М., 1951.

⁴ Suomen kansan vanhat runot. II, Aunuksen, Tverin ja Novgorodin karjalan runot. Julkaissut R. Niemi, Helsinki, 1927, стр. 655—730.

⁵ Karjalan kielen näytteitä, I. Tverin ja Novgorodin karjalaa. Julkaissut Eino Leskinen, Helsinki, 1932, стр. 1—165. (См. рецензию Д. В. Бубриха на эту книгу в сб.: Язык и мышление т. VI—VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 301—304).

⁶ Экспедиции проводились под руководством научного сотрудника сектора языковедения Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Г. Н. Макарова с участием студентов Петрозаводского университета и Карельского пединститута, а также местных учителей. В разных населенных пунктах области записано около 2,5 тыс. рукописных страниц карельских текстов и свыше 30 часов звучания магнитофонной ленты.

⁷ Близкие к этому диалекту тексты на языке ваддайских карел подготовлены П. Ю. Пальмеос и опубликованы в Ежегоднике общества родного языка (Emakeele Seltsi Aastaraamat, Tallinn, 1957, стр. 192—196).

лагаемом читателю сборнике не соблюдается традиционный в фольклористических сборниках принцип расположения материала по жанрам.

Сборник открывается текстами, записанными на северо-востоке Калининской области — в Вельегонском и смежных с ним районах. Затем идут тексты, записанные в главном массиве расселения карел — на территории центральной части области (районы Максатихинский, Спировский, Лихославльский и Рамешковский), в самом конце даются образцы карельского языка так называемых погореловских (или зубцовских) карел, разместившихся небольшим островком на юго-западе области. (См. Схематическую карту населенных пунктов, говоры которых представлены в настоящем сборнике).

В целях показа особенностей грамматического строя карельского языка русский перевод текстов максимально приближен к оригиналу. Дословный перевод отдельных оборотов речи дается в круглых скобках с кавычками, в круглых же скобках без кавычек даются замечания рассказчика. Объяснения того, кто записал текст, или замечания составителя, вводимые для уточнения смысла перевода, даются в квадратных скобках. Тексты печатаются с соблюдением основных положений финно-угорской транскрипции. Отметим только, что *ii* (двойное *i*) обозначает не долгий гласный, а дифтонг, например *mie upahiin* 'я забыл' (долгих гласных в говорах данного диалекта нет). В транскрипции не отмечаются и позиционные варианты фонем, т. е. ассимиляция звуков в потоке речи, за исключением случаев, где послелог *luo* «*k*» переходит в падежный формант *-luo* (*-lüö*), например *tuli diedolluo* (>*tuli diedon luo*) 'пришел к дедушке', *on meällüö* (>*on meän luo*) 'находится у леса'.

Часть текстов записана носителями диалекта (записи Ф. А. Федорова, К. В. Манжина, А. А. Белякова, Д. И. Макаровой), другая часть записана участниками экспедиций на магнитофонную ленту и расшифрована для настоящего сборника (в оглавлении для удобства пользования эти тексты отмечены «звездочкой»). Расшифровки всех текстов произведены составителем сборника. В целях точной передачи языковых особенностей тексты дополнительно проверены с представителями данных говоров. Каждому тексту предшествует «паспорт», в котором указывается фамилия, имя и отчество рассказчика (там, где возможно было, дается карельское имя и «фамилия», если она отличается от русской фамилии, например *g a r a s' k e n m a i n a* — Кудряшова Мария Дмитриевна), возраст, название деревни, район, фамилия и инициалы записавшего и год записи. Указывается также место хранения полевых материалов.

В собственно карельском диалекте, на котором говорят карелы Калининской области, на основании ряда фонетических особенностей можно выделить три говора, условно называемых по наиме-

нованию крупных населенных пунктов, центров этих говоров, весьегонским, толмачевским (или лихославльским) и погореловским (или зубцовским). В кандидатской диссертации А. А. Белякова «Современный карельский диалект села Толмачи» (Л., 1946)⁸ описана фонетическая и морфологическая система наиболее распространенного толмачевского говора, на котором говорит основная масса карел Калининской области, проживающая в Лихославльском, Спировском, Рамешковском, Максатихинском, Брусовском и в части Лесного, Сандовского и Краснохолмского районов. Два других говора — весьегонский и погореловский — пока еще не описаны в лингвистической литературе, хотя тексты на одном из этих говоров уже и публиковались.

Укажем на некоторые особенности весьегонского и погореловского говоров, отличающие их от толмачевского говора.

1. Весьегонский говор от толмачевского отличается своеобразным употреблением *s* и *z* в словах передней огласовки в сочетании *si*, *ei* и *ä*. Там, где в толмачевском говоре употребляется шипящий *š* или *ž*, в весьегонском встречаем свистящий *s'* или *z'*:

Толм.	Весьег.	
šienī	šienī	'гриб'
šiel'ä	šiel'ä	'там'
šel'gä	šel'gä	'спина'
l'upsšaw	l'upsäw	'доит'
enžimäne	en'zimäne	'первый'

2. Другой отличительной чертой весьегонского говора является употребление дифтонга *ja*, где в других диалектах встречается дифтонг *ia*:

Толм.	Весьег.	
mua	mja	'земля'
tuatto	tjatto	'отец'
puata	piata	'убегать'

Дифтонг *ja* на месте *ia* встречается также и в говорах ряда деревень Лихославльского района (см. тексты №№ 73—76).

3. Характерной особенностью погореловского говора является сильная редукция или выпадение гласных в середине слова:

⁸ Основные положения диссертации опубликованы в статьях: А. А. Беляков. 1) Фонетика карельского диалекта села Толмачи Калининской области. Сов. финно-угроведение, V, Петрозаводск, 1949, стр. 62—98; 2) Морфологическая система собственно карельского диалекта (калининское наречие). Тр. Карело-Финского филиала АН СССР, серия лингвистическая, вып. 1, Петрозаводск, 1954, стр. 68—97.

Толм.	Погор.	
sulkuñe	sulkñe	'шелковый'
mie juohutan	mie juohtan	'я напомню'
ripütetah kuivamah	riptetah kuiwmah	'повесят сушиться'

4. Выделяется этот говор и отпадением конечных гласных или переходом их в другие гласные:

Толм.	Весьег.	Погор.	
ukko	ukko	ukke	'старик'
d'edo	d'edo	d'ed	'дедушка'
kul'u	kul'u	kul'	'баня'
kul'a	kul'a	kul'	'деревня'

Подробная характеристика этих говоров и выяснение причины возникновения указанных различий — дело будущего. Публикуемые в настоящем сборнике тексты могут послужить материалом для такого рода исследований.

Институт и составитель благодарят всех товарищей, которые в той или иной форме приняли участие в сборе материала для настоящего сборника.

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

МАНЖИН КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ (man'd'zoin košt'a), 58 лет, дер. Мосеевское (moišova) Вельегонского района. Авторская запись,¹ 1961 г. (АКФ, ф. 1,² оп. 30, ед. хр. 17, лл. 188—196, 204—206, 209—210).

№ 1. [veššin učitel'an kirjja]

soveckoin vlaš't'in aigah muvttu el'änd'ä veššin rajionašša. tuhatta kaheksänšadja üheksänkümmeenä vuodena zemstvan oččottoida müöt miän, veššin ujezdašša ol'i kaksikümmeänd'ä procentja hebožettomia taluo, nel'l'ätoiš't'a procentja l'ehmät't'ömiä, ol'i šada nel'l'äkümmeänd'ä kaksi tuhattia kul'ässä el'äjä, niiš'tä enämbi tuhattia miest'ä pakuojast'a.

tuhatta üheksän šadja viijen'd'eñä vuodena veššin zemskoi uprjava lugieči gubernijassa „hurana“. upriava kirjutti mužikoilla obraščeñjan šen aijan rašein azeih näh, mišt'ä šuit kolme členja oldih suwd'ittu i s'änimit't'u s'ijoilda.

l'ukät't'ih čiafin. tjaš vlaš't'i veššissä puvttu bohatoilla, a ei rjadajalla rahvahalla. okt'abrskoin revol'ucijan jal'geh vlaš't'in veššissä otettih sovietat. šiksi aigja tuldiñ frontalda saldiat — komunistat, kumbažet i l'ukät't'ih keřenskoin vlaš't'in.

ujeznoin sovietan enžimäñe predsedjat'el'a ol'i gfigofii t'e-reñt'evič št'eplanova,³ kumbañe toižiñke komunistoiñke alotti strojie uvttu el'änd'ä.

veššin ujeznoin gazietan redaktora al'eksandra todorsko i kniiğašša „vuoži — vintofkañke i pluwgañke“ kirjutti, kuin niih aigoih riattih enžimäžet veššin komunistat. t'amän kniiğan šilloin lugi l'eñina, i hiän kiit't'i veššil'äzie. l'eñina mainičči veššin komunistoida üksitoiš't'annella šjezdalla i newvo opaštuo veššil'äzištä.

¹ К. В. Манжин — учитель, местный корреспондент Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

² АКФ — Архив Карельского филиала Академии наук СССР; ф. 1 — фонд Института языка, литературы и истории (сектора языкознания).

³ Мужские фамилии на -ов, -ин, а также имена, оканчивающиеся на согласный, в карельском языке обычно оканчиваются на -а и по этой причине в форме номинатива совпадают с женскими фамилиями и именами.

nüt krest'anat kaikin ollah kolhozoišša. kolhoznikka on piässün äijist'ä huol'iloista. kolhoznikalla koišša on lat'tiet kriasittu, seižotah kravat'it, d'ivanat, pajattaw rad'ivo, a äijissä kolhozoišša on i el'ektriicestva. harva miššä on viel'ä pert'it pit'ivke lawcoivke ül'ci seinin. nuorizo gul'anjalla šuofiečow šargah i šulkuh, ajaw velošpiedoilla, eifin i motocikloilla. muwttu i vero pefeheššä, rahvaš süwväh hüvin.

ciisissä ollah miehet, kumbažet hüvin riatah. kaikella veššin rajonalla on kuwlovalla traktorista f'owd'oro'va, kumbaže „belarus“ traktoralla kund'i tuhatan üksitoist'a gektarja — kaksi vuwven normja. t'änä vuodena paraš dojarka on šuw'tina lob'iovan fermalla. hiän l'üpsi jogo l'ehmäšt'ä enämmän kolmie tuhattja l'itria. kuwlovalla ollah traktoristat volkovat, vel'lekset, i pokkižen, mašinovieda cvetkova, dojarah-paimen buskina, pt'ičnica vašil'jova.

kolhozašša „zvezda“ ogniišinan fermalla kaččow kanoida pol'ina vašil'jova. ni kel'l'ä rajonašša kanat ei muñita šen verdja jäičiä, kuin hänel'l'ä. t'änä vuodena hänel'l'ä jogo kanaže muñi šada viizikummeñd'ä jäičiä.

mašinovieda vašil'ii cvetkova on jo moñi vuotta rajonašša kuwlovalla, kuin paraš mjašt'eri mašinoida müöt. hänen luoh ajellah toizet mašinoviedat opaštumah.

paimen nikolai buskina enzimäže mužikois't'a rajonašša rubei l'ehmie l'üpsämäh. hiän paimendj stjadja i l'üpsi l'ehmie. l'üpsäñd'ä lugieči naižin ažieksi. a hiän jo toine vuoži paimendaw i l'üpsäw kaheksantoist'a l'ehmiä. hänež kaččuon i kolhozašša „vernji put“ paimen šabjanova rubei l'ehmie l'üpsämäh. l'ehmin l'üpsäñd'ä l'ieñi i mužikoin aziel

gazietašša „vesjegonskaja prawda“ omah riadoh näh buskina kirjuttaw:

„toine vuoži mie t'awt't'el'en omja gruppja l'äht'emist'ä. sügüzül'l'ä val'l'ičen parahie važoida, talven i tul'ijankežän iče šuot'an i juotan heid'ä, štobi oldais l'ihavemmat.

t'änä vuodena miwla ol'i viiži l'äht'emiiä. konže huö kannetah, vahnat l'ehmät s'iatamma zagotofkoih, a hiän šijah seižatamma nuoret. niinžo riatah i toizet dojarkat miän fermalla.

nüt miwn grupašša on viiži l'äht'emiiä i kaheksantoist'a l'ehmiä...“.

meid'ä veššin rajonašša viel'ä i še ihaššuttaw, što nuorizo školan loppehuoh ei aja l'innoih kebied'ä el'änd'ia eččimäh, a aštuw kolhoznoilla riavolla. meil'ä kuwlovalla on dojarka l'ida šuw'tina. konže hiän loppi d'est'il'etkan, rubei kolhozašša riadamah. hiän nüt zaocno opaštuw zoot'ehn'ikumašša.

müö, sovetskoi rahvaš, tahomma riadia hüvin, štobi t'eřiämme tulla komuñismah.

№ 1. [Письмо весьегонского учителя]

Во время советской власти изменилась жизнь в Весьегонском районе.

По отчетам земства, в нашем Весьегонском уезде в 1890 году было 20 процентов безлошадных хозяйств, 14 процентов бескоронных, было 142 тысячи сельских жителей, из них больше тысячи нищих.

В 1905 году Весьегонская земская управа считалась в губернии «левой». Управа написала мужикам обращение про тогдашние дела России, за что три члена [управы] были осуждены и сняты с должностей ('мест').

Спихнули царя. В Весьегонске власть опять попала к богатым, а не трудовому народу. После Октябрьской революции власть в Весьегонске взяли Советы. К тому времени с фронта прибыли солдаты-коммунисты, которые и свергли власть Керенского.

Первым председателем уездного Совета был Григорий Терентьевич Степанов, который с другими коммунистами начал строить новую жизнь.

Редактор весьегонской уездной газеты Александр Тодорский в книге «Год — с винтовкой и плугом» писал, как в те времена работали первые весьегонские коммунисты. Эту книгу тогда прочитал Ленин, и он похвалял весьегонцев. На Одиннадцатом съезде Ленин упоминал весьегонских коммунистов и предлагал учиться у весьегонцев.⁴

Теперь все крестьяне находятся в колхозах. Колхозник избавился от многих забот. У колхозника в доме полы крашенные, стоят кровати, диваны, говорит (поет) радио, а во многих колхозах есть электричество. Редко где еще имеются избы с длинными лавками вдоль стен. Молодежь на гулянье одевается в шерстяное и

⁴ Действительно, В. И. Ленин о книжечке А. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом» в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» писал: «Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление. Надо пошире распространить эту книгу. . . Возьму один маленький пример из рассказа тов. А. Тодорского. Дело шло о том, чтобы не оставить „безработными“ „купеческие руки“, а побудить их „взяться за работу“. . . Это превосходное и глубоко правильное рассуждение следовало бы вырезать на досках и выставлять в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее. Ибо то, что поняли товарищи в захолустном Весьегонске, сплошь да рядом упорно не понимают советские работники столиц» (В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 363—364).

В политическом отчете Центрального Комитета РКП(б) на XI съезде 27 марта 1922 г. В. И. Ленин говорил: «Я хотел бы привести одну цитату из книжечки Александра Тодорского. . . „Это еще полдела — мало буржуазии победить, доконать, надо ее заставить на нас работать“. Вот это — замечательные слова, . . . показывающие, что даже в городе Весьегонске, даже в 1918 году было правильное понимание отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией» (В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 260).

шелковое, ездит на велосипедах, а-то и на мотоциклах. Изменилась и пища в семье, народ ест ('едят') хорошо.

В почете люди, которые хорошо работают. На весь Вьсьегонский район прославился тракторист Федоров, который на тракторе «Беларусь» вспахал 1011 гектаров — две годовых нормы. В этом году лучшей дояркой является Шутина на Лобневской ферме. Она от каждой коровы надоила свыше трех тысяч литров. Славятся трактористы братья Волковы и Поккинен, механизатор ('машиновед') Цветков, пастух-дояр Бускин, птичница Васильева.

В колхозе «Звезда» на Огнищинской ферме смотрит за курами Полина Васильева. Ни у кого в районе куры не несут столько яиц, сколько у неё. В этом году у нее каждая курочка снесла по сто пятьдесят яиц.

Механизатор Василий Цветков уже много лет в районе славится как лучший специалист ('мастер') по машинам. К нему ездят другие механизаторы учиться.

Пастух Николай Бускин первый из мужчин в районе стал доить коров. Он пас стадо и доил коров. Доение считалось женским делом. А он уже второй год пасет и доит восемнадцать коров. На него глядя, и в колхозе «Верный путь» пастух Шабанов стал доить коров. Доение коров стало и мужским делом!

В газете «Вьсьегонская правда» про свою работу Бускин пишет:

«Второй год я пополняю свою группу коров нетелями. Осенью я выбираю лучших телят, зиму и следующее лето сам кормлю и пою, чтобы были упитаннее.

«В этом году у меня было пять телок. Когда они отелятся, старых коров сдадим на мясозаготовки, а на их место поставим молодых. Так же поступают и другие доярки на нашей ферме. Теперь в моей группе пять нетелей и восемнадцать коров...».

Нас в Вьсьегонском районе еще и то радует, что молодежь после окончания школы не уезжает в города искать легкую жизнь, а идет на колхозную работу. Прославилась у нас доярка Лида Шутина. Когда она окончила десятилетку, стала работать в колхозе. Она теперь заочно учится в зооветеринарном техникуме.

Мы, советские люди, хотим работать хорошо, чтобы скорее прийти в коммунизм.

Манжин Константин Васильевич. Авторская запись, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 17, лл. 182—185).

№ 2. *miwla šaneli hukkina mihaia-diedo*

miwla ol'i šeičimentoist'a vuotta, miän kül'än mihaia-diedolla vähäzet'tä üheksänkümmeñd'ä, künže mie küzel'in häñdä kreposnoih pravah näh. el'et't'ih hüö kolmen, muššassapert'issä. d'iedolla ol'i muččo irukka, kümmeñd'ä vuotta vahnembi d'ieduo,

i t'üt'är kat't'i — vahnat'utt'ö, kumbazella ol'i vähäzet'tä kuw-
zikümmeñd'ä vuotta.

muštjapert'ie miän l'ähizil'l'ä ni missä ei ollun. mie el'än jo vii-
zikümmeñd'ä viiz'i vuotta, a mušsal'l'apert'iššä ol'iin vai mihailla-
d'iedošša. miwn ijissä moizie pert'il'öid'ä miän paikoišša ei ollun.
muisan: kuin ovešta mänet pert'ih, oigiešša kiässä seižo šuwri lo-
hani, hurašša — kiwgja borovatta kuin riihessä, no hingaloŋke i
hiilokšerke. kiwgjanšuwñ kohassa, liassa, ol'i nel'l'auglane lowkko —
reppänä, kumpane salbiaci l'eviel'l'ä kriškalla. lagi i seinät keški-
ikkunoih štaten oldih mušsat i l'äimet't'ih, kuin liakalla katettu.
ul'öi seinän oldih l'eviet lawcat, šuwreššašopešša ol'i jumalkoda
jumaloŋke, stola i skammi. kiwgjan kohašša ol'i pieñemi stola,
kakši pal'cia stawcoŋke i purdijoloiŋke, puwhiñe šuolvakka.

kiwgjialla viruw irukka üksissä räččinöiššä. irukka ol'i pakšu,
hänel'l'ä ol'i l'aw'len šuorivošša viruo. a ješ'li mänet heil'ä, konže
pert'i l'ambiew, to pid'aw painjačie: alahjana nāgūw, ken on per-
t'iššä, a ul'ähianä on šavu, kuin tumana joven piäl'l'ä, i sil'mie
l'eikkjaw. ka kuin el'et't'ih iel'l'äl

a mihailla-d'iedo hot' i vahna ol'i, no ukko miel'evä. mīada
hänel'l'ä ol'i äijä i kaikkie riadia hänel'l'ä ei štannun. kul'vi hiän
vähäzin, pustijiloida niit't'i. hevošt'a jäl'gimäin ei pid'än, no ol'i
kakši l'ehmiä. tajehta ved'ä, kuñd'ä zjagordja i vähäne pellošša
hiän palkai i makšo rjavošta heinämjialla.

mie kuinto vejñ hänel'l'ä tajehta. tul'i hiän milma kuččumah,
a meil'ä, riähäksi, ewlun mil'l'ä t'el'egia voidja. ših aigah d'engat
oldih huogehet, d'öt'kiñiekat ajeldih harvah, müöd'ih d'ot'kie
l'eibäh, a müö iče l'eibiä oššimma. šanoimma müö omat gofat
mihailla-d'iedolla, a hiän muhahti i šano: „ajakkja miwn tahnuon
luoh. l'öwvammä, mil'l'ä voidja t'el'egä“. val'l'aššin hebožen, l'äksin
ajamah d'iedon luoh, ajan kul'ia müöt, a t'el'egä virguw, ajia huigie.

mil'l'ä müö voijimma t'el'egän, kuin duwmaitta? d'iedo toi pi-
halla t'awwen padažen kuoretta, kiado kuofien d'ot'kipadah, a mie
mazilkalla kuoreh čökin i voijan. šen jäl'geh t'el'egä l'äksi kebie-
zel'd'i, kuin šukkulañe, tadehet d'iedolla vejimmä. iče šen jäl'geh
ned'el'inpäivät ajal'imma virgunnatta, kuin pu'il'izet.

hot' i vahna jo ol'i ukko, a paginoišša, kuin mie muisan, ei haira-
hellun. l'äht'ow čikko tajehta šjattamah peldoh, a müö d'iedoŋke,
čikkuo t'ühjäŋke t'el'egäŋke vuottiašša, ištuočemma tahnuon kül'-
leššä il'i tahnuon pefiššä halgoloilla. ribiew mihailla-d'iedo ša-
nelemah mah el'änd'äh nāh. äijän hiän nāgi omalla ijäl'l'ä, el'i ka-
zakkana pomeššikašša, burlakoicči liadogalla, ol'i piit'e-
fiššä. hänel'l'ä ol'i kaksikümmeñd'ä viizi vuotta, konže ei l'iennün
krešposnoida pravja. mie maltoin, što moizie vahnoida ukkoloida
on vähä i kuwñdel'in häñd'ä šuw kahalleh.

hiän šanel'i, što miän l'ähizet kül'at, missä el'aw kafiela, ei
t'iet't'u pomeššikkja, kuin izänd'ä. heil'ä izänd'ä ol'i ud'ela, kum-
bazella hüö maksettih veduo. udel'noilla mužikalla el'iači kebiemi,

čem pomeššikan tagjana. makša aigah vedo — i el'a hoppuloitta vuoži. halguo i meččiä omih häd'ih vejet't'ih ud'ielan mečšät'a, a meččiä ud'ieläšša, hot' i ed'ähkößeä, ol'i äijä, mečča ol'i hüvä, korgie, šjapka langiew ladvah kaččuošša!

№ 2. Что мне рассказывал дедушка Хуккин Михаил

Мне было семнадцать лет, дедушке Михаилу из нашей деревни без малого девяносто, когда я его спрашивал о крепостном праве. Они жили втроем в черной [курной] избе. У деда была жена Ирукка [Иринья], на десять лет старше деда, и дочка Катти [Екатерина] — старая дева, которой было чуть меньше шестидесяти лет.

Курных изб в ближайших к нам деревнях нигде не было. Я живу уже пятьдесят пять лет, а в курной избе был только у деда Михаил. На моем веку таких изб в наших местах не было. Помню: как войдешь из двери в избу, по правую руку стояла большая лохань, по левую — печка без борова, как в риге, но с шестком и с загнеткой. Напротив устья печи, в потолке, была четырехугольная дыра — «труба», которая закрывалась широкой крышкой. Потолок и стены до половины окон были черные и блестящие, как лаком покрытые. Вдоль стен были широкие лавки, в красном углу были иконник с иконой, стол и скамейка. Против печки был стол поменьше, две полки со ставцами и блюдами, деревянная солонка.

На печи лежит Ирукка в одной нижней рубашке. Ирукка была толстая, ей было душно лежать одетой. А если придешь к ним, когда печь ('изба') топится, то надо нагибаться: снизу видно, кто в избе, а наверху — дым, как туман над рекой, и глаза ест. Вот как жили раньше!

А дед Михаил, хотя и стар был, но старик умный. Земли у него было много, и всю обрабатывать он не мог. Сеял он немного, пустыри скашивал. Лошади под конец [жизни] уже не держал, но было две коровы. Навоз вывезти, вспахать огород и немного в поле вспахать он нанимал и платил за работу покосом [т. е. давал свои покосы].

Я как-то возил у него навоз. Пришел он меня звать, а у нас, как на грех, нечем было телегу мазать. В то время деньги были обесцененные ('дешевые'). Дегтярники ездили редко, деготь продавали на хлеб, а мы сами хлеб покупали. Рассказали мы о своем горе (в ориг. мн. ч.) деду Михаилу, а он ухмыльнулся и сказал: «Поезжайте к моему двору, найдем чем смазать телегу». Запряг я лошадь, поехал к деду Михаилу, еду по деревне, а телега скрипит, ехать стыдно.

Чем мы смазали телегу, как вы думаете? Дед вынес на улицу полную кринку сметаны, вылил сметану в дегочницу, а я квачом

тычу в сметану и смазываю. После этого телега пошла легко, как челнок. Деду навоз вывезли. После этого сами с неделю ездили без скрипу, как порядочные.

Хоть уже и старый был старик, а в разговорах, как я приноминаю, не ошибался. Сестра с возом навоза поедет в поле, а мы с дедом в ожидании сестры с порожней телегой сядем около двора или за двором на дрова. Начинает дед Михаил рассказывать про свою жизнь. Много он видел на своем веку, жил в казаках у помещика, бурлачил на Ладоге, был в Питере. Ему было двадцать пять лет, когда не стало крепостного права. Я понимал, что таких древних стариков мало, и слушал его с разинутым ртом.

Он рассказывал, что ближние наши деревни, где живут карелы ('живет карела'), не знали помещика как хозяина. Хозяином у них был удел,⁵ которому они платили подати. Удельному мужику жилось легче, чем за помещиком. Заплати вовремя подати — и живи год без забот. Дрова и лес для своих нужд возили из удельного леса. А лесу у удела, хоть и далековато, было много. Лес был хороший, высокий: шапка падала, как на верхушку посмотрешь!

Широков Иван Васильевич (s i r o k o i n v a n a) 73 года, дер. Беньково (b e n i a k o v a) Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 268).

№ 3

kül'ässä aivin paist'ih: karielazet, kumbazet t'iäl'ä el'et'äh, oldih t'uönnett'ü t'änne petran vel'ikoin aigah. eüzimäne karielañe peresel'it't'ü kül'ä ol'i k'iamenka, a d'üwt'kövä, popowka oldih peresel'it't'ü müöhemmä. toizie kül'ie mie en voi sanuo, konza oldih peresel'it't'ü. iell'ä ukot meid'ä sanottih švedoiksi. peresel'äidih silloin, konza švedoissa ol'i voina. miän kül'ät oldih ud'ieläšša. meil'ä, vuotta kaksi seniin, opassetih skolassa karielan kiel'eh. kñiigat karielazet oldih, i gazietta „kolhozoin puoleh“ ol'i. mie ice luviiñ. nüt't'en opassetah skolassa veñiäl'äksi.

№ 3

В деревне всегда говорили: карелы, которые здесь живут, переселены сюда во времена Петра Великого.⁶ Первая переселенная

⁵ Удел — недвижимое имущество императорской фамилии, управляющееся удельным ведомством. В состав уделов было передано несколько миллионов десятин земли с населявшими эти земли крестьянами.

⁶ Среди карел Калининской области широко распространены рассказы о переселении их предков на эти земли. Подлинная история переселения и

сюда карельская деревня была Каменка, а Дюдиково [и] Поповка были переселены позже. О других деревнях, когда они переселены, я не знаю ('я не могу сказать'). Нас раньше старики называли шведами. Переселяли тогда, когда со шведами ('у шведов') была война. Наши деревни были удельные.

У нас, этак года два, в школах учили карельскому языку. Книги были карельские и была газета, [называлась] «Kolhozojn ruoleh» [«За колхозы»].⁷ Я сам читал. Теперь учат в школах на русском языке.

Королева Ольга Андреевна (pawš en ol'ga), 66 лет, дер. Труфаново Всевогонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 255—257).

№ 4

šežo ol'i pappi. papilla ol'i kazačiha. tul'i arbuwvaŋke müöja i ravižow: „eigo pie arbuwzja?“. pappi šanow: „mänekkö, mill'ä torguijah?“.

kazačiha kai i šanow: „torguijah arbuwzalla...“. a pappi šanow: „a mid'ä rjatah arbuwzalla?“. kazačiha šanow: „voit istuočie arbuwzan piäl'l'ä, nin viid'iw varžane“.

pappi: „mäne tuo“ — šanow. kazačiha toi.

nu papad'ja šanow: „mie istuočen arbuwzalla“. a pappi šanow: „šie rubiet aiviš skokkimah, omie rjadoloida rjadamah... šiwla ei šja istuo, mie iče istuon, einin varžast'a ei l'ie“.

pappi paŋi vakkah arbuwzan i iče istuoči arbuwzalla. ned'el'in istuw i toiz'en ned'elin istuw. pühäñäpiänä ei liaji obied'nia, ei jowwo, istuw. naižet tuldiŋ obied'ñalla: „mid'ia ewle obied'nia toiñe pühäpäivä?“.

имена исторических деятелей того времени уже стерлись в памяти потомков, поэтому предания о делах более чем трехсотлетней давности встречаются самые разноречивые: например, очень устойчиво предание, будто они «приграны в карты» или же «проданы царем местному помещику за собаку». (См. тексты №№ 9, 20, 59, 86, а также работы Пертти Виртаранта (Pertti Virtaranta. 1) Juho Kujola karjalan ja lyydin tutkijana. Helsinki, 1960, стр. 74; 2) Tverin karjalasten entistä elämää, Porvoossa, 1961, стр. 46).

⁷ Речь идет о карельской газете «За колхозы» — органе Московского комитета ВКП(б) и Мособлсполкома. После образования Калининской области (территория которой до 29 января 1935 г. входила в состав Московской области) газета под названием «Карялан правда» выходила до февраля 1939 г. в г. Лихославле — центре Карельского национального округа. Кроме того, с 1937 по 1939 гг. на карельском языке в Калининской области выходило три районных газеты: «Большевикойн тив» (Козловский район), «Ильичан кучунда» (Максатихинский район) и «Карялан правда» (Новокарельский район). (см. Ежегодник периодических изданий СССР. Газеты, 1939 год, М., 1940, стр. 54—58).

l'äht'eih kuzumeih. määnd'ih pappih, kázüt'äh kazačihalda: „min't'än ewle obieid'nia, pappi ei sluwži?“.

kazačiha šanow: „pappi ei jowwo, istuw arbuwzalla varžja“. naizet oldih boikoit. määnd'ih saraila, otettih papin tukišta i vejet'äh: „miñt'än et sluwži, išsut?“.

üksi naiñe hvatt'i arbuwzan vakašta. (oldih tagapordahat, pordahiin alla magari jänis). naiñe riehkäi arbuwzan tagapordahie vaš: jänis põll'äs't'ü, skokni da guomnoaidja müöt pagoh. a pappi dogad'i da jäl'l'ešt'i hüppiäw da kiruočow, naizie kiruow: „et't'ä andan vähäšt'ä viel'ä istuo, vowso boikoi ol'iis rojin varžal“.

jänis uid'i, tavottja ei šjan.

nu i kai.

№ 4

Вот был поп. У попа была работница. Пришел торговец арбузами и кричит: «Не надо ли арбузов?». Поп говорит: «Иди-ка, чем торгуют?».

Работница сходила, [пришла домой] и говорит: «Торгуют арбузами». А поп говорит: «А что делают с арбузом?». Работница и говорит: «Можно сесть на арбуз и высидеть жеребенка (так выидет жеребенок?»).

Поп: «Иди принеси», — говорит. Работница принесла.

Ну, попадя говорит: «Я сяду на арбуз». А поп говорит: «Ты все будешь прыгать, свои дела делать... ты не можешь сидеть, я сам сяду, а то жеребеночка не получится (не будет?»).

Поп положил арбуз в корзину и сам сел на арбуз. Неделю сидит и вторую неделю сидит. В воскресенье не служит (не делает) обедни, некогда, высиживает. Бабы пришли на обедню: «Почему нет обедни второе воскресенье?».

Пошли спрашивать. Пришли к попу, спрашивают у работницы: «Почему нет обедни, поп не служит?».

Работница говорит: «Попу некогда, высиживает жеребенка (сидит на арбузе?»).

Бабы были бойкие. Пошли на сарай [пристроенное к жилому дому хозяйственное помещение со въездом], взяли попа за волосы и тянут: «Почему не служишь, сидишь?». Одна женщина схватила арбуз. (Был въезд на сарай, под въездом спал заяц). Женщина как кинет арбуз на въезд — заяц испугался, выскочил да по огуменку и бежать. А поп увидел [зайца] да следом и бежит да ругается, женщин проклинает: «Не дали [вы] досидеть немножко еще, какой бойкий был бы жеребенок!».

Заяц убежал, догнать не смогли.

Ну и все.

Сбирката Татьяна Степановна (prokon taño), 66 лет, дер. Голон-
ково (Golowkova) Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г.
(АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 235—236).

№ 5

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton stјajah.
tјaton stјajašša kolme hebuo:
tјaton hebo — kuldagfiiva,
oman vel'len — hобiegfiiva,
a vaivan vel'len — vaškigfiiva.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton tahnuah,
tјaton tahnuošša kolme l'ehmiä:
tјaton l'ehmä — kuldašarvi,
oman vel'len — hобiešarvi,
vaivan vel'len — vaškišarvi.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton aittah,
tјaton aitašša kolme t'utt'uo
tјaton t'utt'ö — kuldakassa,
oman vel'len — hобiekassa,
vaivan vel'len — vaškikassa.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö tјaton pert'ih.
tјaton pert'issä kolme muččuo:
tјaton muččo — kuldaočča,
oman vel'len — hобieočča,
vaivan vel'len — vaškiočča.

oi-jon, oi-jon, o g o-čikko,
l'äkkömäkkö — ni kunnel

(loppieči).

№ 5

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого [Агафья],
пойдем-ка в отцовский табун ('стаю').
В отцовском табуне три кобылы:
кобыла отца — златогривая,
своего брата — среброгривая,
убогого брата — медногривая.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка во двор отца.
Во дворе отца три коровы:
корова отца — златорогая,
своего брата — сребророгая,
убогого брата — меднорогая.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка в клеть отца.
В клетю отца три девушки:
девушка отца — златокосая,
своего брата — среброкосая,
убогого брата — меднокосая.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка в избу отца.
В избе отца три жены:
жена отца — златолобая,
своего брата — сребролобая,
убогого брата — меднолобая.

Ой-ён, ой-ён, сестра Ого,
пойдем-ка — никуда!

(Кончилась).

Индеекки Михаил Кириллович, 50 лет, дер. Покрышкино (pokriš-
kina) Вельегонского района. Записал Г. Н. Макаров, 1959 г. (АКФ, ф. 1,
оп. 30, ед. хр. 1, лл. 71—72).

№ 6. kuin müö varuśamma s'ilossuo

silossuh god'iečow kaiken moiñe heinä. god'iečow i jjablokan korži i čilahañe. häñeh pannah ka l'eppiä: bivalo, pilkottih solo-mofeskoilla i silosuidih. seičas müö silosuicemma klieverie i kagra. kl'ieveri i kagra ollah vihannat. nämä ollah niit'et't'u, košilkalla, traktora niit't'i. näid'ä ei pie kuivata. näin mjan piäl'l'ä müö silosuicemma toiñe vuoži. mullone silossu ol'i hüvä. hiän iče muiguow, on äijä kislotnošt'ie. žiivatta süöw rumaldj silossuo.

mjan piäl'l'ä silosuicemma müö niin: burtah varoin val'icemma kuivan kohan. burtan lijajimma pidehüt'en üksitoist'ä metriä, l'evenhüt'en nel'l'ä metriä, korgehut'en kaksi metriä. t'ässä burtassa l'ieñöw viesjä kolmekümmeñ'ä tonnia. fermah varoin lijajimma l'ässä kümmeñen burtia. moižen burtan liad'ieśša mänöw kaksi

päiviä. jes'li t'ämä azie kaikki ljad'ie kahessa päiviä, pid'aw kolmekümmeñd'ä miest'ä. näin mjan piäl'l'ä ljad'ie šilossuo on parempi i šilossu l'iew parempi, čem hawvašša. konže burta on t'awt'et't'u, šen talljaw traktora. traktora burtja ljad'iešša talljaw moñičči.

№ 6. Как мы готовим силос

Для силоса годится всякая трава. Годится и ботва картофельная, и крапива. В него вот кладут и ольху: бывало, резали соломо-резками и силосовали. Сейчас мы силосуем клевер и овес. Клевер и овес зелёные. Они скошены косилками, трактор скосил. Это не надо сушить. Так на земле мы силосуем [уже] второй год. Прошлогодний силос был хорош. Он сам закиснет, [в нем] большая кислотность ('много кислотности'). Скот охотно поедает силос.

Наземным способом мы силосуем так: для бурта выбираем сухое место. Бурт делаем длиною одиннадцать метров, шириною четыре метра, высотой два метра. В этом бурте весу будет тридцать тонн. Для фермы готовим около десяти буртов. На закладку такого бурта идет два дня. Если всё дело сделать за два дня, надо тридцать человек. Так наземным способом делать силос лучше, и силос будет лучше, чем в яме. Когда бурт заполнен, его уминает трактор. Трактор при заполнении бурта много раз уминает.

Киршин Федор Яковлевич (kiršinan hod' o) 64 года, дер. Поцен (р о ё р о в а) Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 7).

№ 7

„pakšukiel'el'izet“ el'et'äh sandovašta ümbäfi. miän kiel'i on vienombi. rewnašša dubrovan kül'ä on. hüö paiššah: *vjasa, suola, suo; suossa niitämmä.*

a müö šanomma: *vjaša, šuola, šuo, šuošša niitämmä.*

lopiat'ihäšša paiššah miän ljaduh, kuin i müö pagizemma, ni müt'üt't'ä ei ole eruo.

„*mjajäičä*“ — šanotah borušša, borhinašša, buhrovašša, čižovašša, šenčovašša.

№ 7

«Толстоязычные» живут вокруг Саидова. Наш язык «потоньше» ('нежнее'). Рядом с нами деревня Дуброво. Там ('они') говорят: *vjasa* 'квас', *suola* 'соль', *suo* 'болото', *suossa niitämmä* 'на болоте (в болоте) косим'.

А мы говорим: *vjaša, šuola, šuo, šuošša niifämmä.*

А в Лопатихе говорят по-нашему, как и мы говорим, *шеч* никакой разницы.

miajdiččä 'картофель (земляное яйцо)' говорят в Бору, Борхине, Бухрове, Чижове, Сенцове.

Киршин Федор Яковлевич. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 6).

№ 8. *kařielazet nimet*

1. amossu; 2. ańńi; 3. arhippa; 4. arko; 5. arsa; 6. daru; 7. djańo; 8. djaivo; 9. fedu; 10. fedošši; 11. fekl'a, t'oka; 12. gawro; 13. garaššima; 14. gl'ebo; 15. hil'ippä; 16. hod'o; 17. igno; 18. iivana; 19. il'l'a; 20. iro, irukka; 21. izoššima; 22. jeńa; 23. jeńka; 24. jermakka; 25. kat't'i; 26. kondro; 27. kuža; 28. lawfi; 29. ljazari; 30. lukka; 31. lukko; 32. markki; 33. mařu; 34. mašo; 35. midro; 36. mińa; 37. miitfi; 38. mika; 39. mikaša; 40. mikki; 41. miku; 42. moišu; 43. nasto; 44. natto; 45. nawma; 46. nešt'eři; 47. niko; 48. orgu; 49. ohrema; 50. okku; 51. okšo; 52. ol'eksi; 53. ol'ona; 54. omel'a; 55. ondrei; 56. onto; 57. opi; 58. ort'o; 59. ošippa; 60. oška; 61. owd'i; 62. owdoska; 63. palaga; 64. pawša; 65. pawšo; 66. pedfi; 67. prokko; 68. riigo; 69. rod'a; 70. romana; 71. širgo; 72. sofona; 73. spiřidona; 74. taro; 75. t'ero; 76. t'iihana; 77. t'iitta; 78. t'imo; 79. t'itko; 80. ul'l'i; 81. ušt'i; 82. valašši; 83. varvo; 84. vašši.

№ 8. Карельские имена собственные

1. Амос; 2. Анна; 3. Архип; 4. Архип; 5. Арсений; 6. Дарья; 7. Данил; 8. Давид; 9. Федот[ий]; 10. Федосья; 11. Фекла; 12. Гавриил; 13. Герасим; 14. Глеб; 15. Филипп; 16. Федор; 17. Игнатий; 18. Иван; 19. Илья; 20. Иринья; 21. Изоссим; 22. Евгения; 23. Евгений; 24. Еремей; 25. Екатерина; 26. Кондратий; 27. Кузьма; 28. Лаврентий; 29. Лазарь; 30. Лука; 31. Лукерья; 32. Марк; 33. Мария; 34. Максим; 35. Митрофан; 36. Михай; 37. Дмитрий; 38. Михаил; 39. Никифор; 40. Никита; 41. Николай; 42. Моисей; 43. Анастасия; 44. Наталья; 45. Наум; 46. Нестор; 47. Никон; 48. Аграфена; 49. Ефрем; 50. Акулина; 51. Аксинья; 52. Алексей; 53. Елена; 54. Емельян; 55. Андрей; 56. Антон; 57. Иофимия; 58. Артем; 59. Осип; 60. Иосиф; 61. Евдокия; 62. Евдоким; 63. Пелагея; 64. Павлина; 65. Павел; 66. Петр;

67. Прокопий; 68. Григорий; 69. Родион; 70. Роман; 71. Сергей;
72. Софрон; 73. Спиридон; 74. Тарас; 75. Терентий; 76. Тихон;
77. Тит; 78. Тимофей; 79. Тит; 80. Ульяна; 81. Устинья;
82. Влас; 83. Варвара; 84. Василиса.

Лазарев Иван Лазаревич, 68 лет, дер. Остолопово Васьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. кр. 49, л. 196).

№ 9

mišt'a ottjači miän kafiela, en t'ijjã. tjatto i mjami oldjã kafielažet i iče ei muisettu, mišt'a rod'iečih t'amã kafiela.

miän ljaduh paiššah rjameňjašša, miijovašša, vakuwt'tinašša, korowkinašša, taračovašša, čopurkašša, žel'ežieňovašša, lušnikovašša, boňhinašša, holmušša, naid'oňkašša, daňilkovašša, sopilovašša, protiŵjašša, šiid'a ollah venakot kul'ät, veniäh'ižet. čiamorovan randa pagizow toiziin, hoikemmalla kiel'el'ŵã, ščib'lat'tän. a kečemi, lobňova, ploskoi, t'imoškinã, t'erpigora, čuhařova i kaikki pišt'iňčan randa pagizow pakšuldj.

№ 9

Откуда взялись наши карелы (в ориг. ед. ч.), не знаю. Отец и мать были карелы и сами не помнили, откуда получилась эта карела.

По-нашему говорят в Раменье, Миньеве, Вакутине, Коровкине, Тарачове, Чопуркове, Зеленеве, Лужникове, Боркине, Холме, Найденкове, Данилкове, Сопилове, Противье. Потом идут русские деревни, русское [население]. Чамеровский край говорит по-другому, «тоньшим» языком, [на «всь»] шепелявит. А Кесьма, Лобнево, Плоское, Тимошкино, Терпигора, Чухарево и весь Пятницкий край говорит «толсто».

Привалова Александра Ивановна, 70 лет, дер. Можайка Васьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. кр. 49, лл. 150—152).

№ 10

šanel'i miwla mjami, a mjamolla šanel'i mjami, miwn bjabo ŵienöw, kuin ol'i barsko-taračejevo kul'aňe. s'iel'a ol'i bajafin usad'ba. i šiid'a ol'i hänel'l'äh rjadajja kuwžikümmeäd'a

miest'ä. kuin kučuttih bajarie, en t'ijä. miwla jo on seiččimen-
kümmeñd'ä vuotta. nu ka, mjamo i šanel'i meil'ä, kuin baršinašša
el'et't'ih. bjabon mieheli'ä annettih seiččimentoist'a vuotta, a kuw-
zikümmeñd'ä vuotta ol'i šulahazella, ukolla. hiän ol'i kiwgiänliad'ija.
kiřikköl'öih kiwgaida liad'i.

biabo fedošja, konže hänel'l'ä ol'i seiččimentoist'a vuotta,
paimendi hahniloia da šorjie pellošša. ol'i vihmašä. hiän tul'i
märgä illalla paimenista da kiwgiäällä nowži miata dai uinoi
šinne. a unissai nägöw: napul'nikkia [?] müöt'en l'üwd'aw zmeja-
mado. hüppäi kiwgiäällä, kaglašta umbärii kl'äppieči. fedošja
unissa pöll'äštü zmejia i ravahti.

a mjamo kezriaw ikkunarannašša. tulow bajarišta kuharka,
kolot't'iw ikkunja, pert'ih ei tullun: „jegorovna, zawtra k vencu
dočku pripasail“ — „a za kavo?“.

kuharka šano vahnan ukon nimen. ruvikaš, tuhma, a fedošja
šoma-šoma ol'i, šoma. mjamo l'äksi tahnuolla dai largei.

šiid'ä tul'i da t'üt't'ärel'l'ä t'äl'l'ä i šanow: „nowže da huomena
venčalla pid'aw varuštiačie“. hiän šano: „t'üt'är-rukka, l'ähet kuin
venčalla, ved'amäh ruvetah, karposkoin jovella mel'ičän burha
on, vezi korhjaniw šiinä, da s'innei skokaha. el'ä venčaičieče
t'amäŋke ukorke!“.

fedošja, konže ruvettih ajamah venčalla šillačči, tahto sko-
kahtia burhah da kotta (oldih iel'l'ä kotat moizet nahkazet) tartu
i hänen hvat'ittih. i kiřikön lukuttih, venčaidih (otetah venčalla,
niin mjamo et ole jäll'est'i). kiřikössä sanotah: „kodvazeks'i
venčaičiečet“. (mjanitellah — ei it'kiis).

ka t'äšt'ä ukošta fedošjalla ol'i kolme lašta. i miwn mjamo
i ol'i niid'ä lapsie... hiän kolmeŋke lapšeŋkei jäi, konže l'ieni
hänen vol'a.

mužikkia, ukkuo, kül'äh ei oteta. sanotah: „mišt'ä tul'iit, šinne
i mänel'“. a biabo fedošja i šanow: „davai pakuomma kül'äšt'ä
mjada vähäzen pert'izen alla. viinia oššamma kül'äl'l'ä, niin an-
tah mjada.“

viinia ošsettih kül'äl'l'ä, annettih jogirandazella mjada vähäzen,
pert'izen šijalla. bobul'izet i oldih. ol'i pert'izeššä üks'i ikkuna,
a toiŋe ol'i ikkunaŋe volokovoi, alahana. lapšet t'äšt'ä volokovoista
ikkunazešta lawdäzen eišet'äh i kävel'l'äh peft'izeh, kuin mjamo,
fedošja, l'äht'öw barsinah rjavolla — süött'el'iečie pid'i. a ukko
t'amä kävel'i vešših, riibanoih — kiwgaida kiřikköl'öih liad'i.
nu a s'iid'ä kuoli. lapšet jiad'ih bjabolla. bjabolla mjada annettih
taráčovašša.

hot' vol'a l'ieni, a bajarowna s'iidä koišša el'i, a bjaboi kävel'i
hänel'l'ä rjadamah d'eŋgoista.

№ 10

Мне мать рассказывала, а матери рассказывала ее мать, мне она
бабушка будет, про деревушку Барско-Тарачеево. Там была усадьба

барина. Да еще у него было работников шестьдесят человек. Как звали барина, не знаю. Мне уж семьдесят лет. Ну вот, мать и рассказывала нам, как жили на барщине. Бабушке было семнадцать лет, когда ее выдали замуж, а шестьдесят лет было жениху, старику. Он был печник. В церквях ставил печи.

Бабушка Федосья, когда ей было семнадцать лет, пасла гусей и уток в поле. Была дождливая погода. Она пришла мокрая вечером с поля с пастухов и легла спать на печку да и уснула там. А во сне и видит: по напыльнику [?] ползет змея. Прыгнула [змея] на печку и вокруг шеи и обвилась. Федосья во сне испугалась змеи и закричала.

А мать прядет у окна. Приходит от барина кухарка, стучит в окно ('колотит окно'), в избу не вошла: «Егоровна, завтра к венцу дочку припасай!». — «А за кого?».

Кухарка назвала имя старого старика. [Старик] рябой, некрасивый, а Федосья красивая-красивая была, красивая. Мать пошла на двор и упала.

Потом пришла да этой дочери и говорит: «Вставай, да завтра к венцу надо приготовиться». Она сказала еще: «Бедная доченька, как поедешь венчаться, повезут [тебя], на Карповской реке около мельницы омут, вода бурлит там, да ты туда и прыгай. Не венчайся с этим стариком».

Когда поехали ('стали ехать') к венцу по мосту, Федосья хотела прыгнуть в омут, да кота (были тогда коты такие кожаные) зацепилась и ее схватили. И церковь заперли на замок, [пока] венчали. (Берут к венцу, так мать ведь следом не пойдешь).

В церкви говорят: «Только ненадолго венчаешься». (Обманывают, чтобы не плакала).

Так вот от этого старика у Федосьи было трое детей. И моя мать была из тех детей. . . Она [бабушка] с тремя детьми и осталась, когда стала ее воля.

Мужа-старика [моего дедушку] жить в деревню не берут. Говорят: «Откуда пришел, туда и иди!». А бабушка Федосья и говорит: «Давай у деревни попросим немного земли под избушку. Вина купим для мужиков ('деревни'), так дадут землю».

Вина купили они для деревни, им дали у реки ('на бережочке реки') немножко земли под избушку. Бобыли они и были. В избушке было одно окно, а второе было волоковое окошко, низко [около земли]. В этом волоковом окошке дети дощечку сдвинут и идут в избушку, когда мать, Федосья, бывает на работе на барщине, — питаться же надо было. А старик этот ходил в Весьёгонск, в Рыбинск — печки ставил в церквях. Ну а потом умер. Дети остались с матерью [т. е. с бабушкой]. Бабушке земли дали в Тарачове.

Хоть стала и воля, а помещица в прежнем своем ('том') доме жила, а бабушка и ходила к ней работать за деньги.

Титов Александр Титович, 69 лет, дер. Чухарево Вельегольского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. кр. 49, л. 176).

№ 11

miän kül'ä ol'i bajařin oma. bajařin famil'ja virbow. hiän ol'i veniähl'äne. bajaři el'i omašša koišša t'erpugoran i popad'inan väl'il'l'ä. bajařin omat kül'ät oldih: čuhařova, sofroniha, popad'ina, t'erpugora, čergiäd'nä, kül'ät jakuwšina i pet'el'övä oldih niin že bajařin. bajařin aigah mie pieñi ol'iin, a miwn tuatto i muamo ruattih bajařilla. enñein, buitto, ol'i kuin ken naičcow, niñ kăwd'ih kuzümäh bajařilda, ked'ä kăšköw ottua. ruattih kolme päiviä bajařilla, a kolme ičel'l'ä äd'el'iššä.

ud'ielan kül'ät šanotah: *l'ajiiin, viinja, t'jala* a müö šanomma: *luajiiin, viinua, tuala*.

kaikki miän oman bajařin kül'ät paissah pakšuldi, a piät'p'nčän kül'ät oldih toizella bajařilla. bajařin famil'ja ol'i čerkov. miän bajařin kariela on „virbowšina“, a piät'inčän reňnašša „čerkowšina“.

№ 11

Наша деревня принадлежала помещику (‘была барина-своя’). Фамилия помещика Вирбов. Он был русский. Помещик жил в своем доме между Терпугорой и Попадиным. Помещицьи деревни были: Чухарево, Софрониха, Попадино, Терпугора, Чернягино. Деревни Якушино и Петелево также принадлежали помещику. Когда еще были помещики, я был маленький, а мой отец и мать работали у помещика. Раньше, говорят, будто было так: если женятся, то ходили спрашивать помещика, кого велит брат [замуж]. Работали три дня в неделю на помещика, а три на себя.

В удельных деревнях (‘деревни удела’) говорят:

l'ajiiin ‘сделал’, *viinja* ‘вина’, *t'jala* ‘там’, а мы говорим: *luajiiin, viinua, tuala*.

Все деревни нашего помещика говорят «толсто», а пятницу деревни принадлежали другому помещику. Фамилия помещика была Черков. Край, где жили карелы нашего помещика, называют «вирбовщиной», а в пятницу стороне — «черковщиной».

Домашова Вяслава Алексеевна (g o' a k a n v a š š i), 55 лет, мур.
Терпигора Васьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ,
ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 172—173).

№ 12

müo pakšuh pagizemma, emmä šiwkuttuan. šiwkuttuan ostol-
pow šina š š a paissah, šiwkutetah.

miän küläšša: *šie, istuo, šüömäh, venüttiäče*; a šiel'ä: *šie, istuo, šüömäh, viruttuače*.

huomneksella nowžen. on poččine. poččizen šüöt'än, šiidä važazen juotan, l'ehmäl'l'ä juwva rengin towže annan. šiid'ä l'ehmän l'üpšän. l'ehmä t'äššä kakši päiviä ni üht'ä ei andan: piet't'i maijon. a nüt'-
len roskoñieči, l'üpšaw kolme puas't'ä huomneksella. šiid'ä, kačon, l'ehmät laškietah — i oman laššen. da, šiid'ä tulen kačahan lašta. kuin on havačušša, niin otan omah komnattah i šiid'ä rubien kiw-
guada l'ammit't'amäh i lapšella annan maijošt'a, šüöt'al'l'än, i hiän miwla käržuw. šiid'ä ka rokkah varoin juablokkua kuofitan, a lapši kaččow miwh, kuin mie kuofitan: kettuzet langetah, šiid'ä juablok-
kazet langetah. hiän kaččow i nagraw. šiid'ä sfiäppiečen, valmis-
san šüömišt'ä, murginua. lapšet šüöt'än da i tuaš lapšetke i fubien.

№ 12

Мы говорим на «ш» ('толсто'), а не на «сь», не «сивкаем». «Сивкают» в Остолповичине.

В нашей деревне: *šie* 'ты', *istuo* 'садись', *šüömäh* 'кушать', *venüttiäče* 'ложись'; а там: *šie, istuo, šüömäh, viruttuače*.

Утром встану. Поросенок есть. Поросенка накормлю, потом теленочка напою, корове пойла ведро понесу тоже. Потом корову подою. Корова тут два дня нисколько не давала: молоко задержала. А теперь разошлась, дает три горшка [молока] утром. Потом, смотрю, коров пускают — и [я] свою выпущу. Да потом приду посмотрю ребенка. Если проснулся, то возьму в свою комнату, а потом буду печь затапливать и ребенку дам молочка, покормлю, он у меня сидит тихо. Потом вот для супа картошку очищу, а ребенок смотрит на меня, как [я] картошку чищу: очистки падают, потом картофелинки падают. Он смотрит и смеется. Потом отстряпаюсь, приготовлю покушать, обед приготовлю. Детей накормлю да и снова с ребенком займусь ('буду').

Евсеева Анна Михайловна (jewšinan an'ni), 66 лет, дер. Бухрово Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 80—81).

№ 13

it'kōw muččoŋe meččāziissā,
kaŋgašmuahuziilla kajahuttelow,
heinäšmuahuziilla hel'ähüt't/el'ow.
piäd'uw tuatto tulemašša,
oven taguana olemašša,
šeinän taguana seižomašša.
„mid'ä it'et, a n'ni, ainova t'üt'är',
ken šiwma pahoin pid'aw,
buat'košgo pahoin šiwma pid'aw?“.
„et arvan, et arvan, kukki tuattožeŋi,
miwla buat'ko kuin rodnoi tuatto.
ükši paha pahottaw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŋguttaw,
nahkaruošiilla šnawvuttaw“.

it'kōw muččoŋe meččāziissā,
kaŋgašmuahuziilla kajahuttelow,
heinäšmuahuziilla hel'ähüt't/el'ow.
piäd'uw muamo tulemašša,
oven taguana olemašša,
šeinän taguana seižomašša:
„mid'ä it'et, a n'ni, ainova t'üt'är',
ken šiwma pahoin pid'aw,
muatkošgo šiwma pahoin pid'aw?“.
„et arvan, et arvan, kukki muamožeŋi,
miwla muatko kuin rodnoi muamo,
ükši paha pahottaw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŋguttaw,
nahkaruošiilla šnawvuttaw“.

it'kōw muččoŋe meččāziissā,
kaŋgašmuahuziilla kajahuttelow,
heinäšmuahuziilla hel'ähüt't/el'ow.
piäd'uw čikko tulemašša,
oven taguana olemašša,
šeinän taguana seižomašša.
„mid'ä it'et, a n'ni, ainova čikko,
ken šiwma pahoin pid'aw,
nadogo šiwma pahoin pid'aw?“.
„et arvan, et arvan, kukki čikkožeŋi,
miwla nado kuin rodnoi čikko,

ükŕŕi paha pahottaw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŕguttaw,
nahkaruoŕiilla ŕňawvuttaw".

it'kõw muččoŕe meččäziisŕä,
kaŕgaŕmuahuziilla kajahuttelow,
heiňäŕmuahuziilla hel'ähüt'tel'õw.
piäd'õw vel'l'i tulemaŕŕa,
oven taguana olemaŕŕa,
ŕeiňän taguana ŕeižomaŕŕa.
„mid'ä it'et, a ŕŕi, ainova čikko,
ken ŕiwma pahoin pid'äw,
ŕulahaňego ŕiwma pahoin pid'äw?“
„arvait, arvait, kukki vel'l'iženi,

t'ämä miwma pahoin pid'äw,
pit'iil'l'ä vičoilla viŕguttaw,
nahkaruoŕalla ŕňawvuttaw...“

(mid'äto on, da unahiin).

№ 13

Плачет молодуха во лесочке,
во бору раздается ее голос,
на лугах ее голос звенит.
В это время отец приходит,
за дверями находится,
за стеной стоит.
«Что плачешь, Анна, единственная дочь,
кто с тобою плохо обходится?
Свекор ли с тобою плохо обходится?»
«Не угадал, не угадал, милый тятенька.
У меня свекор, словно родной отец.
Один злодей тиранит,
длинными прутьями стегает,
кожаными плетками хлещет».

Плачет молодуха во лесочке,
по бору раздается ее голос,
на лугах ее голос звенит.
В это время мать приходит,
за дверями находится,
за стеною стоит.
«Что плачешь, Анна, единственная дочь,
кто с тобою плохо обходится,

свекровь ли тебя обижает?».
«Не угадала, не угадала, родная маменька.
Свекровь у меня, словно родная мать.
Один злодей тиранит,
длинными прутьями стегает,
кожаными плетками хлещет».

Плачет молодуха во лесочке,
во бору раздается ее голос,
на лугах ее голос звенит.
В это время сестра приходит,
за дверями находится,
за стеной стоит.
«Что плачешь, Анна, единственная сестра,
кто с тобою плохо обходится?
Золовка ли с тобою плохо обходится?».
«Не угадала, не угадала, родная сестреночка.
Золовка у меня, словно родная сестра.
Один злодей меня тиранит,
длинными прутьями стегает,
кожаными плетками хлещет».

Плачет молодуха во лесочке,
во бору раздается ее голос,
на лугах ее голос звенит.
В это время брат приходит,
за дверями находится,
за стеною стоит.
«Что плачешь, Анна, единственная сестра,
кто с тобою плохо обходится,
муж ли с тобою плохо обходится?».
«Угадал, угадал, милый братец.
Он со мною плохо обходится,
длинными прутьями стегает,
кожаной плеткой хлещет. . .».

(Что-то еще есть, да забыла).

№ 14

jäin mie muamošta kakšivuod'ine. pid'i kažvua miwla muačihaŋken. muačiha milma obiid'i, obiid'i. a vsotaki kažvoin mie muamoŋken, kažvoin do dvatsat'i... kahtehkümneuh vuodeh šuaten mie muamoŋken kažvoin. šiil'd'ä läksiin mie mieheliä. milma obiid'ittih, konž mie oliin pieñi.

milma, konž mie oliin pikkarañe, dvuhgodowvoi, milma tahottih šuattua meččäh. muamo šanow: „šuaa meččäh, en rubie elämäh, kuñi et häñd'ä šuaa meččäh!“. muačiha, nu da, mama, šorovno, muačiha šanow, što „en rubie elämäh, uijin pols!“.

tuatto viikon hlopotalä, što „en šuaa, en šuaa, hiäŋgo meid'ä obiid'iw, kakšivuod'ine?“. no sože soglassiečih šuattamah. hebožen vallaštj, tuli — mie maguan post'elilla.

„a kunne, šanow, häñen müö, t'ämän muožen pieñen, šuatamma, šanow. — hiäŋgo meid'ä obiid'iw? vet müö puwtumma molen, šanow, kun šuatamma häñen meččäh!“ — „a šanomma, što t'er'pigoraaš a gošt'išša on, dai, a šiid'ä hot'...“. — „a t'erpigoroine tuliah, šanotah, miššiä on iro?“ — „emmä t'ijjä, t'eilä läksi, a kunne hävii?“ — „mäñiel.. en šuaa, en šuaa meččäh!“.

nu t'ämän kerran mie jäin, meččäh ei šuatettu. mie kažvoin... jo ka kažvoin, aiviin käin pod'onšinoih. pod'onšinoih mie postojanno käin. rahvaš šuofiečetah, šuofivot hüvät, a miwla šuofivuo ewle. miwla karuzet šuofivot. t'äd'it annetah, da t'äd'ien šuofivoloišša kävelen. rahvaš karratah, i veššelät, udalat, a mie kuin rowno šulgiät't'ü, rannašša. a gulaija šorowno himottaw: šomuš ewle üksii, a nuoruš kaikilla on üksii kaikilla himottaw gulaimah, ka niin mie nuoruon aijan, ka kojokak i provod'iin.

šiid' mie mäñiin mieheliä. mieheliä mäñiin. mieheliä miwla ošt kakšitoista hengie pereh. jo konž šiih šua müö elimmä, lieñi šešnatsat', kuwžtoista hengie pereh, eroimma rannalla, rubeimma elämäh, oma polosta... ni mid'ä meilä ewle, kaikkie pid'aw oštua, naž'vie, kojokak i eläwvüimmä, lapšet kažvettih, kažvattin. rubeimma elämäh ničevo.

⁸ Каб. зв. — кабинет звукозаписи Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Осталась я от матери двухлетняя. Мне надо было расти с мачехой. Мачеха меня обижала, обижала. А все-таки я росла, с матерью, росла до двадцати [*«до двадцати»* говорит по-русски, пауза, по-карельски] годов я росла с матерью. Потом я вышла замуж: Меня обижали, когда я была маленькая.

Меня, когда я была маленькая, двухгодовалая, меня хотели отвезти в лес. Мать говорит [отцу]: «Отвези в лес, не буду жить, пока [ее] не отвезешь в лес!». Мачеха, ну да мама, все равно, мачеха говорит, что «не буду жить, уйду».

Отец долго отговаривался ('хлопотал'), что «не отвезу, не отвезу: она ли нас обижает, двухлетняя?». Но все же согласился отвезти. Запряг лошадь, пришел — я сплю на постели.

«А куда, говорит, ее мы, такую маленькую, отвезем, говорит. Она ли нас обижает? Ведь мы попадемся оба, — говорит, — если отвезем ее в лес!». — «А скажем, что в гостях в Терпигоре, да и, а потом хоть...». — «А терпигоровские придут, скажут, где Ирина?». — «Не знаем, к вам пошла, а куда потерялась?». — «Поди-ка!.. не отвезу, не отвезу в лес [дочку]! — [говорит отец].»

Ну, на этот раз я осталась, в лес не отвезли. Я росла... Вот уже и выросла. Постоянно я ходила на поденщину. На поденщину (*в ориг. мн. ч.*) я постоянно ходила. Народ одевается (одеваются'), наряды хорошие, а у меня нарядов нет. У меня худенькие наряды. Тёти дают — да и хожу в тётиных нарядах. Народ пляшет ('пляшут'), и веселые, ловкие, а я ровно оплеванная, в стороне. А гулять все равно хочется: красота не [у всех] одна, а молодость у всех одна! Всем хочется гулять. Вот я так молодое время, вот кое-как провела.

Потом я вышла замуж. Замуж вышла. Замужем у меня была семья двенадцать человек. Потом семья прибавилась до шестнадцати человек ('уже когда дожили до сех пор'), семья стала шестнадцать [*«шестнадцать»* говорит по-русски, пауза, по-карельски], и мы отделились на край [деревни]. Стали жить, своя полоса [стала]... Ничего у нас нет, все надо покупать, наживать. Кое-как начали жить. Дети [потом] выросли, [я] вырастила. Стали жить ничего.

Смирнова Барвара Лукьяновна, 70 лет, дер. Верхнее Весьегонского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, л. 96).

№ 15

riw-raw, reboženi,
kiven-kannon poigaz'eñi
kivellä kirguw,
rannalla rawguw:

„anna, pappi, t'üt'ärd'äl“.
„mid'ä šiwla ruaduo?“
„pudruo keit't'ia
stolan alla peit't'ia“.

libo:

„anna, pappi, t'üt'ärd'äl“.
„muštaba on“.
„kežäveži pežow,
muilanē muiččow,
ragehut raiččow,
rahkamaido ražendaw,
rieškamaido majendaw“.

(kaikki, t'amä on luhut).

№ 15

Рив, рав, лисынька,
обитатель леса ('сыночек камня-пня'),
на камне кричит,
на берегу брешет:

«Отдай, поп, дочь!».
«На что она тебе ('что тебе делать')?».
«Кашу варить,
[да] под стол прятать».

Или:

«Отдай, поп, дочь свою!».
«Да грязная ('черная') она».
«Летняя вода отмоет,
Мыло вымоет ('муйчов'),
Град вычистит ('райчов'),
Молоко с творогом сделает [ее] сочной,
Свежее молоко сделает [ее] сладкой».

(Все, это короткая).

№ 16

el'et't'ih briha da mjami. briha ol'i owšo bohatta i hänel'l'äh ol'i kuldañe kol'čañe. i kaikilla ol'i zävisno, što himottj šežen brihan tagjah miehel'l'ä.

üksi naine ol'i boikoi, hänel'l'äh ol'i t'ut'är, t'ut'är ol'i ei važnoi. hiän ottj t'ut't'ärel'd'äh vešt'i šormen i mäni šežil'l'üöh brihalluoh, i ottj kol'čažen briha, panettel'i: t'ut'öl'l'ä vokurat podoid'i. i män-d'ih svjataimah. šeže ottj, briha, miehel'l'ä hänen. l'äht'eih kirjuttjačemah. susiedalla ol'i owšo zävisno, što hänen t'ut'är puwttu miehel'l'ä. kuñi hūö kirjuttjačettih [ajettih kirjuttjačemah], hiän aivis jäl'lešt'i hüppäi. šiid'ä seižattu randah i ravizow. svjadi'ba viijit't'ih, hiän ravizow:

„vešto-kät't'ä, vešto-jalgja otettjhl!“.

svjad'iba piet'et't'ih heboz'en i kačahettjäh, mid'ä on t'ut'öl'l'ä. kun kačahettjäh — hänel'l'ä t'äwži alañe verd'ä. briha i dogad'ieci, što puwttu muččo paha.

№ 16

Жили парень и мать. Парень был очень богат, и у него было золотое колечко. И всем было завидно, потому что хотелось выйти замуж за того парня.

Одна женщина была бойкая. У нее была дочь. Дочь была неважная. Она взяла у своей дочери обтесала палец и пошла [с дочерью] к этому парню. И парень взял колечко, примерил: девушке как раз подошло. И пошли сватать. Тот, парень, взял ее замуж. Пошли записываться. Соседке было очень завидно, что ее [той женщины] дочь попала замуж. Пока они записывались [ехали записываться], она все время следом за ними бежала. Потом стала в сторонке и кричит. Свадьба едет, а она кричит:

«С обтесанной рукой, с обтесанной ногой взяли [они]!».

Свадьба остановила (в orig. мн. ч.) лошадь и посмотрели, что у девушки. Как посмотрели — у нее полная рукавица крови. Парень и догадался, что попалась жена плохая.

№ 17

e/et't'ih ukko da akka. zahot't'ieci akalla l'ihja. ukolla i šanow:
„ukko, miwla himottaw l'ihja!“ ukko šanow: „mišt'ä miwla ottja?“
akka šanow: „ota mišt'ä kaččuosi!“

ukko l'äksi meččäh. puwttu hänel'l'ä vaštah hukka. (hänel'l'äh
ol'i keralla kirves). hiän ottj l'eikkai jallan, toi jallan. keitt'ih
villat, šnimit't'ih nahkan, a l'ihat pandjäh keitt'ümäh.

hukalla jalga kivist'i. hiän l'äksi eččimäh, ken ottj. tul'i kul'äh.
ühessä akašša tul'i. hukka rubei ikkunan alla ravizemah: „miwn
l'ihja keitt'ätt'ä, miwn villja kežfišt't'ä, miwn nahkalla issuttal
o-ooi, o-ooi!“

l'äksi hüppiämäh.

№ 17

Жили старик и старуха. Захотелось старухе мяса. Старик и
говорит: «Старик, мне хочется мяса!». Старик говорит: «Откуда
мне взять?». Старуха говорит: «Бери откуда хочешь (где уви-
дишь')».

Старик пошел в лес. Попался ему навстречу волк. (У него [ста-
рика] был с собой топор). Он взял отрубил у волка ногу. Остригли
шерсть, сняли шкуру, а мясо поставили вариться.

У волка нога болит. Он пошел искать, кто взял [ногу]. Пришел
в деревню. У одной старухи огонь. Волк стал у окна кричать:
«Мое мясо варите, мою шерсть прядете, на моей шкуре сидите!
О-ооо, о-ооо!».

Побежал.

Солдатенкова Мария Яковлевна (čimin maša), 58 лет, дер. Пет-
ряево (petrjava) Краснохолмского района. Записал Ф. А. Федоров,
1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 300—301).

№ 18

e/et't'ih ukko da akka. akalla rubei himottamah vefest'ä l'ihja.
akka ukolla i šanow: „ukko, mäne meččäh, tuo l'ihja vefest'ä“.
ukko ottj kirvehen, l'äksi meččäh.

aštaw dorogja müöt'en, randah kačahtaw, toizeh kačahtaw.
kondielta jallan i l'eikkai. tul'i kod'ih kondien feijeŋke. ukko i ša-
now: „na, keitt'ä!“

akka l'ämmit'ti kiwgjan, l'ihat keit'tümäh pañi. nahkan perziën jalla — i villja kezfiämäh. istuw i kezfiäw.

kondie havačču. „oi, kivist'aw, kivist'aw!“. i l'äksi rammaten kül'äh: „kaikki jovet miatah, kaikki kül'ät miatah, uheššä ukošša i akašša tulella, miwn l'ihja keit'et'äh, miwn nahkalla iššutah, miwn villja kezfat'äh. hum-ham, süön!“.

a ukolla mid'ä riadja? ukko — akan kessel'ih i riputtj vefiän piäl'l'ä. ukko kiwgjalla. kondie rubei tulemah peřt'ih. vefiän avai — akka keššel'iŋke i laŋgei. kondie pöll'äst'u i pageñi.

akka da ukko istuočettih da vain l'ihja šüwväh. kondie jallat-tai jäi.

№ 18

Жили старик да старуха. Старухе захотелось свежего мяса. Старуха и говорит старику: «Старик, поди в лес, принеси мяса свежего». Старик взял топор, отправился в лес.

Идет по дороге, в сторону посмотрит, в другую посмотрит. У медведя ногу и отрезал. Пришел домой с медвежьей ляжкой. Старик и говорит: «На, свари!».

Старуха ватопила печь, мясо поставила вариться. Шкуру под себя — и стала прясть шерсть. Сидит и прядет.

Медведь проснулся. «Ой, больно, больно!». И пошел, хромая, в деревню: «Все реки спят, все деревни спят, у одного старика и старухи сидят с огнем, мое мясо едят, на моей шкуре сидят, мою шерсть прядут. Хум-хам, съем!».

А старику что делать? Старик старуху в кошель и повесил над дверью. Старик на печку. Медведь стал ломиться в избу, дверь открыл. Старуха с кошелем и упала. Медведь испугался и убежал.

Старик да старуха сели да только мясо кушают. Медведь без ноги и остался.

Нязовцев Петр Иванович, 68 лет, дер. Волхово Молоковского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл 204—205).

№ 19

iel'l'ä kafielažiissa kül'iissä ol'i ad'ivoñed'el'i. ad'ivoñed'el'i ol'i pühänkeššessä muasl'encah šuaten. t'ämä ad'ivoñed'el'i ol'i ei uht'eh aigah, a eizimöit uheššä kül'ässa, toizella ned'el'il'l'ä — toizešša, kolmannella ned'el'il'l'ä kolmannešša kül'ässa.

kül'äh kučuttih rod'nua, eñämmit'en t'üt't'uo. ješ'li sluavalla kül'ä, vessel'ä — i niin tullah t'üt'öt, ässen omaŋke i l'eiväŋke tullah kučcumatta, värčizeššä l'eivät i sruada. keh niibuť tuttavah pürgiw i laškietah muwttuacemah. t'äššä tullah t'üt'öt hüväššä srua-

dašša. nu ka t'ämän tokkua tullah i brihat, i ka šiid'ä bfihat ad'ivoñed/el'il'l'ä val'itah iččiel'l'ä muččoloida i hüvie t'üt't'öl'öid'ä. t'ämän jäl'geh koziččemah ruvetah, ken keh miel'd'uw. toizella ad'ivoñed/el'il'l'ä nuofil'ista l'äht'ow toizeh kul'äh. šuoñiel'iečettih kondjekši, hebozekši, čuwd'ittih. vahnat kãwd'ih kaččomah, jogohiñe muamo — omua t'üt'ärd'ä, žeñihua [kaččo].

№ 19

Раньше в карельских деревнях отмечали ('была') неделю гостей [«адьво⁹-недели»]. Неделя гостей была в мясоед [и отмечали ее] до самой масленицы. Эта неделя гостей была не во всех деревнях в одно время, а сначала в одной деревне, на другой неделе — в другой, на третьей неделе — в третьей деревне.

В деревню приглашали родню, большей частью девушек. Если деревня славилась, [была] веселая, девушки и так приходят, даже со своим хлебом придут, без приглашения, в мешочке хлеб и наряды [приносят]. К кому-нибудь знакомому просится [девушка], и пускают переодеться. Сюда ('здесь') девушки приходят нарядные ('в хорошем наряде'). Ну вот, из-за этого приходят сюда и парни. И вот здесь парни на неделе, когда гостятся девушки ('на адьво-неделе') выбирают себе невест и хороших девушек. После этого [парни] сватать начинают, кто понравится. На второй «адьво-неделе» молодежь пойдет в другую деревню. Рядились в медведей, в лошадей, «чудили». Старые ходили смотреть, каждая мать — свою дочь, жениха [смотрела].

Низовцев Петр Иванович. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл. 206—208).

№ 20

miän volhova kul'ä on tuodu volhovald a jovelda. t'äh näh pagiziimma tuatonke ruaduaišša. hiän žežo kuw'li end'izišt'ä ukko-loista. miwn tuattuo kučuttih vaña ol'eks'inpoiga. hiän el'i šeiččimenkümmeñd'ä nel'l'ä vuotta, viijeñnel'l'ä vuwvella hiän kuol'i. d'ieduo, tuatontuattuo, kučuttih ol'eks'ei karpanpoiga: hiän el'i kaheksänkümmeñd'ä kaksi vuotta. ol'eks'ei sün'd'ü t'äl'l'ä že šijua, volhovalla. d'iedon tuattuo kučuttih karpa garaškenpoiga. hiän sün'd'ü t'äl'l'ä že šijua, volhovalla. a iel'leh, ket oldih tuatot — en voi t'ied'ä. nämä ukot oldih t'ervehet, ruadua mahettih...

⁹ Адьво — женщина, обычно девушка, находящаяся у родных в гостях в течение одной-двух недель в зимнее время (карельский обычай).

Наша деревня Волхово переселена ('привезена') с берегов реки Волхова. Об этом говорили с отцом на работе. Он тоже [об этом] слышал от старых ('прежних') стариков. Моего отца звали Иван Алексеевич. Он прожил 74 года, на [семьдесят] пятом году он помер. Деда, отца [моего] отца, звали Алексей Карпович. Он прожил восемьдесят два года. Алексей родился на этом месте, в Волхове. Отца [моего] деда звали Карп Герасимович. Он родился на этом же месте, в Волхове. А дальше, кто были предки ('отцы'), я не знаю ('не могу знать'). Эти старики были здоровые, работать умели...

Ильцов Петр Иванович. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, л. 213).

№ 21. volhovalla ollah karielazet nimet

1. ol'ga; 2. ped'ri; 3. nasto; 4. kat't'i; 5. d'e'no; 6. okul'i; 7. du'na; 8. va'ska; 9. da'ro; 10. niikko; 11. sa'uka; 12. jogora; 13. ta'na; 14. sergo; 15. mat'ro; 16. owd'ei; 17. jehimä; 18. ma'fi; 19. fil'ka; 20. ondrej; 21. oni'ssa; 22. a'ni; 23. miikula; 24. t'imo; 25. feta; 26. ol'eksandra; 27. kona; 28. mikoi; 29. st'opka; 30. sek'l'i; 31. va'fa; 32. pa'sa; 33. pawlo; 34. ok'si; 35. o'ska; 36. t'ihana; 37. marfa; 38. johora; 39. l'izaveta; 40. onto; 41. mawra; 42. nad'o; 43. st'epa; 44. riigo; 45. owd'i; 46. homina; 47. juakko; 48. filatke; 49. mikki; 50. opo; 51. pet'u; 52. gru'sa; 53. sa'sa; 54. ust'i; 55. paro; 56. hoda'fi; 57. pa'nt'ö; 58. da'nila; 59. opro'ssi; 60. midro; 61. mat'fona; 62. mo'sa; 63. ok'si; 64. ma'sa; 65. makara; 66. ofimjan; 67. ol'ek'si; 68. ul'l'i; 69. d'emida; 70. va'uska; 71. mat't'i.

№ 21. Карельские имена собственные на Волхове

1. Ольга; 2. Петр; 3. Анастасия; 4. Екатерина; 5. Денис; 6. Акулина; 7. Евдокия; 8. Василий; 9. Дарья; 10. Никифор; 11. Александр; 12. Егор; 13. Татьяна; 14. Сергей; 15. Матрена; 16. Авдей; 17. Ефим; 18. Мария; 19. Филипп; 20. Андрей; 21. Ансья; 22. Анна; 23. Николай; 24. Тимофей; 25. Фета; 26. Александр; 27. Конон; 28. Николай; 29. Степан; 30. Секла; 31. Варвара; 32. Парасковья; 33. Павел; 34. Аксинья; 35. Осип; 36. Тихон; 37. Марфа; 38. Ерофей; 39. Елизавета; 40. Антон; 41. Мавра; 42. Надежда; 43. Степанида; 44. Григорий; 45. Евдокия; 46. Фома; 47. Яков; 48. Филат; 49. Никифор; 50. Апро-

сия; 51. Петр; 52. Аграфена; 53. Александра; 54. Устинья;
55. Парасковья; 56. Федор; 57. Пантелей; 58. Данил; 59. Апро-
синья; 60. Дмитрий; 61. Матрена; 62. Моисей; 63. Аксинья;
64. Мария; 65. Макар; 66. Офимьян; 67. Алексей; 68. Ульяна;
69. Демид; 70. Варвара; 71. Матвей.

Жукова Варвара Алексеевна (ol'eksín varvo), 70 лет, дер. Коля-
чиха Сандовского района. Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1,
оп. 19, ед. хр. 49, лл. 342—343).

№ 22

— tuwfin-tawfin, rebozen,
miššä el'iit kežäzen?
— taivahlissa t'äd'iziiššä.
— mid'ä šiel'ä ruavoit?
— kümmeid'ä lašta kačoin.
— kuin šiwn lapšie kučuttih?
— üksi — ka t't'i,
— toine — ma t't'i,
kolmaš — korvan kolkuttaja,
nel'l'äš — neido puallikkaše,
viijješ — l'il'i-harakkaše,
kuwveš — kut'ti kšrbäše,
šeiččimeš — šepä t'epo,
kaheksäš — kaidaparda,
uhkšäš — kul'l'in-mül'l'in,
kummeneš — kul'an vahnembi.

№ 22

— Туврин-таврин, лисынька,
где ты прожила лето ('летечко')?
— На небесах у тетушек.
— Что там делала?
— Десятерых детей нянчила ('смотрела').
— Как твоих детей зовут?
— Одна — Катти [Екатерина],
второй — Матти [Матвей],
третий — Ухо колотящий,
четвертая — Девица-палочка,
пятая — Лилли-сорока,
шестая — Кутти-муха,

сeдьмой — кузнец Теппо [Степан],
восьмой — Узкобородый,
девятый — Кюллин-мюллин,
десятый — Старший в деревне.

Утюгин Ефим Васильевич, 79 лет, дер. Батиха Сандовского района.
Записал Ф. А. Федоров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 49, лл. 333—335).

№ 23

enzišt'äh ajelemma t'üt'öl'l'üöh bešowdah. t'üt'öt kezrät'äh laḡ-
gua, a müö, brihat, istuočemma t'üt't'öiöi'l'ä rewnah. jogohine
oman t'üt'ön ottaw, rubiew pagizemah. illalla issumma čuasuo kakši.
lawletah virt'ä.

kuin kožita t'üt't'uoö, l'äht'öwgo mučokši, küžüt'äh. a hiän ei
l'ähe, niin enämbie el'ä tule. a kuin l'äht'öw, to viel'ä kuččuw,
andaw min ni veššoista: käžipaikan, fatan. briha ottaw. t'üt't'ö
kuččuw toižičči bešowdah. hiän kuñi küžüw tuatolda da mua-
molda. da.

toisildana männäh brihat. ka i silloin i paissah, l'äht'öwgo.
t'üt't'ö kuččuw tulla tuatorḡke heil'ä svuattoloiksi brihan omie.
tuatto i muamo, vell'et l'äht'iet'äh, konža ket, ked'ä on.

männäh t'üt'ön kod'ih. ka šiel'ä i tolkuijah. brihan tuatto küžü-
mäh rubiew t'üt'ön tuatolda da muamolda; „ka müö tul'iimma
t'eil'ä. on t'eil'ä t'üt't'ö, meilä miel'düw, a meil'ä on briha. eigo
voi üht'üö?“.

t'üt'ön tuatto da muamo annetah jo šiel'ä t'üt't'uoö. t'üt't'ö
l'äht'öw. tuatot i šanotah: „rubiemma jumalalla šil'mie rist'imäh“.

šil'mät riššit't'ih, istuočetah stolan taguah. šulahane neičüörḡke
rewnah istuočow. omahizet žežo istuočetah. ruvetah juottamah,
šüöt't'amäh. šiid'ä paissah, kuna piäna svuad'ibua kizuamah ruve-
tah. ka brihan tuatto i šanow: „hoť ned/el'iksi jät'ämmä, kuñi va-
ruštal'iečen, svuad'ibah varoin olutta keit't'ia, huoldua pid'aw
kaikkie“.

neičcüöšt'ä päin šanotah brihalla: „ka tulet kolmen päivän jäl'-
geh t'ied/el'emäh neičüt't'ä“.

neičcüönomat varustuacetah. briha i ajelow sinne t'ied/el'emäh.
ned/el'in päivät t'iäl'ä varustuacetah.

kučutah neičüt't'ä venčalla kirikköh. n'eičcüön tuatto i muamo
venčalla ei ajella, a omahizet vain. t'iäl'd'ä päin žežo brihan omat
l'äht'iet'äh hebožilla kirikköh. tuatot ei ajella.

brihalla i t'üt'öl'l'ä on seižatettu näre, šomennettu kojın kohašša.
jäl'geh venčua tullah šulahazeh. i neičcüšt'ä päin tullah t'üt'ön elo-

loiŋke omahizet. tuatto i muamo ei tulla. kizatah svuad'bua šulahazešša. piruijah, karratah i lawletah viržil'oid'ä i kaikkie ruatah. ollah šulahazen talošša üön, a huomneksella juolletah i l'äht'iet'äh kod'iloih. neičüt jiäw šulahazešša.

jäl'geh t'äd'ä t'üt'ön omat kučutah niin že gošt'ih. šinne l'äh-t'iet'äh i tuatot monella hebozella. šiel'ä gul'aijah suwtkat, muatah. toišpiänä gošt'at l'äht'iet'äh kod'ih, a nuoret vähäzekši jiahäh t'üt-t'öh, a jäl'geh tullah tuaš šulahazeh i ruvetah el'amäh.

№ 23

Сначала ездим к девушке на беседу. Девушки прядут пряжу, а мы, парни, садимся рядом с девушками. Каждый выберет свою девушку, начинает говорить [с ней]. Вечером сидим часа два. Поём ('поют') песни.

Как сосватать девушку, пойдет ли замуж, спрашивают. А если она не пойдет, то [парень] больше не приходи. А если пойдет, то еще пригласит, даст [задаток], что-либо из вещей: полотенце или шаль. Парень берет [это]. Девушку приглашает еще на беседу, когда она спросит [о разрешении выйти замуж] у отца да матери. Да.

На второй вечер идут гулять [парни]. Так вот тогда и договорятся, пойдет ли она замуж. Девушка просит прийти сватать с отцом и другими знакомыми парня. Отец и мать, братья отправляются сватать вместе с теми, кто у него [на этот раз] окажется.

Придут в дом девушки. Вот там и толкуют. Отец жениха начинает спрашивать у отца да у матери невесты: «Вот мы пришли к вам. У вас есть дочь ('девушка'), она нам нравится, а у нас есть сын ('парень'). Нельзя ли нам сродниться ('объединиться')».

Девушкин отец и мать согласятся там выдать. Девушка пойдет замуж. Отцы и говорят: «Давайте покрестимся [помолимся] богу».

Покрестились, садятся за стол. Жених рядом с девушкой садится. Родня тоже садится [за стол]. Начинают угощать ('поить, кормить'). Потом договорятся, в какой день будут играть свадьбу. Вот отец парня и говорит: «Хоть на неделю отложим, пока приготовлюсь, к свадьбе надо пиво наварить, всего надо приготовить».

Родственники ('со стороны') девушки скажут парню: «Вот придешь через три дня навестить невесту».

Родня со стороны невесты готовится [к свадьбе]. Парень ездит туда навещать [невесту]. С неделю здесь готовятся к свадьбе.

Пригласят невесту венчаться в церковь. Отец девушки и мать в церковь ('на венчанье') не едут, а едут только родственники. Из дома жениха ('отсюда') родственники [и сам жених] также на лошадах отправляются в церковь. Родители ('отцы') тоже не едут.

Парень и девушка устанавливают украшенную елку около дома. После венца придут к жениху. И со стороны девушки придут

родственники с приданым. Отец и мать девушки не едут [к жениху]. Свадьбу играют у жениха: пляшут и поют песни, все делают. Пробудут в доме жениха ночь, а утром немножко выпьют и отправляются по домам. Невеста остается у жениха.

После этого родственники девушки тоже приглашают в гости. К ним поедут и родители ('отцы') на нескольких лошадях. Там гуляют сутки, переночуют. На второй день гости отправятся домой, а молодые на недолго остаются у родителей девушки, а после приедут в дом мужа ('жениха') и начнут жить.

Румянцева Екатерина Ивановна, 83 года, дер. Свищево Лесного района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. яз., запись № 32/2).

№ 24

osindala, osindala,
osindala pikkarañe šoržañe,
osindala pikkarañe šoržañe.

kuimbj miwla, kuimbj miwla,
kuimbj miwla t'ämä šorža tavottua,
kuimbj miwla t'ämä šorža tavottua.

ščiplin šullat, ščiplin šullat,
ščiplin šullat šifiellä pellolla,
ščiplin šullat šifiellä pellolla.

vuodaw vefi, vuodaw vefi,
vuodaw vefi zelenalla logalla.
vuodaw vefi zelenalla logalla.

№ 24

Осиндала,¹⁰ осиндала,
осиндала маленькая уточка,
осиндала маленькая уточка.

Как бы мне, как бы мне,
как бы мне эту утку поймать,
как бы мне эту утку поймать.

¹⁰ Звукосочетание «осиндала» в современном карельском языке ничего не обозначает, это может быть видоизмененное карельское слово uiksindel'i 'лаваала' или же переделанное русское слово «садилась», «восседала».

Выщиплю перья, выщиплю перья,
выщиплю перья на ровном поле,
выщиплю перья на ровном поле.

Льется кровь, льется кровь,
льется кровь на зеленом лугу,
льется кровь на зеленом лугу.

Сиверцов Егор Федорович (šivercovan jehera), 65 лет, дер. Кострецы (h u a b r' i k k a) Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, л. 1).

№ 25

mužikka läksi meččäh. pöllölla hänen kurret tavotettih i otettih i uläh i nošsettih. nošsettih — i ei šua heiläh häneške leñd'ia. ka hänen i hullatt'ih. mužikka laŋgei kohaldj šuoh i uppoi, vain piä i nägüw. piäššä ni kuin ei šua. ka hiän ottj da kävü zuasturap toj, kaivo muan i piäzi.

№ 25

Мужик пошел в лес. На поле догнали его журавли и взяли и наверх подняли. Подняли — и они с ним не могут лететь. Вот его и оставили. Мужик упал прямо в болото и утонул, только голова и видна. Выбраться никак не может. Вот он взял да сходил за заступом, отрыл землю и выбрался.

Сиверцов Егор Федорович. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, л. 3).

№ 26

a ennen oli ribinskaja vološt', šelo kostretskoje zaručje, a kafieläksi šanottih huabrikka: ken šano huabrikka, ken i kosrecakši šano, nuoret. miän kuläštä da i maškešta, ferožnašta, kruasuhalda, bikowhkalda ollah s'ibefih uid'innuot. enžimäne part'ei läksi tuhatta ühekšän šadua kakši-

toistaš vuuvvella. iče läht'eih, ei ni ken siinne šuattan. jo vähä on elošša, ukot kuoldih. vielä on ükski ukko elošša, miwn troirodnoi vellii, kaheksänkümmeñd'ä vuotta, i naizeh elošša on. miñka-ziilla t'üönd'äw kirjua. ešäw ipatskoi soläšša jeñiseiskoida oblast'ie, iellä oli gubernia.

№ 26

A раньше была Рыбинская волость, село Кострецкое Заручье. А по-карельски называли «Хуабрикка»: кто называл «Хуабрикка», а кто и «Кострецами» называли, молодые. Из нашей деревни да из Малькова, Ферёжни, Красухи, Быковки уехали в Сибирь. Первая партия отправилась в 1912 году, сами поехали, никто их туда не посылал. Уже мало в живых, старики умерли. Еще один старик жив, мой троюродной брат, восьмидесяти лет, и жена его жива. Миньке ('Минькам') шлёт письма. Живет в селе Ипатское Енисейской области, раньше была губерния.

Суворов Василий Николаевич (mikolan vaša), 61 год, дер. Воздвиженье (sviženie) Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 52—53).

№ 27

sviženie on, šanotah, stuaro in tagada [tuodu]. enzimäzet ešäjät tuldih siel'dä vuotta kolme šadua. hūö sinne jät'et't'ih muan, ei ruven l'eibä kažvamah. tuahta že ennen ei pandu, i tuldih uwvella mestalla...

miän kül'ä baršinalla ei ruadannun, a karielan kül'ät bormina, pessogora ruattih baršinalla puolet kül'ie, a toizet puolet udel'sinalla. hormat ei el'et't'ü näissä kül'iissä, vain karielat oldih. udel'sinalla el'et't'ih karielat paremmin, bajafi ei niin obiid'in, a baršinalla el'et't'ih ul'en pahoin, kewhāl'd'i, pid'i vešma pahoin bajafi. silloin vet ka bajaršinalla ket ruattih: kolme päiviä bajarilla ruattih, a kolme päiviä icčiel'l'ä. muat oldih annettu mužikoilla suamoit pahat. bajarilda kuzumät't'ä ni mid'ä ei voinun ruadua, äššen ei voinun najja, ottua mieh'l'ä, ked'ä tahot. keñen bajafi käšköw, žei ota. da bajafi, kuin miel'd'uw morziemeh, to enzimäzekši uökši ottaw icčiel'l'ä kodih. muamo miwla šanel'i, sto näin ol'i šillon aiga. ka ol'i aiga: bajafi mid'ä kehtai, šid'ä i ruado mužikoijke.

Воздвиженье, говорят, из-под Старого [переехало]. Первые жильцы оттуда прибыли лет триста [тому назад]. Они там оставили землю, [так как] не стал хлеб расти. Землю-то раньше не удобряли ('навозу-то не клали'), и пришли на новое место.

Наша деревня на барщине не работала, а карельские деревни Бормино, Пессогора работали на барщине, половина этих деревень [работала], а вторая половина входила в удельщину. Русские не проживали в этих деревнях, только карелы были. В удельщине карелы жили лучше, власти ('помещик') не так обижали, а на барщине жили очень плохо, бедно, помещик держал их очень плохо. Тогда ведь кто на барщине работал, [то] три дня на помещика работал, а три дня на себя. Крестьянам были даны самые плохие земли. Без разрешения ('спроса') помещика ничего нельзя было делать, даже нельзя было жениться, взять замуж кого хочешь. Кого помещик велит, ту и бери. Да помещик, если ему понравится невеста, то на первую ночь берет к себе домой. Мать мне рассказывала, что такой тогда был порядок ('такое было время'). Вот было время: помещик, что ему не лень было делать, то и делал с мужиками.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 53—55).

№ 28

ka miän kül'än luona on kalmizo, niin metrua kakši šadua kül'äst'ä. ni ken ukkoloista ei t'ijjä, konža on šinne rahvaš kät'kiet't'ü. kuol'iet on kät'kiet't'ü madalalla, piäl'd'ä päit'en sañ'imetrua kuw-zikummeñd'ä, i piäl'l'ä on pandu vešma šuwret kivipl'iitat. ja ku-d'iäd'ö, miän kül'äst'ä, kaivo, ečči uarrehta, niin mie iče šiiñä ol'iin brihazena. šai hawvašta luwt i šiel'ä ol'i hapanomatta šar-gañe kod'ikuvottu hattara. hiän kaivo vain jalgaluwt, uarrehta ei puwtun, i kaivannan ja ku-d'iäd'ö hül'gäi. jalgaluwt oldjñ šuwret, pit'ät... jalgua müöt' nágüw, što rišt'ikanža ol'i vešma šuwfi.

toine kalmizo on mečäššä, mečän alla, kül'äst'ä virštua viiži. šil'l'ä mečäl'l'ä jo on vuotta kolme šadua. šiel'd'ä ni ken ei kač-čon i kaivan kalmizuo. t'amä kalmizo on iel'l'izen järven l'äššä. a nüt že järvi on šuona, voit kävell'ä. ni ken ei t'ijjä, ket šinne on kät'kiet't'ü. t'amä kalmizo on sujet'ihan tagana, virštua kolme. ukot šanotah, što järveh on jianün veneh kaznařkena, iel'l'iziin rozboinikoin. ukot ečit't'ih, no veneht'ä l'öwvet't'ü ei. miän d'iedo šanel'i, äijät ečitel'd'ih, no l'öwvet't'ü ei. t'all'ä mestalla, kül'äst'ä viršäl'ine, on bajařin bruwdu, i l'öwvet'äh künnet'ül'l'ä mualla

kirpiččä; no ni ken ei muisa, ken ol'i bajafi i konža el'i, hiin kuin miän kul'a i sujet'iha bajaxšinalla ei el'et't'u. sujet'iha on eron miän kul'ast'a. kel'l'a ol'i kirpiččäst'a huonehuš, hiin el'i šiel'a eñnen miän kul'ia. konža kul'a t'anne tul'i, šiel'a taloloida i huonehukšie kirpiččäst'a ewlun, a bruwdu viel'a ol'i hüvä. nüt bruwdu mäni šuokši. šuwfi bruwdu ol'i, üksiinpuol'iin on šada metrua, a toiziinpuol'iin šada l'izäŋke on.

künd'iasšä bruwduin kohašta muada puwttuw kirpiččä i rawvast'a reŋgin paŋgua. a kirpiččä puwttuw ruškie.

eñnen t'ial'a kažvettih tammet, vašta ei ammuin üksi on laŋgennun, ložehutta ol'i t'üveštä d'iametrua müöt'en metrua puol'itoista. nagolo, ket aššuttih, kazi'l'l'a mittual'd'ih ümbäfi ložehutta.

№ 28

Вот около нашей деревни кладбище, так метров двести от деревни. Никто из стариков не помнит (не знает), когда туда людей хоронили (народ похоронен). Покойники лежат (похоронены) не глубоко, сантиметров на шестьдесят, а сверху положены очень большие каменные плиты. Дядя Яков, из нашей деревни, искал клад, и я был тут, [когда я еще был] мальчиком. Достал из могилы кость, и там была не сгнившая домотканая шерстяная портянка. Он раскопал только кости ног, клада не оказалось, и дядя Яков бросил рыть. Кости ног были очень большие, длинные... По ногам было видно, что человек был очень крупный.

Второе кладбище в лесу, под лесом, от деревни верст пять. Тому лесу, наверно, уже лет триста. Там никто не смотрел и не раскапывал могил (кладбища). Это кладбище недалеко от бывшего озера. А теперь это озеро заросло (уже болото), можно ходить. Никто не знает, кто похоронен. Это кладбище за деревней Суетиха, верстах в трех. Старики говорят, что в озере осталась лодка с казной, прежних разбойников [лодка]. Старики искали, но лодки не находили. Наш дед рассказывал, многие пытались искать, но не нашли. В этом месте, от деревни с версту, имеется помещичий пруд, и на вспаханной земле находят кирпичи, но никто не помнит, кто был помещик и когда жил, так как наша деревня и Суетиха не жили на барщине. Суетиха отделилась от нашей деревни. Чей кирпичный дом (у кого был из кирпича дом), тот жил там до того, как наша деревня образовалась. Когда деревня сюда переселилась (пришла), там домов и строений из кирпича не было, а пруд еще был хороший. Теперь пруд зарос (превратился в болото). Большой пруд был, в одну сторону метров сто, а в другую сторону сто с лишним.

Около пруда, когда пашешь землю, попадают кирпичи и дужки от железных ведер. А кирпич попадает красный.

Раньше здесь росли дубы. Один из них только недавно свалился, в комле по диаметру толщиной метра полтора. Всегда, кто проходил мимо, руками измерял вокруг толщину.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 55--57).

№ 29

t'ial'a, paikall'ine kar'ela šuoŋiečow ei ul'en kukikkahah šuoŋivoh, l'ähizet hormat šuatah kukikašta paikkua i plat'joida. vanhah aigah kafiellazet piet't'ih ruškeida šobie, kumakkaz'ie i vüött'iäčett'in ruškiella, a emämmäm mužikat piet't'ih kawhtanoida kod'ilažie, kumbaziissa kãwd'ih kirikköh, old'ih ruškiella kuššakalla vüött'iäčennüt. brihat kãwd'ih bešowdoh, nagolo vüött'iäčett'ih ruškiella kuššakalla i piäl'l'a nagolo piet't'ih koissakuvottuo vuatieda...

eñnen l'äht'iet'äh kirikköh, kežäl'l'a, kafiellane ottaw šuappust kad'eh i aštuw kirikköh keŋgät't'a, i šiel'a, mäñd'üöh, pihalla keŋgiečow i šuappaida piet't'ih kümmeñin-viiz'iintoista vuozlin, ukšie. a kuin oššetah pinžakan, stañit — i piet'äh puolen igiä. a kuin oššetah šargazen plat'jan, piet'äh kaiken t'ut'oššajan i šši-l'ut'et'äh kuh'i ei kuolla, eiñnen kuh'i ei kazveta t'utt'äret. ka t'amän akuwppahuoh el'ett'ih iel'l'ine rahvaš... eñnen vešma ol'i paha šuaħa d'eŋgua.

№ 29

Здесь местные карелы ('карела') одеваются не в очень цветастые одежды, а ближние русские любят цветастый платок и платья. В прежнее время карелы носили красные рубашки, кумачевые, и подпоясывались красным кушаком, а мужчины носили кафтаны домотканые, в которых ходили в церковь, были красными кушаками подпоясаны. Парни ходили на беседу и всегда подпоясывались красными кушаками и одевали всегда домотканую одежду...

Раньше пойдет в церковь летом карел: берет сапоги в руки и шагает в церковь босиком: когда дойдет, на улице и обуется. И одни сапоги носили по десять-пятнадцать лет. А как купят пиджак, штаны — и носят в течение полжизни. А если купят шерстяное платье, носят его всю девичью пору и хранят, пока не умирают или пока не вырастут дочери. Вот как скупой жил прежний народ... Раньше было очень трудно зарабатывать деньги.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г.
АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, л. 57).

№ 30

ennen karielazet bohatat kewhästä ni kopza ei naidu, muamo da tuatto ei annettu ottua. muamo da tuatto ked'ä käskeih mieh'l'ä ottua, žen vain poigai otti. niinze i t'ut'ot muamotta da tuatotta mieh'l'ä ruohittu männä ei. a kuin mänd'ih omalla väl'l'al'l'ä, to tuatto t'ut'ärd'ä kisko i toi kod'ih. a kuin poiga toi t'ut'ön käškömät't'ä, to tuatto ajo pois.

naimah läht'ießä keräwvüt'äh kaikkiin rodu i vall'itah, keh männä suattoloiksi, mut'uš šiel'ä on rodu t'ut'öst'ä päin, kuin hüö el'et'äh, ollahgo ruadajat al'i laisat. kaikkiel'da päin kaiken t'ut'ön rovun kačotah. silloin vain svuattoloiksi läht'iet'äh.

№ 30

Раньше карельские богачи никогда не женились на бедных, мать и отец не давали брать. Мать да отец кого велели брать замуж, сын ту только и брал. Также и девушки без совета матери да отца не смели выходить замуж, а если выходили по своей воле, то отец отбирал силой дочь и привозил домой. А если сын приводил девушку без разрешения, то отец выгонял прочь.

Прежде чем отправиться жениться, соберется вся родня и выбирают, к кому идти свататься, какая там родня со стороны девушки, как они живут, работающие или ленивые. Со всех сторон, всю девушку родню обсудят ('смотрят'). Только тогда ехали сватать.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г.
(АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 57—58).

№ 31

ennen karielässä issuttih päriel'l'ä, karasinua poltettih vesma vähän.

tukkie piet't'ih mužikat pit'kie i brihat unnäh niinze ei l'uhennett'ü. pardoida piet't'ih pit'kie, nabah šua. kel'l'ä ol'i pit'kä parda, hüvä, šagie, že hüvä kül'amies. tukkie l'uhennett'ih vain kruwgazellah tažanazeh, vain vähäzel'd'i niška näg'uw, sobie piet't'ih pit'kie, vähäzet't'ä polveh šua. sobie vüöt'ett'ih vüöl'l'ä. vüött'ä

ei annettu kävel'l'ä. a jalloissa niinis't'ä i tuohist'a luapot't'ie piet't'ih, a aigah i raijašt'a, konža on kuiva.

šuaappaida piet't'ih harvah, riššit't'ä ni mužikat, ni naizet kävel'dü ei.

№ 31

Раньше у карел сидели с лучиной, керосину жгли очень мало. Мужики носили длинные волосы, и парни точно так же, не стриглись. Носили длинные бороды, до пояса ('до пупа'). У кого была длинная борода, хорошая, густая, тот был и хороший селянин. Волосы стригли только кружочком, ровно, чуть шея была видна. Рубашки носили длинные, чуть не до колена. Рубашку подпоясывали поясом. Без пояса не давали ходить, А на ноги обували лыковые или берестяные лапти, а иногда и ивовые, когда было сухо.

Сапоги носили редко. Без креста ни мужики, ни женщины не ходили.

Суворов Василий Николаевич. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 58—59).

№ 32

duwhana šivotah kakši koivupuwhutta ladvaziista vaššakkeh. kuin ladvat, puwt, ei kuiveta, niin fišt'ikanža rubiew kaiken t'ämän vuwven el'amäh. puwhuzie käwväh kaččomah. a kuin koivuzet kuivetah, niin fis't'ikanža kuolow. duwhana pruažniekka on sroičasta toispiänä.

viel'ä gadajah rostuon mänd'üöh vieristäh šuaten. käwväh žirkaloloih kaččomah kü'üh: ken moržienda kaččomah, ken šulahašt'ä, ken ožuttuačow. dorogoilla käwväh, t'iešuaroilla kuwndelomah, mid'ä kuwluw.

№ 32

В духов день привязывают друг к дружке две березки за вершинки. Если деревца, вершинки не высохнут, то человек весь этот год проживет. Ходили смотреть эти деревца. А если березки высохнут, то человек умрет. Духов день — праздник на второй день троицы.

Еще гадают от рождества до крещения. Ходят смотреть в зеркало в бане: кто [идет] невесту смотреть [в зеркало], кто жениха — кто покажется, [Ворожить] ходят и на дороги, на развилки дорог — слушать, что слышно.

Мелесова Марфа Кондратьевна (šugupovanšara), 55 лет, дер. Жилино (Žilžinā) Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 52, лл. 93—95).

№ 33

el'ett'ih ukko da akka. ukko da akka i ruvettih duwmaimāh, kunne heil'ā herneh kül'viā. akka šanow ukolla: „davai kül'vämmā hernehen karžinah“.

hüö kül'vett'ih hernehen karžinah. herneh kažvo, kažvo šuwrekši. joi ei ruven mahtumah karžinah. akka šanow ukolla: „davai pil'immā lattjen“. herneh kažvo viel'ā šuwremmakši. akka šanow ukolla: „davai pil'immā i luan“.

pil'itt'ih hüö luan. a herneh kažvo viel'ā šuwremmakši. pil'itt'ih i katokšen. herneh kažvo taivahaže šuaten. nu nūt akka i šanow: „davai l'āhemmä herneht'ā šuamah ul'āhākši“.

ukko i šanow akalla: „istuo šie miwla šel'gāh da el'ā kačaha ul'āh da alah“. akka istuoči ukolla šel'gāh, da ei šuanun hänel'l'ā keštiā — alah i kačahrtj. i akka i lanpei i kuol'i.

ukolla l'ienī žual'i händ'āh i hiän šolahtj i l'äksi it'kijjä eččimāh. ukko l'äksi jalgažiin da vaibu. val'l'ašti hebozen i l'äksi hebozella. hänel'l'ā vaštah tulow hukka, hiän kuzūw: „kunne, d'iedo, l'äksiit?“.

a ukko šanow: „l'āhen it'kijjä eččimāh“. a hukka šanow: „d'iedo, ota milma“. a d'iedo i šanow: „mahatgo it'kie?“.

a hukka šanow: „mahan“. ka hiän i rubei ulvomah. ukko šanow: „et maha, en ota“. tulow koira vaštah. tuaš kuzūw: „d'iedo, kunne l'āhet?“.

a d'iedo šanow: „it'kijjä l'āhen eččimāh“. — „ota milma“. — „mahatgo it'kie?“.

a hiän i rubei: „haw, haw, haw!“.

ukko i šanow: „en ota, et maha it'kiel“.

nūt'ten d'iedolla vaštah tulow jāniksūt: „kunne l'āhet, d'iedo?“.

d'iedo šanow: „l'āhen it'kijjä eččimāh“. — „ota milma“. — „mahatgo it'kie?“.

a hiän: „mahan“ — šanow. — „nukko, — šanow, — it'el'l'ia“. a jāniš i rubei it'kōmāh:

„ol'i miwla akka,
hienon piiruan piksuttajaņe,
ložein korkiin succijajaņe...“.

jāniksen ottj.
(pit'kā on, kaikkie en muisa).

№ 33

Жили старик да старуха. Старик да старуха стали думать, куда им посеять горох. Старуха говорит старику: «Давай посеем горох в подполье».

Они посеяли горох в подполье. Горох вырос, вырос большой. Уже и в подполье не стал помещаться. Старуха говорит старику: «Давай пропилим пол». Горох вырос еще больше. Старуха говорит старику: «Давай пропилим и потолок».

Пропилили они потолок. А горох вырос еще больше. Пропилили и крышу. Горох вырос до неба. Ну теперь старуха и говорит: «Давай пойдем наверх за горохом».

Старик и говорит старухе: «Садись ты мне на спину и не смотри ни вверх, ни вниз». Старуха села старику на спину, да она не смогла выдержать — вниз и посмотрела. И старуха упала и умерла.

Старику стало жаль ее, и он спустился [с неба] и пошел искать плакальщицу. Старик пошел пешком и устал. Запряг лошадь и поехал на лошади. Ему навстречу идет волк. Он спрашивает: «Куда, дедушка, отправился?».

А старик говорит: «Поехал плакальщицу искать». А волк говорит: «Дед, возьми меня». А дед и говорит: «Умеешь ли плакать?». А волк и говорит: «Умею». Вот он и стал вить. Старик говорит: «Не умеешь, не возьму».

Идет собака навстречу. Опять и спрашивает: «Дед, куда отправился?». А дед и говорит: «Плакальщицу искать». — «Возьми меня!». — «Умеешь ли плакать?». А она и стала: «Гав, гав, гав!». Старик и говорит: «Не возьму, не умеешь плакать».

Теперь деду навстречу приходит зайчика: «Куда поехал, дед?». Дед говорит: «Поехал плакальщицу искать». — «Возьми меня». — «Умеешь ли плакать?». А он: «Умею», — говорит. «Ну-ка, — говорит, — поплачь». И зайца и стал плакать:

«Была у меня старуха,
пекла она мне тонкие (сканые) пироги,
толстую корку скала...».

Зайца и взял.
(Длинная, всю не помню).

Беляков Иван Николаевич, 75 лет, дер. Ремчино Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл. 180—184).

№ 34

ennen miän kül'ä ol'i vain puol'i. ol'i nel'äkümmeñ'dä taluo.
a nüt'ten on šeiččimenkümmeñ'dä jo. ennen ruavoima vain polo-
stoida müöt'. ol'i üksil'ä... muada kolmiin hengil'öin, nel'iiin
hengil'öin polossat, a meil'ä oli vain puol'itoista da hengipolossat.

i kaiken aijan ruavoima müö narodašša, luajüima kod'iloih narua-
doida. a nüt't'en, jäl'geh revol'ucijua, rubeimma ruadamah koissa,
rahvahah emmä ruven kävel'emäh. muan annettih kaikilla, ühen
nägözen dol'an, vain rua. n'üt't'en müö rubeimma süöt't'e/iečömäh
kolhozašša, koissa... meil'ä l'äksi el'änd'ä kolhozašša hüvä... pre-
dana on soncev potr ivanič. hiän ennen ruado maksua-
t'ihalla zagašša.

miän kolhozašša „svobodašša“ viijennel'l'ä awgustua oldih go-
st'at, kitaitsat. hüö kačottih kaiken kolhozan, oldih l'ehmiin tan-
huošša, miel'l'üt't'ih kaikkiih ruadoloih i šanottih potr ivani-
čalla, što t'ian kolhozašša on äijä hüviä. hüö oldih kuoži-
našša, juodih čuajuo. šind'e oldih buhrevassa, kačottih,
kuin kolhožnikat el'et'äh. oldih kolmešša talošša.

miän kolhozašša ollah: dymnova, remčina, lebed'ova,
kuožina i hutorat: komuna, bel'hova, boru, ručeikat,
humluškin a. kaikki on šel'sovetta počki kolhozašša, ükski vain
buikki vain jowlo.

№ 34

Раньше наша деревня была наполовину меньше ('лишь поло-
вина'). Было сорок домов. А теперь семьдесят уже. Раньше рабо-
тали только по полосам. У одних было... земли на три души, на
четыре души полосы, а у нас были только полосы на полторы, на
одну душу. И все время мы работали на стороне ('в людях'), об-
ряжали избы. А теперь, после революции, стали работать дома,
в люди не стали ходить. Землю дали всем, одинаковую долю,
только работай. Теперь мы стали жить ('прокармливать себя')
в колхозе, дома... У нас в колхозе пошла жизнь хорошая. Предсе-
дателем работает Солнцев Петр Иванович. Он раньше работал
в Максатихе в заготконторе.

В нашем колхозе «Свобода» пятого августа были гости, ки-
тайцы. Они осмотрели весь колхоз, были на скотных дворах. Им
полюбились все наши дела, и сказали Петру Ивановичу, что в ко-
лхозе много хорошего. Они были в Кашине, пили чай. Потом были
в Бухрове, осмотрели, как живут колхозники. В трех домах были.

К нашему колхозу относятся деревни: Дымново, Ремчино, Ле-
бедево, Кашино и хутора: Коммуна, Бельхово, Бор, Ручейки, Хум-
лушкино. Почти весь сельсовет в колхозе, кроме Буйков ('одни
только Буйки только нет').

Зерков Николай Иванович, 73 года, дер. Горычево Максатихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. кр. 51, лл. 234—235).

№ 35

kül'ä gorčova ol'i ül'en sprawnoi. el'äjät oldih muan ruadajat, a jowdavalla aijalla plotničaidih. a talviloilla ruattih meččäššä zad/el'jua bohattoih lesopromiš'leñnikkoih varoin. luajittih meččiä i viät't'ih mologa-[joven] bergalla. i t'al'l'ä el'iimmä, jogohizella ol'i kül'äššä oma talo, muu.

miämmä [miän oma] kül'ä on kafieläne. miwn dvoirodnoi sizär miloradova al'eksandra al'ekšejwna ol'i mokšičalda, eñnen t'äd'ä voinua hiän kifjutti moskovaššä kafieläzen azbukan. eñzimäzen azbukan hiän podafi miwla (muwla), mie t'äd'ä kniigua vardeičiin, no kunneto kado. al'eksandra al'ekšejwna četirnatsatom godu ol'i frontalla sestroi milošerdnoi...

№ 35

Деревня Горычево была очень справная. Жители были землепашцы, а в свободное время плотничали. А зимой занимались в лесу заделем [рубкой леса, заготовкой его к вывозу на сплав] для богатых лесопромышленников. Заготавливали лес и возили на берег [реки] Мологи. И этим жили, у каждого в деревне был свой дом, была земля.

Наша деревня карельская. Моя двоюродная сестра Милорадова Александра Алексеевна из Мокшичева. До этой войны она в Москве написала карельский букварь. Первый букварь она подарила мне. Я эту книгу хранил, но куда-то потерялась. Александра Алексеевна в четырнадцатом году была на фронте сестрой милосердия...

Голубев Яков Гаврилович, 68 лет, дер. Горычево Максатихинского района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/4).

№ 36

mie sünnüin kewhässä pereheššä. miän tuatolla ol'i kümmeñen kolme lapsie: kümmeñen poigua i kolme t'üt'ärd'ä. kumbažet kuoldih... meid'ä jäi seiččimen vel'l'ie i kaksi t'üt'ärd'ä. müö muada eñnen piimmä vain ühel'l'ä heñgel'l'ä. meil'ä süöt't'el'iečie pereheššä ol'i ül'en paha. i müö, kuin vain jalloilla nowziima, emmä lop-

pen i školua puwt'illeh... meid'a tuatto palkual'i paimelih. i paimenissa müö el'imä šiih suat, kuñi ei otettu meid'a sluwžballa carskoilla. jäl'geh, ka nüt't'en, konža okt'ab'rskaja revol'ucija, meil'a annettih muat. jo rubeimma blaho ruadamah muada omilla vägi-l'öil'l'ä...

№ 36

Я родился в бедной семье. У нашего отца было тринадцать детей: десять сыновей и три дочери. Некоторые [из них] умерли. Нас осталось семь братьев и две дочери [двое сестер]. Раньше земли мы имели только на одну душу. Нам прокормиться в семье [дома] было плохо [трудно]. И мы, как только стали на ноги, не окончив по-настоящему школу, .. нас отец отдавал в пастухи. И в пастухах мы жили до тех пор, пока нас не брали на царскую службу. Позже, вот теперь, когда [совершилась] Октябрьская революция, нам выделили землю. [Мы] уже стали благополучно обрабатывать землю своими силами...

Голубев Яков Гаврилович. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/4).

№ 37

kaksi t'üt'öst'ä, ta'ña i ma'ña, l'äht'iet't'ih meččäh mar'jah. kerät't'ih hüö t'äwvet korzi'kazer. üksii šanow: „ta'ña, l'äkki kod'ih“. ma'ña: „l'äkkil“.

l'äht'iet't'ih kod'ih, nu dor^ogua ei l'öwvet't'ü. kävel'd'ih, kävel'd'ih meččiä müöt'en — l'öwvet't'ih kaidazen troppazen. l'äht'iet't'ih t'äd'ä tropast'a müöt' i dog^ditt'ih pikkarazen peft'izen. mäñd'ih t'äh peft'izeh. šiel'^a istuw vahnañe akkañe, kezriaw. dog^di konž^a t'ämä heid^a, akkañe, da i šanow: „t'utt'özet, dai t'utt'özet, kuin t'üö t'anne miwn luo^h popad'iitta?“ — „da niin, buabon^o, müö šiwn luo^h popad'iima: müö käw^oliimä ka marjašš^a da ka zablud'ieciima, emmä pop^d'i kod'ih“. — „vet' nüt't'en t'eil'ä ei šua l'öwd'iä kod'ie, muakkua t'üö miwn luo üö. huomenen l'öwvättä“.

ñämä t'utt'özet jäd'ih maguamah t'all'üö buab^ozelluo. t'ämä buab^oñe heid'äh ild^azella šuöt't'i, pal^ovalla juotti. laskiečettih, muattih, huomneksella nowšt'ih — l'äht'iet't'ih ečcimäh dor^ogua. kävel'd'ih, kävel'd'ih meččiä müöt'en, niukuin dor^ogua ei l'öwvet'ä. kac^otah: aštuw heil'ä vastah hukka.

„mid'ä t'üö, t'utt'özet, käv^ol'ett'ä t'ial'ä?“ — „käv^ol'emmä... ka oliima egl'ein marjaššä, ka magaimma, i t'ial'd'ä kod'ih emmä popad'i“. „istuočekkuu miwla šel'gäh, mie t'eid'ä šuatan kod'ih“. —

„šie meid'ä šuatat ülen ed'äh, meil'ä pahembi ei šua doid'ie“.—
„en šuata. suatan t'eid'ä mie kod'ih, nu istuočekkua“.

istuočettih hänel'l'ä šel'gäh.

„püzükkiä miwn korvista“.

püzüt't'iačett'ih korvista. hukka l'äksi hüppiämäh meččiä müöt',
potom viid'i pellolla. pellolla kaikki naroda l'eikattih, ken mid'ä
ruattih, mužikat i naižet. dog'd'ittih: ruvettih mögizemäh, što
„kaččokkua, kaččokkua, kahta t'üt'öst'ä hukka kandaw, view meččäh!“.

hukka znai hüppiaw. hüppäi kul'äh šuaten, heit't'i näid'ä t'üt'-
t'özie kul'al'l'uö, iče vernieči jarel'l'äh, l'äksi hüppiämäh. t'üt't'özet
mänd'ih kod'ih. i šist'ä šuaten tuatto i muamo heid'ä üksie ei ru-
vettu laškel'emah meččäh.

№ 37

Две девочки, Таня и Маня, отправились в лес по ягоды. Со-
брали они полные корзиночки. Одна и говорит: «Таня, пойдем до-
мой», Маня: «Пойдем!».

Отправились домой, ну, дороги не нашли. Ходили, ходили по
лесу — нашли узенькую тропиночку. Пошли по второй тропинке и
увидели маленькую избушку. Вошли в эту избушку. Там сидит
старенькая старушка, прядет. Заметила когда их старушка, да и
говорит: «Девочки, вы девочки, как вы сюда ко мне попали?».—
«Да так, бабушка, мы к тебе попали: мы ходили за ягодами да за-
блудились, не попадем домой». — «Ведь теперь вам не найти дома,
поспите вы у меня ночь, завтра найдете [дорогу]».

Эти девочки остались спать у этой старушки. Эта бабушка на-
кормила их ужином, горячим [чаем] напоила. Легли [девочки], по-
спали, утром встали, пошли искать дорогу. Ходили, ходили по
лесу — никак дорогу не находят. Смотрят: идет им навстречу волк.

«Что вы, девочки, ходите здесь?».— «Ходим... вот вчера были
за ягодами, вот поспали [у бабушки] и отсюда домой не попа-
даем». — «Садитесь мне на спину, я вас отвезу домой». — «Ты нас
отвезешь очень далеко, мы хуже не дойдем». — «Не отвезу, отвезу
я вас домой, ну садитесь».

[Девочки] сели ему на спину.

«Держитесь за мои уши».

Схватились за уши. Волк пошел бегом по лесу, потом вышел
на поле. На поле люди жали ('весь народ жали'), кто что делал,
мужчины и женщины. [Они] заметили [и] стали кричать, что «смот-
рите, смотрите, двух девочек волк несет в лес!». Волк все бежит.
Добежал до деревни, оставил этих девочек около деревни, сам вер-
нулся, обратно побежал [в лес]. Девочки пошли домой. И с тех пор
отец и мать их одних не стали пускать в лес.

Волкова Аксинья Егоровна, 62 года, дер. Кожино Максатихинского района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/8).

№ 38

l'äksimä meččih šuwřih eččimäh l'ehmie. značit, müö l'ehmiä emmä l'owd'an. šiind'ä vežut, vežuzest'ä poikki luapat kondjen omat, a müö duwmaiččima mužikan omat. a mie i šanoin, što „našt'a, t'ämä on mužikka, aštu tuohešta“. vot. a t'ämä i ei ow. toizeh nokkah mäniimä: šiel'ä kondjen jäl'et. müö pöll'äššüimmä. üksi l'äksi randah, a toine l'äksi troppua müöt', mie l'äksiin. vot. äššuin, äššuin — šurđ'u koivuine... koivuzen tagana kondje. mie šanon: „johot'otka, kondje, kondjel“.

müö pöll'äššüimmä, ravun noššimma... gribatten most'irkašta skočitah pois. a šiel'd'ä nar'da hüpät'äh: „missä kondje?“.

kondje kuin ando kanduo vaš — i kando l'eñd'i, i iče uid'i, ka. ka mitt'üözet meil'ä slučait ollahl kaikki.

№ 38

Пошли в леса большие искать коров. Значит, мы коров не нашли. [Встретилась] потом водица [лужица], через водицу [лужицу] лапы [следы] медвежьи, а мы подумали — [следы] мужчины. А я и сказала, что «Настя, это мужчина шел за берестой». Вот. А это и не он. В другой конец пошли: там медвежьи следы. Мы испугались. Одна пошла в сторону, а другая пошла по тропе. Я пошла. Вот. Шла, шла — встретила березка... За березкой медведь. Я говорю: «Ехо-тетя, медведь, медведь!».

Мы испугались, подняли крик... Грибы из корзиночки выскакивают. А там народ бегут [бежит]: «Где медведь?».

Медведь как даст [лапой] по пню — и пень полетел, и сам ушел, вот.

Вот какие случаи бывают у нас. Все.

Иванов Василий Михайлович, 65 лет, дер. Сельцы Максатихинского района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. зв., запись № 33/2).

№ 39

mie šünnüin sel'cašša, kewhän talošša. meil'ä muada oli ül'en vähä, potomušto miwn d'iedo i tuaton d'iäd'ö erottih i šiind'ä heil'ä tul'i vähä muada. tuatto kakšikümmeñd'ä vuotta ruado pai-

meñišša, i mie avuttel'iin hänel'l'ä paimendua. en äijiä, koñešno. školašša käv'l'iin kolm^o vuotta, vot. a šiind'ä mie kažvoin i vel'l'i-
l'öiŋken müö rubeimma ruadamah l'esopromiš'l'eñnikoilla mečäššä:
halguo pil'iimmä i niiñd'ä luajimma. i müö vain... koissa rua-
voimma, konža ol'i heinaiga, niit'ämmä i tuašen meččäh. šiel'^a
meil'^a prišloš el'ia do službj. šiind'ä otettih miwn čuařin armiih,
vot. öetjrnatsatom godu ol'i voina. voinalla ruanittih miwn, kan-
tuwzittih. kolmannella kerralla mie puwtuin pl'enah germua-
ñeih. šiel'^a ol'iin mie nel'l'äkümmeñd'ä kuwda... d'evätñatsetom
godu mie šiel'd'ä kod'ih tul'iin... miwn lapšet kaikki šeičas opaš-
šuttih. suamoin pieñi poiga pereid'i sed'moih klassah, el'ämmä
äijäl'd'i hüviin.

№ 39

Я родился в Сельцах, в доме бедняка. У нас земли было очень мало, потому что [мой] дед и дядя отца разделились, и после этого у них стало мало земли. Отец двадцать лет работал в пастухах, и я помогал ему пасти. Немного, конечно. В школу ходил три года, вот. А потом я вырос и с братьями мы стали работать у леспромышленников в лесу: дрова пилили и лыко заготавливали. И мы только... дома работали, когда был сенокос [во время сенокоса]: покосим и снова в лес. Там нам пришлось жить до службы. Потом меня взяли в царскую армию, вот. В четырнадцатом году была война. На войне ранили меня, контузили. На третий раз я попал в плен в Германию. Там я был сорок месяцев... В девятнадцатом году я оттуда домой пришел... Мои дети все теперь выучились, самый маленький сын перешел в седьмой класс. Живем очень хорошо.

Ратников Павел Терентьевич, 67 лет, дер. Дымцево Максатихинского района. Магнитофонная запись М. И. Муллонен, 1958 г. (Каб. яв., запись № 33/13).

№ 40

el'iašseh näl'l'äštü yksi hukka. ei t'ijä, miš't'ä ottua ruogua. mid'ä hänel'l'ä ruadua? l'äksi hiän jürgi-šüöt't'ial'l'uöh pakkuomah hänel'd'ä miilošt'ie. že šanow: „mäne, šanow, kävel'l'äh lovalla vahna hebo pikkarazeŋke varžazeŋke. hebo že, šanow, šie šüö, a varžane jät'ä, ana kažvaw, hrešt'uanalla ruadua hänel'l'ä hüvä l'ienöw“.

i hiän i l'äksi murdamah. tul'i, kävel'l'äh, verno, hebo varžaeŋke. hukka i šanow: „hebo, oi hebo, mie, šanow, šilma šüön!“ — „šie, šanow, šüöt, a oŋgo šiwlä pašporta?“ — „on!“ — „a kešt'ä?“ —

„jürgi-šüött'iaštä“. — „a miwla on, šanow, miikul-šüött'iaštä, ka, šanow, kačaha vain, mie häññän noššan“.

hebo häññän noštj. hukka šuwn avai da i kačcow. hebo kuin potkuaw molemmilla jalloilla — hukka i l'eñd'i. i uijittij hebo varzaņke.

hukka tuas näl'gäñife. proid'i nēd'el'i. uwveštah l'äksi jürgi-šüött'ial'l'uöh: „mil'l'ä, šanow, miwla hot' šüött'el'iecie?“ „mäne, šanow, goralla. kävel'ow, šanow, šuwfi bokko. sie hänen, šanow, i šüöt“.

l'äksi hüppiämäh. verno, on bokko. šanow: „bokko, oi bokko, mie, šanow, šiwn šüön!“ — „šüöt, niin, šanow, valda on šiwn oma, šie, šanow, olet hukka, mie vain bokko. i ka, šanow, mid'ä mie šiwla pagizen hüvütt'ä: cem šiwla miwlda villoida strässie hambahilla, da murennella luwlōida, lomaija, lučče mie šiwla, šanow, kääššen mänñä podgoru. šeizawvu, avua šuw, a mie, šanow, kun podgoru l'ähen hüppiämäh — kohaldj šuw, unñäh šiel'ä i l'ieñen...“.

ka i l'äksi (mäñi šiññe hukka), a bokko t'ial'd'ä i l'äksi l'eñd'ämäh, l'end'i, l'end'i (hüppäi), da ei šuw, a kun oččua vaš šarvilloilla poltaldaw — hukka i l'eñd'il da uid'ij bokko.

hukka tuas jäi veñümäh... nowzi, viel'ä pahemmin näl'l'äštü. tuas l'äksi jürgi-šüött'ial'l'uöh. šanow: „mid'ä olgah ana viel'ä šuwväl“. — „mäne, šanow, pawlovskoilla; l'äht'ow portnoi rawdazeņke aršinaņke. šie, šanow, häñd'äh i šüö“.

hüppäi, tavottaw. aštuw portnoi: „ka, šanow, mid'ä, portnoi“. — „a mid'ä“. — „mie, šanow, šilma šüön!“ — „a ken, šanow, šie olet?“ — „mie, šanow, t'ijjän kaikkie rozmierōida, kaikkie škurua nän. dai, šanow, mittuan enžišt'äh, šiññä i šüöt, bud'i kun olet hukka“.

ka i rubei mittual'emah: turvan mittai, šel'l'än mittai.

„hukka, šanow, olet. ka vain häñd'ä ew hukan. ka häññäštä mittuan — da i gotovol“. — „ladno!“.

vert'i, vert'i häññäštä. aršinalla rubei „mittuamah“: kül'gie vaš, turbua vaš — jōgo kunnel že äijäl'd'i sorviečow... häññän sorvi da i uid'i.

mäñi meččäh hukka že (a portnoi l'äksi aštumah kod'ih). sobefi šiel'ä hukkie, tovarissōida, kondien l'ōwvet't'ih popu'ti, da i l'äht'iet't'ih tavottelemah. tavotellah, tavotellah portnōida. že, čais, t'ied'aw: hukat puwh ei nowšša — puwh i nowzi.

ka tuldjih t'äh, sovietajih, kuin tavottua häñd'ä. kondie šanow: „mie že tavottažin, no milma, šanow, ei košken, mie en rubie koškomah. ka, šanow. mie t'eil'ä niin šanon: mie laškיעen alah, a t'üö, toizet, šanow, kaikin miwn piäl'l'ä (t'eid'ä on äijä). a šie, šanow, häñel'l'uöh mänet da i šüöt“.

ka i l'äht'iet't'ih, veñütt'iečett'ih. l'äksi nowžomah hukka, a portnoi tabakkua nuwhaičči. ottj tabakerkaštä da i šanow: „eññen šurmua nuhñie, da i — gotovol“.

ka kun založi äijän šiññe, šiel'd'ä kun čihñiw: „čih!“.

a hukka i duwmaičči: „šūñl“.

da kun kocahtaw, da i uijittih.

t'ässä ših portnoit i jiaď'ih el'amäh, eiga heid'ä ei ol'iiš. vsol

№ 40

Однажды проголодался один волк. Не знает, где взять корм [поесть]. Что ему делать? Пошел он к кормильцу [святому] Георгию просить у него милости [пожертвования]. Тот говорит: «Иди, говорит, ходят на лугу старая кобыла с маленьким жеребенком. Кобылу ту, говорит, ты съешь, а жеребеночка оставь, пусть вырастет, крестьянину на нем хорошо работать будет».

И он и пошел воротить [махать]. Пришел: ходят, верно, кобыла с жеребенком. Волк и говорит: «Кобыла, а кобыла, я, говорит, тебя съем». — «Ты, говорит, съешь, а есть ли у тебя паспорт [разрешение]?». — «Есть!». — «А от кого?». — «От святого Георгия». — «А у меня, говорит, от святого Миколы. Вот, говорит, взгляни только, я хвост подниму!».

Кобыла подняла хвост. Волк разинул рот и смотрит. Кобыла как лягнет обеими ногами — волк и полетел. И убежали кобыла с жеребенком.

Волк опять голодный. Прошла неделя. Снова пошел к святому Георгию: «Чем же, говорит, мне (хоть) питаться [далее]?». — «Иди, говорит, на гору. Ходит, говорит, большой баран. Ты его, говорит, и съешь».

Побежал [волк]. Правильно, есть баран. Говорит: «Баран, а баран, я, говорит, тебя съем!». — «Съешь, так, говорит, воля твоя, ты, говорит, волк, я только баран. И вот, говорит, что я тебе скажу хорошего: чем тебе мою шерсть стряхивать [рвать] зубами да грызть кости мои, ломать, лучше я тебя, говорит, попрошу идти под гору. Стань, открой рот, а я, говорит, как под гору побегу — прямо в рот, целиком там и буду. . .».

Вот и пошел (волк туда пошел), а баран отсюда и полетел. Летел, летел (бежал), да не в рот, а как по лбу стукнет — волк и полетел. Да ушел и баран.

Волк опять остался лежать. . . Встал, еще хуже [пуще] проголодался. Опять пошел к святому Георгию. Говорит: «Что-нибудь дай еще поесть». — «Иди, говорит, в Павловское; пойдет портной с железным аршином. Ты, говорит, его и съешь».

Побежал, догоняет. Идет портной. «Вот, говорит, что, портной!». — «А что?». — «Я, говорит, тебя съем!». — «А кто, говорит, ты [такой]? Я, говорит, знаю размеры всех, всякую шкуру видел. Дай, говорит, сначала измерю, потом и съешь, если ты волк».

Вот и стал измерять: морду измерил, спину измерил.

«Волк, говорит, ты. Только вот хвост не волчий. Вот с хвоста измерю — да и готово!». — «Ладно».

Крутил, вертел за хвост. Аршином стал «мерить» [хлестать] по боку [бокам], по морде, по всем местам. Тот сильно вырывается. Хвост оторвал да и ушел.

Пошел в лес волк тот (а портной зашагал домой). Собрал там волков, товарищей. Медведя взяли с собой ('нашли по пути') да и пошли догонять. Гонятся, гонятся за портным. Тот чай знает: волки на дерево не залезут — на дерево и залез.

Вот [звери] пришли на это место, советуются, как его поймать. Медведь говорит: «Я-то поймал бы, но меня, говорит, [он] не трогал, я не буду [его] трогать. Вот, говорит, я вам так скажу: я лягу вниз, а вы, остальные, говорит, все на меня (вас много). А ты, говорит, к нему, мужику, подойдешь да и съешь».

Вот и пошли, легли. Стал на дерево влезать волк, а портной [тем временем] табак нюхал. Взял из табакерки и говорит: «Перед смертью нюхнуть, да и готово!».

Да как много [табаку] заложил [в нос], как чихнет: «ап-чхи!».

А волк и подумал [волку послышалось]: «съем [проглочу]!».

Да как прыгнет, да и ушли [звери].

Вот и остались портные жить, а-то их и не было бы. Все.

Любимов Василий Васильевич, 63 года, дер. Райда (raid'iha) Максихинского района. Записал Ф. А. Федоров, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 51, лл. 189—193).

№ 41

el'ett'ih d'iedo da buabo. ei ollun heil'ä lapšie. buabo i šanow d'iedolla: „dava! seisatamma t'uwguah¹¹ padan huttuo“. buabo seisatti padan i šiel'ä t'uwguašta rubei mögizemäh: „buabo, avua zasloŋka, müwla ägie!“.

buabo kačahtijh t'uwguah, a šiel'ä istuw t'üt't'öne. viidi t'üt't'öne t'uwguašta.

buabo, d'iedo ihassuttijh, annettijh nimen ogoŋe. t'ijjušettijh toizet t'üt't'özet i ruvettijh kuččumah meččäh mančikkah. buabo, d'iedo ei laškiel'du, što hiän pikkaraŋe. t'üt't'özet viel'ä ruvettijh kuččumah. d'iedo, buabo laškiettijh ogožen.

mečäššä ogoŋe kado. t'üt't'özet tuldijh kod'ih, a ogoišt'a jowle. ogoŋe l'äksi vičikközie müöt'en, iče it'kōw. popadaicčow vaštah jänis: „mid'ä šie, ogoŋe, it'et?“. — „d'iedolluoh-buabolluoh

¹¹ Появление *t'* (t'uwgua) вместо общераспространенного *k* (kiwgua) следует объяснить сильной степенью палатализации этого звука. То же самое наблюдается и в валдайских говорах карельского языка. См.: P. Palmes. Märkmeid karjala Valдай murdest, Emakeele seltsi aastaraamat. Tallinn, 1957, стр. 181, 197.

himottaw!“. — „el'ä it'e, istuoče miwn piäl'l'ä, mie šuwma šuatan!“. i popad'i pert'izeh. pert'izeššä istuw buabo-jaga: „kuin šie müwlluoh popad'iit? nüt't'en mie šuwma en lašše. ota püwhi late, kanna vet't'ä, l'ämmit'ä kül'ü, kül'vet'ä müwma“.

og oñe püwhki laten, toi vet't'ä, l'ämmit't'i kül'ün, buabo-jagan kül'vet't'i i uinotti. og oñe viid'i kri'l'čoilä. aštuw härgä: „tüt't'öne, mid'ä. šie it'et?“ — „d'iedolluoh, buabolluoh himottaw!“ — „istuo müwla šel'gäh, mie šuwma šuatan d'iedolluoh, buabolluoh“. — „ei, en istuoče, jaga-buabo tavottaw i meid'ä molembie pergaw“. — „istuoče, jaga-buabolla tavottua ei šua“.

t'üt't'öne istuoččih härfäl'l'ä šel'gäh. härgä l'äksi hüppiämäh, jaga-buabo havaštu: ogoišt'a jowle! hiän l'äksi hüppiämäh ä'l'lest'i. ogoñe kaččow: jaga-buabo tavottelow. vain ogoišt'a hvat't'ie jaga-buabolla — härgä kuin dršniw... i buabo-jaga l'äksi ruwčalla pezieččemäh.

kuñi buabo-jaga pezieččih, härgä šuatto ogoz'en d'iedolluoh i buabolluoh. d'iedo i buabo ihašuttih i šüöt'et't'ih ogožen i härrän jogo paikalla.

(müwla muamo pagizi ogoišt'a i buaboišt'a).

№ 41

Жили дед да баба. Не было у них детей. Баба и говорит деду: «Давай поставим в печь горшок загусты [ржаной каши]». Баба поставила горшок, и оттуда, из печки, [кто-то] начал кричать: «Баба, открой заслонку, мне жарко!».

Бабушка посмотрела в печку, а там сидит девочка. Вышла девочка из печки.

Бабушка, дедушка обрадовались, дали [девочке] имя Огушка, ('Огоне'). Узнали [о ней] другие девочки и стали звать [ее] в лес за земляникой. Бабушка, дедушка не отпускали, [потому] что она маленькая. Девочки [снова] еще стали звать. Дедушка, бабушка отпустили Огушку.

В лесу Огушка потерялась. Девочки пришли домой, а Огушки с ними нет. Огушка пошла по кусточкам, сама плачет. Навстречу попадает заяц: «Что ты, Огушка, плачешь?». — «К дедушке, к бабушке хочется!». — «Не плачь, садись на меня [мне на спину], я тебя проведу!».

И попала [девочка] в избушку. В избушке сидит баба-яга: «Как ты ко мне попала? Теперь я тебя не отпускаю. Бери подмети пол, наноси воды, истопи баню, попарь меня».

Огушка подмела пол, принесла воды, истопила баню, попарила бабу-ягу и усыпила. Огушка вышла на крыльцо. Идет бык: «Девочка, что ты плачешь?». — «К дедушке, к бабушке хочется!». — «Садись мне на спину, я тебя проведу [доставлю] к дедушке, к ба-

бушке». — «Нет, не сяду, баба-яга догонит и нас обоих побьет». — «Садись, бабе-яге нас не догнать».

Девочка села быку на спину. Бык побежал, баба-яга проснулась — Огушки нет! Она побежала за ними. Огушка видит — баба-яга догоняет. Только бабе-яге схватить Огушку — бык как дристанет. . . И баба-яга пошла на ручей умыться.

Пока баба-яга умывалась, бык отвез Огушку к дедушке, к бабушке. Дедушка и бабушка обрадовались и Огушку и быка накормили всякой едой.

(Мне мать рассказывала про Огоне и бабушку).

Бровина Евдокия Иваковна, 61 год, дер. Андрониха Брусовского района. Записала Э. В. Дунаева, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. хр. 53, лл. 15—16).

№ 42. šuarna

el'et't'ih d'iedo da buabo. ol'i heil'ä t'üt't'öne ei rodnoi. a buabo i šanow d'iedolla: „vie meččäh t'ämä t'üt't'öne“.

d'iedo vall'ašti hebozen i vei t'üt't'özen meččäh. t'üt't'özen jätt'i meččäh. aštuw čibaŋe, hänel'l'ä šarvužiissa doiŋiekkäŋe i käziššä [!] rawdaŋe troskaŋe. a šiid'ä čibaŋe i šanow: „t'üt't'öne, na doiŋiekkäŋe, l'upsä miwma i juota“.

t'üt't'öne l'upsä čibazen i juotti. a čibaŋe i šanow: „na šiwla troskaŋe. i ka l'ieŋöw šiel'ä gora. šie ožua t'al'l'ä troskazella gorua vaš riššikkeh, gora avawduw i šiel'ä l'ieŋöw äijä dobrua“.

t'üt't'öne otti dobrat i l'äksi kod'ih. mäni kod'ih, a muamo ihaštu, a šiind'ä tuatolla i šanow: „vie i rodnoi t'üt'är meččäh“.

rodnoin t'üt't'ären vei meččäh, hiän i kül'mäht'i sinne. ei rodnoi jäi heil'üö el'ämäh. kaikki.

№ 42. Сказка

Жили дед да баба. Была у них девочка, неродная. А баба и говорит деду: «Отвези эту девочку в лес».

Дед запряг лошадь и отвез девочку в лес. Девочку оставил в лесу. Идет козочка, у нее на рогах подойничек и в руках [так!] железная тросточка. А потом козочка и говорит: «Девочка, на подойничек, подои [меня] и напои».

Девочка подоила козочку и напоила. А козочка и говорит: «На тебе тросточку. И вот будет там гора. Ты ударь этой тросточкой крест-накрест по горе: гора раскроется и там будет много добра».

Девочка взяла добро (в ориг. мн. ч.) и пошла домой. Пришла домой, а мать обрадовалась, а потом отцу и говорит: «Отвези и родную дочь в лес».

Родную дочь отвез в лес, она и замерзла там ('туда'). Неродная осталась у них жить. Все.

Смородова Парасковья Федоровна (prokkič an paša), 73 года, дер. Пасмяк (puasinkoi) Спировского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и В. П. Тарасова, 1960 г. (Каб. ав., запись № 131/1).

№ 43. [mid'ä luajittih tuohešta]

tuohešta luajittih... ed'izeh tuohen puwšta kissotah, šiid'ä luajittih tuohešta kešsel'ie gribah käwveššä, šiid'ä luajittih luapot't'ie. kävel'd'ih luapot't'iloissa rahvaš. šiid'ä luajittih šuolavakazie tuohešta, d'iedot miän šiel'ä ammuin. a mie muissan šuolavakazie šiid'ä. šiid'ä luajittih i košel'koida. nämä... košel'kakš müö kuččuma, niit't'iäššä, kunne šieraše da labie tammiše panna. a nüt niid'ä jo ni mid'ä ei ruven nägumah, kaikki on kadonnuot. a miän muissolla kaikki-šubi ol'i näin, i meil'ä el'iäššä t'amä kaikki ol'i.

tuohešta mahettih jogo talošša luad'ie, omie näid'ä ašteizie kohenneldih da kaikkie. luapot't'ie, ken pid'i, že iče luad'i. padoida tuohella kiärit't'ih fist'izeh, ul'en šomah. nin niid'ä ei što mužikat, akat kiärit't'ih. kiärit't'ih, kun pada že l'iew vanhaše, niin kiärit't'ih, što hiän viel'ä kun vuotta kümmežen keštäiš kiärit't'ünä... nagole viigodalla el'ett'ih. ewldu suamo kallehet (puat), no oldih d'evgat kallehet, d'evgua ewllun narodalla šilloin, vanhoilla. ei zarabotkie ollun, vähän šuadjih.

— [padua luajittihgo t'ial'ä, t'ian rannašša?].

— padua luajittih tuašša, vidropuskissa, nin hebožilla vejet't'ih šiel'd'ä, tuodih hebožilla, torguidih. a kumbazet iče ajeldih tuomah, padua vaš ajeldih. l'äššä ei luajittu. šeniin viršan kolmenkümnen piäštä tuodih padua. nu a pada lohkiev, ka i tuohella i kiärit'äh.

puwhizie [ašteida] luajittih, nin ei kod'iloissa luajittu, a tuodih, tože mišt'ä ollow vejet't'ih, ušto l'innašta. q'i puwhizie mal'l'azie, mil'l'ä suluo joimma, sulomal'l'azet ne šanuočettih. puwhizie fengil'oid'ä miän kaiken ijän luajitah i nüt luajitah. oreškalla kaikki kül'ä luajittih, a nüt ka miän i pet'u-d'iad'ö luad'iw tuašša, kozlovalla. muwda starikka i rua ei, nagole puista luad'iw, da puista hüviä luad'iw. a puine vet' kaiken ijän... puwhizet aštiet nämä god'iecow: pid'aw šieneh, pid'aw nuat't'iloih, pid'aw i ogurčoih — kaikkeh eiheheh, nin puizešta on nagole häd'ia, nagole oššetah, a jogo inehmizel'l'ä ei šua puista luad'ie.

№ 43. [Что делали из бересты]

Из бересты делали. . . Сначала бересту сдирали с дерева, потом делали [плели] из бересты кошелю по грибы ходить, потом [плели] лапти. Народ в лаптях ходил ('ходили'). Потом делали из бересты солонки, деды наши там давно делали. И я помню эти солонки. Потом плели брусницы [кошолки]. Эти. . . брусницами мы [их] называли, во время косьбы куда брусок да лопатку дубовую класть [можно]. А теперь тех уже ничего не стало видно, все уже пропали. А на нашей памяти все-все было так. И у нас когда-то там все это было.

Из бересты в каждом доме умели делать: свои эти посудинки чинили да разное там. Лапти, кто носил, тот сам и плел. Горшки берестой обматывали крест-накрест, очень красиво [получалось]. Так это не то что мужики — бабы обматывали. Обматывали, когда горшок тот станет стареньким, тогда [его и] обматывали, чтобы тот кабы еще десяток годов служил обмотанным. . . Все выгодой жили. Не очень дорогие [горшки] были, так деньги были дорогие, денег тогда у народа не было, у старых [людей]. Заработков не было, мало зарабатывали.

[— Горшки делали ли здесь, в ваших краях?]

— Горшки делали там, в Выдропусках, так на лошадях возили оттуда, привозили на лошадях, торговали. А некоторые сами ездили, за горшками ездили. Поблизости не делали [горшков], этак за тридцать верст привозили горшки. Ну а вот горшок расколется, так берестой и обматывали.

Деревянную посуду делали, так не дома делали [ее], а привозили тоже откуда-то; наверное, из города. Были деревянные мисочки, из которых сусло пили, «сусло-мисочками» они назывались. Деревянные ведра наши [в нашей стороне] всю жизнь делали и теперь делают. В Орешках вся деревня занималась этим ('делали'), а теперь вот и наш дядя Петр делает тут, в Козлове. Другим ничем старик и не занимается, все кадки делает, да кадки хорошие делает. А кадка ведь всю жизнь. . . деревянная посуда годится: нужна [она] и под грибы, нужна под хряпу [зеленую капусту], нужна и под огурцы — под всякую овощь [нужна], ведь в кадках всегда нуждаешься, всегда покупают, а всякий человек не может кадки делать.

Смородова Парасковья Федоровна. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 4—5).

№ 44. pelvahan kaŗvatanda i t'ööksi luajinda

pellon aŗtoiduoh kül'vet'äh pelvahan. kül'väjäl'lä vakka iessä, eiŗt'uw i kül'väw, jogo harpawksella luow näpin siemen'd'ä. vihmaŗista pelvaŗ vihahtaw, l'äht'ow kaŗvamah. nowŗŗow harvazeh soruo — pid'aw ne ki't'kie.

heinaigah pelvaš zavod'iw kukkie. kukkiw pelvaš šomah hel'ie-zil'l'a šinižil'l'a kukkazilla. kukkazet huomneksella on äijäl'd'i avawdunnuot päiväzeh päin, illalla kukinnan heikend'aw, kukkazet üökši tukkuwvutah. kukinnan jäl'geh rubiew piähüt čül'kül'l'a mänömäh. kuñi on vihanda pelvaš — čül'kü on valgie, rubiew pelvaš šual'istumah — čül'kü rubiew ruškuomah, kuidu kovenomah.

šual'ista pelvašta pid'aw ruveta d'efimäh. ei pie d'erie üksin kuiduzin — pid'aw hawruol'l'a t'awžin kobrin, pivozet kiind'iezeh šiduo i šeizattua kuwl'ahazih kuivamah. jogo kuwl'ahazeh panet kümmenen pivošt'a.

pelvaškuwl'ahazet vejät hebozella guominoh, šiid'a ahat riihen pardeizilla, l'ammit'ät riihen. roičet pivot jarel'l'äh guominoh, kolot'it hiät pual'ikalla (ket perret't'ih kuřikoilla, ket puid'ih briwžoilla). kolot'ittuoh, riivinlawdah riivit't'ih. pelvahan šienenet tuwlešša viššatt'ih, šel'giet šienenet puwrnuh kuatt'ih.

kolot'ituot pelvahat logah l'evit'et't'ih. lovalla piet'äh, kuñi ei šuofie. kuin kergiit l'evit't'ia vägövih kaštjeloih da l'ämbimih šiäl'öih, šilloin väl'iamme šuoriew.

lovašta pelvahat nošsetah, kuboloih šivotah, pois vejet'äh. žen jäl'geh pelvahat lowkulla lowkutetah. lowkutannan jäl'geh pelvaš pehmenöw, rubiew päisär eruomah, vid'iemell'a vivotah, jiw vain hafjata, t'üöt ed'izeh hafjatah rawdahafjalla. rawdahafjan jäl'geh t'üöšt'a eruow ruohin. ruohtimešta kezrät'äh ruohinlawgua da kuvotah värčie. rawdahafjan jäl'geh t'üöt hafjatah šuvašhafjah. šuvašhafjašša t'üöšt'a eruow paičeš. paičekšešta kezrät't'ih rondulawgua, kuvott'ih piičuo da koštuo. šiid'a luajitt'ih hattarua da ložieda kaziपाikkua puwhkieššä käzie.

šuvašhafjan jäl'geh pivožista šivotah pelvaškiärüö. kiäröt vadvotah da luajitah kuožal'ipäd'a kezrät't'aväkši varoin.

näin ruadoma ennen, nüt ruatah mašinoilla.

nüt kolot'ittuo pelvašta šanotah trestakši. trestana mašinoilla šuatetah koht' zavodah. ei pie rahvahalla ni viduo, ni kuduo, ni kezrät'a. tuwvah mat'efjua lawkkah — t'iijä oštua, viel'a valmista i ommelduo.

№ 44. Выращивание льна и обработка волокна

После боронования поля сеют лен. У селящика лукошко перед собой, [он] идет ('продвигается') и сеет, с каждым шагом бросает одну щепотку семян. От дождей лен зазеленеет, пойдет в рост. Если появятся реденько сорняки — их надо прополоть.

Во время сенокоса лен начнет цвести. Лен цветет красиво: нежными голубыми ('синими') цветочками. Утром цветочки широко раскрыты к солнышку, к вечеру цветение ослабевает, на ночь цветочки свертываются. После цветения завязи начинают образовывать головки. Пока лен зеленый — головка светлая ('белая'),

[как только] лен начинает созревать — головки начинают желтеть ('буреть'), стебель твердеть.

Созревший лен надо начать дергать. Дергать надо не по одному стебельку, [а] надо хватать всей горстью; пясна (или горсти) крепенько завязывать и ставить бабками (или суслончиками) для сушки. В каждую бабку поставишь по десять пястен.

Бабки льна на лошади перевозишь в гумно, потом их насадишь в ригу на колосники, затопишь ригу. Пясна [после сушки] обратно скидаешь в гумно, колотишь их валками (кто колотил колотушками, кто молотил цепами). После околачивания их бросновали на бросновке. Семена льна на ветру провеивали, чистые семена ссыпали в закром.

Обмолоченный лен расстилали на дугу (или стлище). На стлище держали, пока [лен] не дойдет. Если успел разостлать [лен] под сильные росы и [пока еще] теплые погоды, тогда быстрее доходит.

Со стлища лен поднимают, завязывают в снопы (или кубачи), увозят прочь. После этого лен мнут на мялке. После мятья лен становится мягким, кострика начинает отделяться, трепалом треплют, остается только очесать. Волокно сначала очесывают железным гребнем. После железного гребня от волокна отделяется верховина (или клочанка). Из верховины прядут толстую нитку и ткут мешки. После железного гребня волокно очесывают волосной щеткой. На волосной щетке от льна отделяются пачесы. Из пачесов прядут более тонкую нитку, из которой ткали холст и поневу. Из нее делали портянки и грубые полотенца для [вытирания] рук.

После очески волосной щеткой из намычек связывают початки. Початки потом растреплют и свертывают в кудели для прядения.

Так работали раньше. Теперь все делается машинами.

Теперь после околота лен называется трестой. Трестой лен везут на машинах прямо на заводы. Людям не надо ни трепать, ни прядь, ни ткать. Привозят в магазин ткани ('материю') — знай покупать. Даже еще и наготово сшитое [привозят].

Сжородова Парасковья Федоровна. Записала Д. И. Макарова, 1957 г.
(АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 1—3).

№ 45. pelvahan kezriänd'ä i kuvonda

kaiken ijän miän kohussalla hüvin kažvaw pelvaš. el'iäšseh äijän ruadoma kezriämizirke da kuvonnoirke. ünnäh pikku t'üt't'ö-zenä i issutettij kuožal'in tagah. opaštuošša kezriät ruohinda, a šiid'ä i pelvašta, kummašt'ä pid'i lowškiembazeh kezrat'ä kudieh varoin, a jäl'geh jo hienuo. miän kezrätw'et't'ü ei, nagol'e iče.

neicutt'utt'özinä bešowdah kävel'imä kuožal'iloir'ke. illan aloh moñi värt'iniä kezriät, staraicet kiistah toizi'ke. kuožal'in heit'al'l'ät uglah vain šiksi aigazekši, kun noššetah lanzeih eiñin kadrel'ih. kizuallat — da tuaš kuožal'in i koppuat.

pühä'kešsen ül'ci kezriät, šuwrekšipuhäksi kaikki kežrävözet lopetat. kežrät't'üöh šiinä srazu värt'inöil'd'ä viipsit viipsinpuwloilla kuardoloiksi da korviksi. viwheššä on kümminen kuarduo, korvašša — viizi kuarduo. kergiew šuwřipuhä, niin mänt'iijä mi viwht'ä da korvua rippuw.

pid'aw varuštuačie kudomah. pereheššä l'iew pagina da tolkuinda, mid'ä rubiemma kudomah, kel'l'ä mišt'ä on häd'ä mid'ä pid'aw huoldua. kun kirjakkahäksi: pošt'el'nikkoih, pefeñnikkoih, paidoih varoin — niin pid'i painua la'gat. mütt'üön otat kirjjan, muost'a vall'ičet i kruaskua. moñi viwht'ie painat t'amänuälazekši, moñi — toizenuälazekši. kuivuat la'gat, šiid'ä viwht'il'öil'd'ä da korvilda kefinlawvoilla kefit tuwfikoilla. uhenägözet la'gat — ühel'l'ä tuwfikalla, toizenägözet — toizella.

tuwfikoilda loimeksi varušetuoet la'gat luondastuavoilla luot ka'gahäksi. konža ewle pit'kä ka'gäš, on vähä šeiñiä, luwva on kebiembäñe, a kun on moñi šeiñiä, pit'kä ka'gäš — šid'ä i kačo: ševot. ül'en pid'aw tarkazeh lugiel üheštä viwheštä l'iew üksi šeiñä loimeksi — kai luve: mi viwht'ie, že i šeiñiä.

luondaštuavoista piäššet't'üöh pid'aw a'zettua kuvondastuavoih. üksin ühöšt'äh et a'zeta ka'gäšta, pid'aw ruadua kahen. kun šuaw kiä'rie kolodalla, panet laššat, tuot niijet. üksi üht'iäl'd'ä päin andaw niid'eh, toine vaššašša istuw da ottaw niid'eh, a šiid'ä šiñ že rukah annat pirdah. kun šuaw pirdah ottua, niin jo eiñin ka'gäšta on a'zetettu. pirrašta rippujin rihmoin nokat šivot, petl'azih šud'iät dubinazen. niizil'öin nuorazet pannah rattahazih ül'ähäksi, a šukšin nuorazet šivot niizil'öih alahäksi. panet šufjan, kiini't'ät ka'gahanallun dubinazen. vejäl'l'ät kudietuwfikan, kiämit'ät kiämil'l'ä, panet kiämin šukkulazeh, iče istuočet tubaretkalla, talluat šukšella, šukkulazen otat käd'eh, zavod'ießä šanot: „algu kiäššä, loppu jumalašša“.

kaiken šuwrenpuhän vain šukkulañe huiskaw, kuin tamawtat kudio, moñin ka'gahin: ühen piäššät, toizen i a'zetat — piet't'amä't'öin ruado äijähpäiväh šua.

stuavat heit'ät pert'ist'ä, noššat sarailla, ube'it pois kežäkši. pežet pert'in äijäkšipäiviä.

vallattavat šollet l'evit'ät ha'gella valguomah. kirjjavašta vaat'tiešta viil'et, mid'ä pid'aw, šiid'ä istuočet ikkunanrandah ombelomah. ombel'ima käzil'l'ä. ommellešša ol'i bul'üne.

nieglalla šollen piššäl'l'ät bul'uzen pähüöh, kannalla istuočet. vain rua: nieglašt'a vilawta da rihmašt'a riwho (l'ibo nieglašt'a pid'el'e, rihmašt'a ved'el'e).

№ 45. Пряденье льна и тканье

Всю жизнь в наших местах хорошо растет лен. Раньше много мы тудились с пряденьем и тканьем. Совсем маленькой девочкой сажали за прялку. Когда учишься — прядешь верховину (или клочанку), а потом и кудель, которую надо было прясть чуть потолще для утка, а затем уже и тонкое [прядешь]. Наши не давали прясть на сторону, все сами [пряли].

Взрослыми девушками на беседки ходили с прялками. За вечер несколько веретен нарядешь, стараешься обогнать, [больше] других [прясть]. Прялку поставишь в угол только на то времечко, когда пригласят на ланц или на кадрили. Потанцуешь — да и снова прялку возьмешь.

Весь мясод прядешь, к великому посту все прядень(иц)е кончаешь. Спрявши, тут же сразу с веретен наматываешь на мотовила в пасмы и пятинны. В мотке десять пасм, в патине — пять пасм. Наступит великий пост, так уже невесть сколько мотков и пятин висит.

Надо готовиться ткать. В семье начнется разговор и обсуждение, что будем ткать, кто в чем нуждается ('у кого в чем нужда'), что надо приготовить. Если ткать что-либо цветное ('если для цветного'): для постельников, передников, рубашек — то нитки надо было выкрасить. Какой выберешь рисунок, такую и краску подбираешь. Несколько мотков выкрасишь в один цвет ('такой-то цвет'), несколько — в другой цвет. Высушишь нитки, потом мотки и пятинны перематываешь на ворабах на тюрики. Одного цвета нитки — на один тюрик, другого цвета — на другой.

С тюриков приготовленные для основы нитки наснуешь на сновалках в основу. Когда основа не длинная, мало стен, то сновать легче, а когда стен много, основа длинная — того и гляди запутаешься. Надо очень внимательно [нитки] считать. Из одного мотка будет одна стена для основы — вот и считай: сколько мотков, столько и стен.

Сняв из сновалок основу, надо навивать на ткацкий стан (или кросны). Одной-единёшеньке основы на стан не навить, надо работать вдвоем. Как удастся навить на колоду (или навой), вденешь лучинки, принесешь ниты. Одна с одной стороны в ниты подает, другая сидит напротив и принимает в ниты, а потом таким же образом подаешь в бёрдо. Как удастся наметать в бёрдо, так уже можно считать, что стан уже заправлен. Концы, висящие из бёрда, завязываешь, в петельки вставишь пруток (или затыкален). Веревки от них пропускают сверху в блоки с котелками, а веревки подножек (или лыж) привяжешь к нитам снизу. Вложишь пришву (или полотняный навой), прикрепишь [к нему] пруток начала основы полотна. Придвинешь [к себе] тюрик с утком, насучишь на цевки, вложишь цевку в челнок, сама сядешь на табурет, наступишь на лыжу, челнок возьмешь в руки и при начале скажешь: «Начало [у тебя] в руках, конец у бога».

Весь великий пост только челнок снует, как ткѣнь-постукиваешь, по несколько кросен: одни освободишь, другие навиваешь — беспрерывная работа до [самой] пасхи.

Стан вынесешь из избы, поднимешь его на сарай, уберешь прочь на лето. Вымоешь избу к пасхе.

Холст для беления постелишь на наст белиться. Из крашеного холста накроишь, что нужно. Потом сядешь к окну шить. Шили мы руками. При шитье пользовались швейкой.

Иглою холст зацепишь за головку швейки, сядешь на сиденье. Только работай: за иголку потягивай да нитку подергивай (или иголку подерживай да ниточку потягивай).

Рыбкина Анна Ивановна (копон i vaših a hñ), 76 лет, дер. Пасмынок (puasinkoi) Спироского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 130/3).

№ 46

mafjah kävel'iin... i üksinäh ol'iin i narodanke ol'iin, ka. (mie muit'en mečcie en tunne). mie konža kod'ih l'ähen illalla — ka päiväst'ä müöt'en, a muit'en uokšuziin. a pimiel'l'ä päiväl'l'ä i uokšun. ä nütten en rubie pižžömäh ni kuin, ni kunne mafjah: piä on püörewd'unnun, t'erveh en ole. ennen käviin mafjah nagole sveč a n taguah i t'iifinčän taguah must'ikkah, i gribah, i šieñeh — kaikkuane käviin, a nütten en rubie käwmäh. kai kaikki.

[— orgo t'änä kezänä marjua?].

— ew, sanotah, vähiin. ka t'änä vuona ew must'ikkua, buolua on vähäziin mečššš... konža ruiš kergiew — i vavarno kergiew. ka nüt ruiš on zel'onafe, ka i vavarno on zel'onafe. mančikkazet tože ka vašta l'äht'iet'äh, a must'ikat jo kazanskoista [21. VII] kúpšet'äh.

№ 46

По ягоды ходила... и одна ходила, и с людьми была, вот. (Я иначе лесов не знаю). Я когда домой отправляюсь вечером — так по солнцу [нахожу дом], а иначе заблудилась бы. А в пасмурный день и заблужусь. Я теперь [в лес] не буду попадать никак, никуда по ягоды [не буду попадать]. Голова кружится, нездоровая я. Раньше все ходила по ягоды на Свеччу [название урочища], и за [реку] Тифинку ходила за черникой, и за грибами [для сушки], и за солоникой [грибы для соления], — всюду ходила, а теперь не буду ходить. Вот и все.

[— А ягоды есть в это лето?].

— Нет, говорят, мало. Вот в этом году нет черники. Брусники
есть немножко в лесу. . . Когда рожь поспеет — и малина поспеет.
Вот сейчас рожь зеленая — (вот) и малина зеленая. Земляничка
тоже вот только пойдет, а черника вот уже к казанскому [21.VII]
поспеет.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записала
Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 8—9).

№ 47. mid'ä mell'ä paissetah

l'eibiä. illašta muijotukšeh ševotat, taiginan noššallat kiwguarannalla. uõn aloh taigina nowzow. aivokkazeš taiginan šotet. l'ammit'ät kiwguan, möwküt' vual'it. kiwguan rabieššat, havulla püwhit puad'ien, labiella eiššät möwküt kiwguah. kakši čuasuo piet l'eibie kiwguošša i vejät poiš. piäl'uškorkan vejell'ä voijallat — l'eibä valmiš, jähul'd'aw — i l'eikkua.

kakkarua. kakkarua kagrašt'a l'ibo vehnäst'ä, šepäh ševotat illašta. huomenekšella vaštuat ševotukšen, kiwguan l'ammit'eššä — hiil'il'öil'l'ä rieht'il'äl'l'ä paissat. rieht'il'ä kiwguah čokit šiizimalla. mid'ä hoikemi kakkara — šid'ä parembi. kakkarua painetah painimeh. luajitah mafjapaiñinda, rahkapaiñinda, juablokkapaiñinda. painetah voh, kuofieh, ražvah, čagrah — ken mih.

olad'jua paissetah ozražešta šihže rukah, kuin i kakkarua, vain loziembah rieht'il'äl'l'ä valetah.

kürziä ševotetah ved'eh l'ibo pettoh, voit maidoh. ei panna ni šeppiä, ni muijotušta. huomenekšella paissetah kuin i kakkarua, šüwväh painimevke.

obarnikkua — vahnäžeštä da ozražešta. niinže i boraškje.

kalakukkuo, gribakukkuo, šienikukkuo, šuwrimakukkuo, luwkkakukkuo, marjakukkuo, šuolakukkuo paissetah rugehizešta jawhošta muijotukšeh.

paissetah pakšuo juablokkapiiruada, rahkapakšuo, kaštapakšuo (šuwrimašta), hernehpakšuo, mafjapakšuo. korkan luajitah ložiezen, l'eibätaiginašta noššetah.

kaštahienuo, rahkahienuo, juablokkahienuo piiruada paissetah. huomenekšella luajitah riešan tahakšen, piiravärt'in'äl'l'ä sučitah hienon korkan, šiämen l'evit'et'äh, randazet tačotetah — i kiwguah. sučitah šul'cinua, šid'ä šüwväh pudrovke.

paissetah möwküštä, luajitah kolobua.

paistua voiš, vain mišt'ä oiš. paissetah viel'ä keit'inniiraižie i skančua. keit'inniirua — sučittu korka, umbinañe, rahkašiämi. skanča — šihže rukah, vain juablokkašiämi.

№ 47. Что у нас пекут

Хлеб. С вечера растворишь квашню на закваске, поставишь квашню на край печки. За ночь тесто ('квашня') поднимается. Раненько тесто замесишь. Затопишь печь, свалешь хлеба. Убереешь печку, помелом выметешь под, лопатой посадишь хлеба в печку. Два часа удержишь хлеба в печи и вынешь. Верхнюю корку помажешь водой — хлеб готов, остынет — и режь.

Блины. Блины овсяные или пшеничные с вечера поставишь на дрожжах. Утром подобьешь замешенное, когда топится печь — на углях на сковороде печешь. Сковороду на угли ставишь сковородником. Чем тоньше блин — тем лучше. Блины макают в подболтку. Подболтку делают из ягод, из творога, картошки. Макают в масло, сметану, сало, в вытопки — кто во что.

Оладьи пекут из ячменной муки так же, как и блины, только потолще разливают на сковороду.

«Скородумки» растворяют на воде или пахте, можно и на молоке, но без дрожжей и закваски. Утром пекут, как и блины, едят с подболткой.

Кислопряжины — из пшеничной да ячменной муки. Так же пекут и баранки.

Пирог с рыбой, со свежими грибами, солеными грибами, скрупой, с луком, ягодами, с солью пекут из ржаной муки на закваске.

Пекут толстые пироги с картошкой, творогом, крупой, горохом [из гороховой муки], ягодами. Корку делают толстенную из теста, из квашни берут.

Пекут и тонкие пироги с крупой, творогом, картошкой. Утром приготавливают пресное тесто, скалкой наскуч тоненькую корку, накладывают начинку [на корку], края защипают — и в печку.

Скучт сканцы, их едят с кашей.

Пекут булочки, делают колобки.

Можно печь, было бы из чего мечь. Пекут еще пряженцы и сканцы. Пряженец — это со сканой коркой, закрытый, с творожной начинкой.

Сканцы — так же [пекут], только начинка из картошки.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, л. 88).

№ 48. kuin mi kivist'äw

1. piädä huimuaw; 2. kül'geh pist'äw; 3. šivut raippai; 4. vaččua näiverd'äw; 5. uwtaw; 6. he'gipaikkua tuškuaw; 7. niška muw-rehtu; 8. jalgua šuonistaw; 9. kämmendä poroštaw; 10. ruana

vohottaw; 11. paizo t'ukkāw; 12. polvi pakottaw; 13. sil'mät čiiimissūt't'ih; 14. korvah pišt'āw; 15. korva vuodaw; 16. kūwfel'et tullah; 17. šormet hulvai; 18. [aššundua] jallat potkai; 19. heugie šalbuaw; 20. ričokšen laškeih; 21. viganiē tartu; 22. prol'icalla otti; 23. tawven kierroštj; 24. [l'iekulla] vačču kučuttaw; 25. tal-lain jal'l'ä — jallat koppai; 26. naba viäriin mäni; 27. naban rač-kain; 18. suhotničat hieroin; 29. luwn složiin.

№ 48. Названия некоторых болезней ['как что болит']

1. Голову кружит; 2. В бок колет; 3. Поясница отнялась; 4. В животе «сверлит»; 5. Слабит ('живот подмывает'); 6. На сердце тоска; 7. Шея онемела; 8. Ногу сводит; 9. В ладони отдаёт (отбивает); 10. Рана саднит; 11. Опухоль нарывает ('дергает'); 12. Колено свербит; 13. Глаза сузились (от гноя); 14. В ухо колет; 15. Ухо течет; 16. Слезы идут; 17. Пальцы онемели; 18. [От долгой ходьбы] ноги отбило; 19. Дышать трудно ('дыхание запирает'); 20. Порчу напустили; 21. Порча пристала; 22. Параличом разбило ('валяло'); 23. Болезнь заворожил; 24. [На качелях] дух захватывает ('в животе щекочет'); 25. Наступил на лед — ноги подхватило; 26. Пуп надорвался; 27. Пуп выправил ('хрустнул'); 28. Сухотку растер; 29. Кость вправил.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 98—99).

№ 49. kuin sihd'ä šanotah

1. siähüt kuin rieška maidoē.	11. uō kajoš, t'äht'ie t'āwži taivaš.
2. šiä t'ūwni, tuwl'i ei holni.	12. kuwdoma helhottaw, vain hal-lua ei l'ieniis, a to ogurčat kibriw.
3. vihmuw, kuin korvošta kuadaw.	13. vilu, pakkaē pawgaw, kuin kur'ikalla šeiñiä pawvut-taw.
4. kaiken päivän čihmerd'āw vihmuo.	14. tuwl'i virguw, puwt humissah.
5. kaiken päivän unettaw.	15. tuwl'i ulvow, puwt račketah.
6. katokšista vajattaw.	16. lunda l'ennät't'el'ōw.
7. ul'či päivän powda.	17. lunda laškow.
8. čirottaw.	18. pōwrūōw, dorogua umbuaw, jal'gie kattaw.
9. tuwl'i dorogalla peskuo püö-rit't'āw.	
10. huomnekšen päiväšt'ä peit't'e-l'ōw, puol'ista päivie kunneigi kiänd'āw: powvistuw l'ibo vih-man luad'iw.	

19. piñalla muoñe kut'erño — šil'-mie et avua.
 20. huonehih jogo ragoh lunda kut'tiw.
 21. doroga on umbi.
 22. t'iwñkuowjogo ragozent'awven lunda.
 23. tuwlennññä proid'i.

№ 49. Как называют явления природы

1. Погода, как свеженькое молочко.	цы морозом прихватит ('прикрутит').
2. Погода тихая, ветер не шелхнет.	13. Холодно, мороз стучит, как тохмачом [колотушкой] по стенам колотит.
3. Дождь льет как из ушата.	14. Ветер свистит, деревья шумят.
4. Весь день моросит дождь.	15. Ветер воет, деревья скрипят.
5. Целый день погода хмурая.	16. Снег летит ('полетывает').
6. С крыш течет.	17. Снег идет ('снег пускает').
7. Целый день ведро.	18. Буранит, дорогу заносит, следы заносит ('кроет').
8. Солнце печет.	19. На улице такая кутерьма — глаза не откроешь.
9. Ветер по дороге песок кружит.	20. В помещение в каждую щелочку снегу надует.
10. Все утро солнце закрывает тучами, с полдня куда-нибудь да повернет: на ведро или дождь.	21. Дорога занесена.
11. Ночь ясная, небо в звездах ('звезд полное небо').	22. Снегу наметает полные щели.
12. Луна светит, лишь бы заморозка не стало, а то огур-	23. Вихорь ('ветренный нос') прошел.

Смородова Александра Яковлевна (hukan saša), 54 года, дер. Пасынок Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 150—164).

№ 50. kuin miññ t'iañä iñnel'ñä it'kiet'ñh, luvetellah pokokieñkalla (rod it'el'alla, kuolluolla)¹²

zavod'ingo mie viehät't'el'ömäh omalla armahalla rod't'el'azella ñäil'l'ä igävil'l'ä minuwttažilla, rubieño vielä luvettelomah kallehella omalla imet't'äjäzel'l'ä, šulašana armaštel'ijazella.

¹² mie kat't'i-čikolla luvettel'in i mamalla, a jeholla en luvetellun šanotah, muzikkua on riähkä it'kie. (Объяснение плакальщицы).

priimiečen jāl'ekkäzeh šanelomah
kallehella miwn noštajazella,
vuat't'ijalla i kengit't'äjazel'l'ä,
kargeida küwnel'üzie valuttelomah
näil'l'ä abeilla čuasuzilla
kallehella ihanalla imet't'äjazel'l'ä,
tuškazie heŋgel'd'ä heŋgäht'el'ömäh.

oh, paššibo t'eil'ä, miwn armahat omazet
i šulašana sušiedazet,
kun t'üö kualel'ija näiksi pimeiksi ildaziksi,
kallehiksi panafiida-aigaziksi
miwŋke viehät't'el'ömäh
kallehie šünd'üzie,
miwŋke lawlelomah
kallehie st'iihuzie.

oh, kal'l'is rod'it'el'azeŋi,
miwn vara vaibun vardaložeŋi!
i, možot, t'üö näil'l'ä kallehilla st'iihuzilla
ihaššuttel'ija miwn ihalan imet't'äjäzen,
kallehen rod'it'el'äzen hel'ied'ä heŋgüt't'ä.

oh, paššibo t'eil'ä, armahat omazet
i šulašana sušiedazet!
l'ieŋöwgo väll'ennet't'ü miän rod'it'el'äzen,
miän ihanan imet't'äjäzen,
näiksi kallehiksi panafiida-aigaziksi
kallehet taivahal'izet šünd'üzet!

oh, kal'l'is rod'it'el'azeŋi,
ihala imet't'äjäžeŋi,
vara vaibun vardaložeŋi!
t'üö miwn kalleh'et ihanat ijät'et't'üzet!
et't'ägo voinnun t'äššä tunnuššella
omua kal'l'ista armošt'a?
eigo vain nüt näil'l'ä igävil'l'ä aigazilla
hiän kierät't'el'iečennün t'ian nägüvil'l'ä?

oh, t'üö miwn ihanat ijät'et't'üzet,
tunnuššelgua omua kal'l'is't'a rod'it'el'ua!
eigo kallehet šünd'üzet armaššeld u
miän ihalua imet't'äjäs't'ä,
kal'l'ista miän rod'it'el'as't'ä
t'ädä varua vaibunnutta vardalos't'a
kierät't'el'iečömäh omih kallehih uglažih,
kierät't'el'iečömäh ümbäri kallehista santariz'ista
viel'ä ümbäri ris'sit'et't'ül'öist'ä rist'ikanžazista?

oh, kal'l'is rod'it'el'azeñi,
ihala imet't'äjäzeñi,
vara vaibun vardalozeñi!
kuwl'ie šie, miwn kal'l'is mainittavazeñi!
možot en mie šigäl'i varušsellun
näid'ä kallehie panafiida-aigazie?
možot en lunnašsellun näid'ä muišsinverozie?
možot šie vain kiefät't'el'iečet
igävil'l'ä ikkunaluštažilla
da viel'ä igävil'l'ä laštupihazilla?

oh, kal'l'is rod'it'el'azeñi,
kaikešta miwn igäwdünnüöštä šiänalašta
viehät't'el'en šiwla:
kuwl'ie šie, miwn kal'l'is rod'it'el'azeñi!
mie huodel'iin nämä muišsinmurginazet
vähišt'ä vägüzišt'ä,
kualattel'iin šulašana susiedazet
omista hüvüzišt'ä
lawlattel'iin panafiidazet
ükšišt'ä puoluzištä.

oh, šie miwn kal'l'is rod'it'el'azeñi,
ihala imet't'äjäže,
vara vaibun vardalože!
l'ieññowgo oldu šiwlaš vaigiet
nämä vaivundakerdazet,
erotešša väl'l'äštä valgiešta valdijmašta
pit'in igäžin viet'et't'üöh?
viel'ä mie, igäwdünnün ihože,
küžal'd'äžin šiwl'da, miwn ihala imet't'äjäzeñi,
kal'l'is rod'it'el'azeñi,
vara vaibun vardaložeñi:
i l'iennetgo šie naživinnun iččiel'l'äs
hüvät tuonilmal'l'izet
valgiezet i l'ämbümäzet šijazet,
ne nokattomazet i loppumattomazet eloigazet?
i l'iennetgo šie šel't'it't'ännün ne vekovečnoit
i beskonečnoit dorogazet?

oh, šie miwn kal'l'is rod'itel'azeñi,
šie miwn kal'l'is ihala imet't'äjäzeñi!
l'iennetgo maltellun šie igävil'l'ä aigazilla
kibunalažilla magavošijazilla
tuškedunnuzella šiänalalla
ruguo'l'en pakota kaikenualazet proskeñiezet

kallehilda taivahal'izilda sünd'uzil'd'a,
viel'a armahilda ijät'ett'uzil'd'a
i kaikilda omahizilda,
i šúlašana susiedazilda?

oh, šie miwn kal'is rod'it'el'azeñi,
ihala imet't'ajazeñi,
vara vaibun vardaložeñi!
eruol'iitgo šie šuwrista i pieñist'a
nágüvazist'a i nágümät't'omist'a
šuwren valgien valdilman
kaikenualazista fiähist'a,
šie miwn kal'is rod'it'el'azeñi?
viel'a prost'iečitgo šie
päd'övazešt'a päivazešt'a,
l'iikkujista tuwluzista
i eišt'ujist'a valdilman pil'vuzist'a
i l'iivanista l'indužista l'end'ajist'a?

oh, šie miwn kal'is rod'it'el'azeñi,
šie miwn armaš vaibun vardalože!
konža otettih šiwn
kallehet taivahal'izet anhel'izet
kakšista kážipuol'iskožista
i šuateldih šiwn armahin šuwfin sünd'uzin ed'eh,
vied'ih šuwfih kallehieh doprossužih,
miwn kal'is rod'it'el'azeñi,
i viel'ago l'iennöw šuannun šiwla
müt't'üöt otviettazet andua kallehilla
taivahal'izilla sünd'uzil'l'a.

oh, šie, miwn kal'is rod'it'el'azeñi,
armaš ihala imet't'ajazeñi,
vaibunnun vardaložeñi!
tulguakko t'üö miwn ihalat ijät'ett'uzet,
keräwd'ükkiäkkö t'üö, miwn armahat šiänsizärüöt,
kerrikkääkkö t'üö, miwn viekkahat veikkozet!
ei meil'a pid'äis näil'l'a igävil'l'a kolmilla suwtkazilla
omie šil'mie kuivual'l'a,
vain pid'äis iänel'l'a omua abieda viehät'el'l'a
da viel'a l'ubuija miän kallehen rod'it'el'azen
šomua ihošt'a.

on kerrinnüöt eravoigazet!
armaššielgo jäl'gimäzet minuwtgazet
omua ihalua imet't'ajäst'a,
vaibunnutta vardalošt'a,
kal'lista rod'it'el'ast'a!

№ 50. Как наши здесь голосят, причитывают по покойнику
(по родителям) ¹³

[Вот] начну ли я причитывать
по своему милому родителюшке
в эти печальные минуточки,
буду ли я еще причитывать
по дорогой своей матушке ('кормилице грудью'),
ласковыми словами ласкательнице.
Примусь-ка я по порядочку рассказывать
дорогой выросшившей меня,
одевавшей меня и обувавшей,
горькие слезыньки ронять буду
в эти печальные часы
по дорогой светлой кормилице,
о тоске я на своем сердце поведаю.

Ох, спасибо вам, милая родня
и ласковые на слова соседюшки,
как вы пришли ('побрели') в эти темные вечерушки
на дорогое время панихидушки,
со мной петь хвалу
дорогим пресвятым,
со мною распевать
дорогие молитвы ('стихи').

Ох, дорогая родительница,
моя милая новопреставленница ('усталый стан')!
И, может быть, вы этими дорогими стихами
порадуете мою милую кормилицу
дорогой родительницы чистое сердечушко.

Ох, спасибо вам, милые родные
и ласковые соседюшки!
Отпустили, может быть, мою родительницу,
нашу ласковую кормилицу,
на эти дорогие часы панихидушки
дорогие всевышние пресвятые.

Ох, дорогая родительница,
ласковая кормилица,
дорогая новопреставленная!
Вы мои дорогие, милые детушки ('взращенные'),
не смогли ли вы здесь узнать в лицо

¹³ Я причитывала по Катти-чикко [«чикко» называют сестру, а также всех старше себя женщин] и по матери причитывала, а по [мужу] Ефиму нет: говорят, причитывать по мужу грех. (Объяснение плакальщицы).

свою дорогую любимицу?
Не в эти ли печальные минуточки
металась она на виду у вас?

Ох, вы мои милые детушки,
посмотрите ('узнавайте') на свою дорогую покой-
ную матушку,
не приголубили ли ее дорогие пресвятые,
нашу ласковую кормилицу,
милую нашу родительницу,
эту дорогую новопреставленную,
не вернули ли ее в свои дорогие уголки,
побывать около дорогих псалтырей,
да еще около крещеных людей?

Ох, ты дорогая родительница,
моя милая кормилица,
дорогая новопреставленная.
Послушай-ка ты, моя ласкаемая!
Может быть, не так я подготовила
эти дорогие панихидушки,
может быть не выкупила я поминальные угощения?
Может быть, ты возвратилась
под окна наши печальные,
да еще на печальные улочки с щепками?

Ох, дорогая моя родительница,
от всего моего стосковавшегося сердечушка
поведуваю тебе я:
послушай-ка ты, моя родительница!
Я приготовила это поминальное угощенье
при своей бедности ('от скудных сил своих'),
приглашала своих ласковых соседюшек
на свои скудные средства,
одна справляла панихиду,
без помощи кого-либо.

Ох, ты моя дорогая родительница,
ясная моя кормилица,
дорогая моя новопреставленная!
Тяжелы ли были тебе
эти минуты расставания,
уходя с вольного света белого,
прожив долгую свою жизнь?
Еще я, многопечальная,
хотела бы спросить у тебя, дорогая кормилица,
милая моя родительница,

дорогая новопреставленница:
и заслужила ли ты себе
хорошее потустороннее
светлое и теплое местечко,
на те бесконечные и нескончаемые времена?
И выяснила ли ты те вековечные
и бесконечные дороженьки?

Ох, ты моя дорогая родительница,
ты моя милая матушка,
сумела ли ты в то печальное времечко
на больной постелюшке
со своим горестным сердечушком,
умоляя, просить всевозможное прощеньице
у дорогих небесных пресвятых,
да еще у всех своих родных детушек,
и у всей родни,
и у ласковых соседушек?

Ох, ты моя дорогая родительница,
ты моя ласковая матушка,
дорогая новопреставленная!
Расставалась ли ты с большими и малыми,
видимыми и невидимыми
этого большого белого света
всякими грехами,
ты моя дорогая родительница?
Еще простилась ли ты
с ласковым солнышком,
дующими ветерками,
плывущими по небу тученьками белого света
и с птицами небесными ('парящими')?

Ох, ты моя дорогая родительница,
ты моя милая усопшая новопреставленная!
Когда брали тебя
дорогие небесные ангелочки
под обе рученьки
и повели тебя к пресвятым,
повели тебя на большой допрос,
моя дорогая родительница,
и смогла ли ты еще
какие ответы давать дорогим
небесным пресвятым?

Ох, ты дорогая моя родительница,
дорогая светлая кормилица

новопреставленная!
 Подойдите-ка вы, мои дорогие детушки,
 пособирайтесь-ка вы, мои дорогие сердечные
 сестреночки,
 поуспейте-ка прийти, мои милые братушки!
 Не надо бы нам в эти печальные трое суток
 дать своим слезам высохнуть,
 только надо бы вслух о своей печали голосить
 и еще любоваться нашей родительницы
 красивым личиком.

Настало времечко расставания!
 Поласкаем последние минуточки
 свою ласковую матушку
 новопреставленную,
 дорогую нашу родительницу.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записали
 Д. И. Макарова и Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50,
 лл. 80—84).

№ 51. lapšln viržizie

1. kizizen-b'izizen,
el'ä mäne t'im o l a h:
t'im o n-akka kowkulla,
iče t'im o möwku'l'ä,
lapšet lačakat,
vačat pul'čakat,
lawčan alda ajetah.	6. vihmuw, valaw,
papin pino palaw.
2. roštuo — nowštuoh,
šil'min peštüh,
kakkara käd'eh
voiluatka ed'eh.	7. d'edo, d'edo,
makša vedo:
tullah stražat,
müwväh važat.
3. i v a, kuva, talta,
ei ni mid'ä malta.	8. čiroŋe-čoroŋe,
tule miän pihalla.
šuöt'än, juotan,
skammizella issutan,
šillan korvašša l'ebäwt'än,
goran alla šuatan,
ruwčan tagah ehät'än,
kandozella šreizatan,
vefejän šagaralda kačahan,
jäl'l'est'i muhahan.
5. uinuo, uinuo, šil'mäne,
el'ä kuwle korvaŋe.	9. ukko, akka el'et't'ih,
širomiät't'ie vejett'ih.

- siromiät't'i lopni,
ukko akkua tropni.
10. — vaša vel'i, vara vel'i,
val'ašsuakko hebohut,
ül'či kül'an čurahamma,
omua immuo kačahamma.
— mid'ä immo ruadaw?
— šulkuplat'jua ombelow,
nieglašt'a pid/el'ow,
rihmašt'a ved/el'ow,
ikkunah kačahtelow.
ubehuon müö piet'ämmä,
oman immon issutamma,
poikki pellon ajallamma.
11. šuarnua-vuarnua,
kiberiä kowkkuo,
l'ungia l'eppiä,
palavua šeppiä.
12. ukši kakši — kačielakši,
kolme, nel'l'ä — veñiäl'äkši,
viizi, kuwzi — nuat't'i uwzi.
13. l'iekulla l'iedžuttaw,
vaččua kučuttaw.
harakka hačattaw,
milma pagawttaw,
kaikki šubi muissan,
piäl'l'ä puissan.
14. ukko jüräht'aw,
mua šäräht'aw,
tulda räiškiäw,
ked'ä präiškiäm?
15. pei-peï, pežošt'a,
muñi kana jäičäšt'ä:
t'äl'l'ä ando, tuolla ando,
šil'l'ä ei dostuaniečen.
16. baju-baju, poijašt'a,
vowšo joi šomašt'a;
sadujuablokašt'a,
viisenja marjašt'a,
smorođ'ina šil'mäšt'ä,
kružownikka čukašt'a.
17. baba lašta bajuttaw,
jallalla kät'ut't'ä l'ekuttaw,
pid'aw kahella kiäl'l'ä
da kaikella viäl'l'ä.
18. pei-peï, pežošt'a
keššel'l'ä l'ežošt'a.
l'indažissa — l'indu-
žissa.
šalošša — maložissa,
kočkašša — dañožissa,
ošoššalla — kuwkol-
kašša,
puašinkoissa — puw-
šorkašša,
kaškipuwsalla — ma-
ničašša,
prudovoilla — dani-
čašša,
hallalla — prešnakaš-
ša,
kutuwzovašša — ruoč-
čilašša.
19. vihmuw, valaw,
t'epon-akka palaw,
stanovoi koččiw,
stuarosta ajaw poččie,
hiiri ved'aw kakkarua,
kaži ved'aw hattarua.
20. čirku-čirku čirajaw,
cirku viluo varajaw.

21. lapsella l'äht'iet'äh maidohambahazet, šijah kažvetah
l'eibähambahat. l'ekkujan hambahazen riwhtuallat keksimät't'ä,
annat lapsella i kässeet piäštä piäl'ičči kiwgualla luwva, luwvešša
šanuo:

„hiirel'l'ä puwhiñe,
miwla luwhiñe“.

22. buwgannow lapši očcazen lawčcah, molotkazella bal'an-
now omuadah šormutta, šatattannow jalgazen—pid'aw puhuo ki-
bužua kohašt'a da luvetella nāin:

„hiirel'l'a kivist'akkāh,
lapšella parekkah:
iāniksüöl'l'a kivist'akkāh,
lapšella parekkah,
hukkazella kivist'akkāh,
lapšella parekkah!“
i parenow.

23. kun lapši it'kennōw üöl'l'a, niin hil'l'akkazeh nowže,
unetta-iānet't'a ota omaš vüö, pane kaksijkerroin, ožualdele
i jogo kerdua šano:

„perran šilma vüöl'l'a —
magua lapši üöl'l'a“.
alewduw dai uinuow.

24. kun lapši ül'eht'unnōw, ei kuwnnelle šanua, pid'aw ottua
kolme ühekšiä varvas't'a vaššašta, ožual'l'a i šanuo:

„ana hüviä hajuo,
ana hüviä miel'd'ä,
avua korvat,
kuwle šana!“.

25. kuin baba armaštelow vunukas't'a:

1. šüöt't'ia-lapšut; 2. baban päd'öväne päiväne; 3. l'iivaš l'indu-
ne; l'iipukkañe; 4. kal'is kannettuñe; 5. kul'l'ittu kuldañe; 6. aino-
vañe armahañe; 7. baban taivaškivitahkoñe; 8. kal'is taimenut;
9. andawgože baba omalla vunukkazella pučcie, pipie, päppiä, an-
daw juwva ummua, šuaw palavua mañie; pruažniekakši ombelow
baba uwven pupun.

№ 51. Образцы детского фольклора

1. Кошечка, кисынька,
не ходи в дом Тимо:
жена Тимо ('Тимофеиха') [даст] кочергой,
сам Тимофей — ковригой,
дети у них низкорослые ('плоские'),
животы раздувшиеся,
из-под лавки тебя выгонят.
2. В рождество встанешь ('встав'),
когда умоешься ('умыв глаза'),
блин [берешь] в руки,
латку с маслом [ставишь] перед собой.

3. Иван — что колодка ('долото'),
ничего не мыслит ('понимает'),
[Дразнилка].
4. Парень — что барин,
нос как фонарик ('фонарь'),
[Дразнилка].
5. Спи, усни, закрой глазки ('усни глазок'),
закрой ушки ('ушко') и не слышь. [Байка].
6. Дождик, дождик, лей, лей ('дождик льет'),
поповскую поленницу залей ('поленница попа
горит').
7. Дедушка, дедушка,
плати скорее подати,
[а то] придут стражники
[и] продадут телят.
8. Солнышко, солнышко,
приходи на нашу улицу,
накормлю, напою,
на скамеечку посажу,
около моста дам отдохнуть,
под горку проведу,
через ручей перетащу,
на пенечек поставлю,
с ворот ('с петель ворот') посмотрю,
вслед улыбнусь.
9. Дед, баба жили,
сыромьять тянули.
Сыромьять лопнула,
старик старуху хлопнул.
10. — Вася брат, милый брат,
запряги-ка лошадку.
Вдоль деревни прокатимся,
свою крестную посмотрим.
— Что крестная делает?
— Шелковое платье шьет,
итолочку держит,
ниточку дергает,
в окошко посматривает.
Жеребца мы остановим,
свою крестную посадим,
через поле прокатимся.
11. Сказка-приказка,
кривая кочерга.
Кривая ольха,
Горячие дрожжи. [Приказка].

12. Один, два — по-карельски,
Три, четыре — по-русски,
Пять, шесть — недоваренные щи [из зеленой
капусты, хряпы]. [Считалка].
13. На качелях качаешься:
в животе щекочет,
сорока стрекочет,
меня развлекает,
все до единого помню,
головой мотаю [качаю].
14. Гром загремит,
земля задрожит,
молния сверкнет,
кого-то хлестнет.
15. Гне-гне, гнездышко,
курочка снесла яичко:
этому дала, тому дала,
этому не осталось.
16. Баю-баю сыночка,
очень красивенького:
[как] яблочко из садика,
[как] ягодка вишневай,
глаза [как] смородинки,
ротик [как] крыжовничек.
17. Бабушка дитятко баюкает,
ножкой люльку качает,
держит двумя руками
и всеми силами.
18. Гне-гне, гнездышко,
посередине деревни Лежо,
в Линдине — у Птичкиных,
в Шало — у Малоевых,
в Кочке — у Даниловых,
в Ососье — у Куколковых,
в Пасынках — у Деревянной ноги,
в Малом Нивище — у Маничевых,
в Прудовке — у Даничевых,
в Морозовке — у Пресняковых,
в Кутузове — у Шведовых.
19. Дождик льет,
жена Степана горит,
становой прыгаег,
староста свинью гонит.

мышь тащит блин,
кошка тащит портянку.

20. Воробей-воробушко чирикает,
воробей холода боится.

21. Когда у ребенка выпадают молочные зубки, на место вырастут постоянные ('хлебные') зубы. Шатающийся зубок незаметно для ребенка выдернешь, дашь ребенку и велишь ему через голову выбросить на печку, бросая, сказать:

«Пусть у мыши [вырастет деревянный],
у меня костяной».

22. Если ребенок стукнется лобиком об лавку, молоточком ударит по своему пальчику, ножку ушибет — надо дуть на больное местечко и приговаривать так:

«Пусть у мыши болит,
у ребенка пусть поправится,
у зайчика пусть болит,
у ребеночка пусть поправится,
у волчонка пусть болит,
у ребенка пусть поправится!».
И поправится.

23. Если ребенок плачет по ночам, то тихонечко встань, без единого слова ('без сна, без голоса') возьми свой пояс, сложи дважды, постегивай и каждый раз приговаривай:

«Бью тебя поясом —
спи ребенок по ночам».
Утихнет и уснет.

24. Если ребенок расшалится, не слушает слова, надо взять три раза по девять веточек из веника, похлестывать ребенка и приговаривать:

«Дай хорошего ума,
дай хорошего разума,
слушай слово, открой уши».

25. Как бабушка ласкает внука [или внучку]:

1. Кормилец-дитятко. 2. Бабушкино милое солнышко. 3. Летающая пташка, бабочка. 4. Дорогой выношенный [в утробе]. 5. Позолоченное золотце. 6. Единственный милый. 7. Бабушкино небесное каменное точилушко. 8. Дорогой рассадушко. 9. Даст бабушка своему внучку кашку, пирожка, хлебушко, даст попить водички, достанет горячего молочка; к праздничку сошьет бабушка новую рубашку.

Записано от разных лиц в дер. Пасынок Спировского района. Записали Д. И. Макарова и Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 19 и след.).

№ 52. poslovičat

1. aigañe l'induñe jo ñokast'a puwhkiw, müöhäñe vašta keruo avual'ow.
2. aigañe müöhäzel'lä ei heit't'iäče.
3. bohatalla i kukko muñiw.
4. broñi nagol'e kohtj l'en-d'aw, da kod'ih uökši ei kergie.
5. d'eñgalla ožua et ošša.
6. d'eñgalla vain tuattuo da muamuo et ošša.
7. d'eñgasta i howketah.
8. d'eñga ei jogohizella pūžu.
9. diela ei makša ni palan-nutta groššua.
10. dorogalla šeizo — dorogua kužu.
11. duaroin i bajafi makkuralla ei nowže.
12. ed'emmäkši rabieššat — l'ä-hembiäd'ä otat.
13. ei igiä el'iä — igä muistua.
14. ei ihuo illast'ua, eigo var-daluo val'l'aštua.
15. ei küžut'ä: väl'iäñgo luajit-tij, küžut'ah: ken luad'i.
16. ei nagol'e kazilla kakka-rua, popad'iw i kolahušta.
17. ei nimi miestä riko.
18. ei pie howkkua d'riäžñie.
19. el'ä ihaššu enzimäst'ä hü-vüt't'ä, el'ä pöll'äššü enzi-mäst'ä pahutta.
20. el'ä jalgoih jät'ä da vorua fiähkih kavota.
21. ei mua, a vuoži eiñehen kazvattaw.
22. el'ä luaji aijašt'a enñen va-žast'a.
23. el'ä luo kül'männüöl'l'ä nä-völ'l'ä lunda.
24. el'ämät'öin — tied'ämät'öin.
25. el'ä opašša ut'ua uimah.
26. el'ä varaja kuol'eida, va-
raja el'avie.
27. emänd'ä on künzil'oišt'ä
kül'l'äñe.
28. enzimäñe ostuwda on pa-rembi jal'gimäst'ä.
29. eruot päiväkši — prost'ieče
ijäkši.
30. kərbäžie et tapannalla ota.
31. et t'ijjä, nin kiwgualla is-
sut, t'ijjät — nin dorogua
müöt' hüppiät.
32. et t'äwt'ä šuannalla, pid'aw
t'äwt't'ia piennäl'l'ä.
33. ew kaikilla üksi šomuš,
kaikilla on üksi nuoruš.
34. ew kaikki puwt mečäššä
ühenmuožet, ei što rahvaš.
35. ewle pahutta pakuonnašta,
omalla kiäl'l'ä el'ä ota.
36. ewle šid'ä miehüt't'ä, ken
ottais iččieh vierüt't'ä.
37. ew omah šuwh šul'gijäst'ä.
38. ew šid'ä puwhutta mečäššä,
kumbazella l'indu ei issu,
ew šid'ä rist'ikanžua mual-
la, kumbazella ew
gořua.
39. ew šiid'ä riähkä, mi šuwh
mänöw, on šiid'ä riähkä,
mi šuwšta l'äht'öw.
40. ew žen verdua muan
piäl'l'ä, mi on muan alla.
41. gazietta ew azietta.
42. grožija grožiw, a el'äjä
el'äw.
43. gul'uñe ei kezriä, ei kuvo,
a vuatteissa on sulkuzissa.
44. hairahuš ew viärüs.

45. harvoissa kobrisse d'enga šormiloista l'äbi uid'iw.
46. hawkkujua on, armaštajua ew.
47. howkka i že hüvän tie-d'äw.
48. howkalla hajuo et ana.
49. howkka on nagol'e l'öw-d'an.
50. howkalla valehella ei šua.
51. huigie ew muigie i šil'mie ei l'eikkua.
52. humala prawvan šanow.
53. huomenel'ine iče huolen pid'äw.
54. huomneščironē ei l'ammit't'an, niin ildacirolla ew konža (toizičci miehella mänenda).
55. huwl'i pakšu, nin vačča hoikka.
56. hüviä lašta ei pie pergua, pahua i perrannalla et otä.
57. hüviä viikon muissat, pahua — ni konža et unäna.
58. hüvä — da vieraš, pahä — da oma.
59. hüvä mel'icčanē, da piet'tü.
60. hüvä šana, da kuin ših koh i šanottu.
61. häd'uš tulcw paraššoppeh, nin ei šua ovenšuw ajua.
62. häd'ähizen šuw muhahtaw, l'äzijan — ei.
63. häd'äwd'ün, on howkka.
64. hänen l'äzimine — miwn t'ervehüs [uhenmuozet].
65. hänen šiännännän t'äh meil'ä l'eibäkeškie ei l'iene.
66. iče i huolešša, vain omah oččah tuwlomah rubiew.
67. iemmä merd'ä kalah ei pie männä.
68. igä el'ettävä ew poikki pel-lon projittava.
69. igä el'ä, igä i opassus
70. igäs hukkuu, i šuot'a, hiän nagole meččäh kacčow.
71. igäs peziēce — vet'tä val-giemi et l'iene.
72. ijäksi ni mid'ä et varuša.
73. i kullasta l'äbi küwnel tip-puw.
74. i pada puaržen čül'kiäčow.
75. izändä ei olle kod'ih päin, niin labiella i roiččow, a kuin emänd'ä. — niin met-lalla i puwhkiw.
76. izännät'tä i kod't širotinä.
77. jogohizella on ukši piä ol-gupäil'lä.
78. jogo takošša onat i gorat.
79. jumalan nuoranē on kol-mekerdanē.
80. jügie on d'engua šua, kahta jügiemi on pid'ä.
81. kagraš — da gošt'inča.
82. kakši kukkuo uhell'ä tua-hitukulla ei mahuta.
83. kala huoviš, l'iem i šid'ä ei makša.
84. kannuo hüviä hüvüt'en, palvuo pahua pahuten.
85. kana ew žilvatta, rošad-niekkä ew huonehuš, da jo i privuala ew mužikka.
86. kannettu veži kaivošša ei pužu.
87. kažie el'ä pane kalua var-deimah.
88. kazi issunnalla ottaw.
89. kažilla kiza — hiirell'ä toži.
90. kawkiš velga makšuan.
91. kel'lä kiäšša, šil'lä i kär-žäšša.
92. kel'lä mi kivišt'äw, ze šid'ä i kuottelow.
93. kel'lä on nerost'a, on šil'lä i elost'a.
94. kel'lä piälakka kizuaw, ze puolella vial'lä el'äw.
95. ken elošša, ze i huolešša.

96. kenen voi puassa, sil'lä i huol'i piässa.
97. ken l'eibiä süow, a ked'ä i l'eibä.
98. ken mid'ä eččiw, žen i suaw.
99. ken on boikoi süömäh, muone i ruadamah.
100. kerda šanuo da igä mui-stua.
101. ken ševotti, že i šel'it'-t'äw.
102. ken toizella awttaw, že iččiel'lä l'iziäw.
103. kiel'i l'ibie, nin el'ia kebie.
104. koirä hawkkuw — tuwl'i kandaw.
105. koissa i šeinät awtetah.
106. koissa i šeinät voissa, muw-valla — puolet aigua kui-valla.
107. koldunaw kod'i ei korgene.
108. kondje ni konza ei pezieče, a händ'ä kaikin varatah.
109. kondje on vägövä, da rišt'ikanžua varajaw.
110. krid'izižä puw viikomman šeizow.
111. kugal'i katetta, sigäl'i i jalgoja oijenna.
112. kuin el'ät, niin i kuwlut.
113. kuiva lužikka i šuwn fevit'-t'äw.
114. kulda revušta tunduw.
115. kumbaņe kebiel'd'i tulow, že kebiel'd'i i uid'iw.
116. kumbaņe l'ehmä hävii, nin že voina i l'üpši.
117. kummašt'a šormie i pure: ühen äijuöl'd'i kivist'äw.
118. kun brihaņe sünd'üw, niin uheksäl'l'ä pihalla laštuzet ihaštutah: toizeh koh hiät luokšiw.
119. kuņi avokero kaččel'ječow, šini ownas ongurdaw.
120. kuņi igiä — šini t'ervehüt't'ä.
121. kuņi jalgaņe kapsaw, šini šuwhut napsaw.
122. kun lapselda tuatto kuow, l'iew puol'it'iekseh širot'ina, a kun muamo kuow — niin ünäh širot'ina.
123. kunne kurgi i l'erähä: uhēt havut ruwvaksi.
124. kunne üt — šinnei unet.
125. küven i kül'än vifit't'äw.
126. kül'l'äņe näl'gähizel'l'ä ew tovarissa.
127. kül'l'äst'ä on huvä bergoija.
128. küngä l'ässa, da et pure.
129. käži kät't'ä pežow.
130. kewhän velga ei viikokši.
131. laisan regi ei jia ved'amät't'ä.
132. laiska ruaduo varajaw.
133. lapšen tokkua i nänkal'l'ä nokkua.
134. lapšet kažvetah — i huolet kažvetah.
135. lapšie da kažiloida et muanita.
136. l'eččimät'öin kibu janduw.
137. l'eppä l'epässa vigua nägöw.
138. l'iiga l'iikkujalla.
139. l'innašša kaikki hinnašša.
140. l'ivän verejän šalbuat — mieron šuwda et.
141. luwn luona l'iha magiemi.
142. luwn piäl'l'ä l'iha kažvaw.
143. l'ümmüt'ä rawdua, kuņi on kuhma.
144. l'ähet muwvalda äijiä šuamah, koista eňämmän kavotat.
145. magavolla keguo et nošša.
146. maguajalla — pielušta.
147. mid'ä muwt, šid'ä i avo-šuw.
148. mid'ä pl'äčöt'ät, šid'ä i näčöt'ät.
149. mieron šuwda et šalbua.
150. mierošša kuin merešša: kaikkie on.

151. mieš — da i miel'i, l'indu — da i kiel'i.
152. mi humalatta miel'el'l'ä, že humalašša kiel'el'l'ä.
153. miñña on mierošta otetava: mit'uš popad'iw.
154. miššä hoikka — šiid'ä i poikki.
155. mualla pid'aw el'jä muan rukah, ei nin mualda pois.
156. muamalla lapšet ewlla armahat šomuten, ollah armahat omuten.
157. muamon vičča villañe.
158. muamo poigua žal'eiješša it'kōw, kuin jogi virduaw; čikko vel'l'ie — kuin ruwčča pagenow; naiñe mužikkua — kuin kašše heit't'iščōw.
159. mužikašta ed'izeh eruot harpawksella, šiid'ä — viršalla, a žen jal'gehi — uññäh.
160. müt't'üöt kannot, muozet i vežat.
161. nagrajan šuwih on parembi kačču, mi it'kijän.
162. naiješša t'awži šieglä d'er-gua, a naiduoh ew mil'l'ä šieglua oštua.
163. nait'ikella ew ni puppuo, ni päppiä.
164. naroš kiitoš on parembi naroš moitošta.
165. ni ken ew šepä šünd'umiä.
166. nuorušaiğa — howkušaiğa.
167. näl'gä — tora perehešša.
168. näl'l'al'l'ä — da omalla wäl'l'al'l'ä.
169. ohvotniekkua šiä ei pie.
170. olgah vain piäd'ä — l'ängie l'uboida.
171. omašta ubitkua ewle.
172. ongikala — da pakkuonda-pala.
173. on häd'uš, nin hammaš hal-giew.
174. peigalo on kešsel'l'ä kām-meñd'ä.
175. opašša lašta, kuñi o poikki lawčan.
176. oššettu kázie varajaw.
177. ožatoin naimah — üt l'uhe-römäh.
178. ottajalla üksä riähkä — arvuajalla üheksän.
179. ottajan kazi ei vaivu, andajan vaibuw.
180. pahalla waštah kät'tä et pane.
181. pahašta pagoh — hüväh hüppiä!
182. paimen ruoškua punow kaik-keh karjah varoin, a ei üh-teh l'ehmäh.
183. parembi üheksän kud'üö, mi üksä nado.
184. pehmiel'd'i l'evit't'aw, da kovalda nowžet.
185. pellošša peldo nägōw, me-čäššä mečča kuwlow.
186. pereheštä erottuoh kolme vuotta pid'aw ruaduä vain vuarnoih varoin.
187. pieñd'ä kiit'ä, šuwrella takka pane.
188. pikkarañe koirañe on ijan penduñe.
189. pit'kä ilo itukši.
190. počči muistaw šüöñd'äšijan, ei muissa l'üöñd'äšijua.
191. poiga hawkkuw — kiwgualla i kabad'i, wäwü — jo kiä-gästä i püzü.
192. rebo revon häññäl'l'ä ei tal-lua.
193. üheštä opaštunnuošta kolmie opaštumatonda ei pie.
194. rodu ew redu.
195. rodu lapsen t'embuaw.
196. ruado mieštä ei riko.
197. ruattu — ew muattu.
198. šigua panet kartalla — hiän i jallat noštaw kartah.

199. šiaštajäl'l'a šüöjä l'öwd'uw.
 200. šuofita kando, nin i že l'iew soma.
 201. šuwda viäriššä, da omua puol'issa.
 202. šuwrella pinolla rewnašša on hüvä laštuzie kerät'ä.
 203. šuwri pala i šuwn fevit-t'aw, pieñi kül'l'äššä pid'aw.
 204. šurmalla da šulahazella vägeh et mäñe.
 205. šüönd'ä šüönnän piäl'l'ä sobiw, l'uönd'ä l'uönnän piäl'l'ä ei.
 206. že koirä ei košše, kumbañe hawkkuw, purow že, kumbañe urizow.
 207. že že l'indu, da virret toizet.
 208. tanhuon-šijan muwtat, tabua et muwta.
 209. t'erän alda vain piäžet, nin hamaran alda piäžet.
 210. t'iet'eh hebo regie potkiw.
 211. toivotuš da muaniuš ollah-rinnakkeh.
 212. tuattuo da muamuo ei fat'i ijäksi.
 213. t'uhjal'l'a ni mid'ä et t'ukiče.
 214. t'uhjä värči šeizualleh ei pužü.
 215. t'üwni väl'iämme t'üwriaw.
 216. vacca ewle žirkalo.
 217. vajahukšella ed'äh et aja.
 218. vanhah varua ei pie pid'iä.
 219. vanha vavolda ei ševo.
 220. vefi vet't'ä šagiembi.
 221. verkazel'd'i i l'eppä l'ümbüw, kerdah i kadaja katkiew.
 222. vierahaššä šil'mäššä soruzen nägöw, omašša i hiht'ä ei dogad'i.
 223. vieraš luw pert'issä riidua eččiw.
 224. vieraš randa — vilu randa.
 225. vierašta pid'aw ottua vain žen verda, mi šil'mäh mah-taw.
 226. viešt'il'l'ä podvodua ei pie.
 227. virduajua vet't'ä et pijä.
 228. vora hot' šeiñät jät't'aw, palo kaikki keriaw.
 229. vorua lukku ei pie.
 230. vägeh vävükši et vejä.
 231. vävüŕken vain kalakukkoñ kaziin, vel'l'erken kondieh kaziin.
 232. üheštä huavasta l'iew l'eibalabieda i tuahilabieda.
 233. ühteh hiil'eh puhutah.
 234. üksi šuw it'köw, üksi šuw nagraw.
 235. ul'ähäkkiä l'indu l'end'el'ow, da ei t'iijä, kunne istuočow.

№ 52. Пословицы

1. Ранняя пташка уже клювик очищает, поздняя только рот раскрывает.
2. Ранний позднему не поддается.
3. У богатого и петух несется [об удаче].
4. Ворона всегда прямо летит, да на ночь домой не поспевает.
5. На деньги счастье не купишь.
6. На деньги только отца да мать не купишь.
7. Из-за денег и с ума сходят.
8. Деньги не у каждого держатся [не каждый умеет тратить].
9. Дело не стоит ломаного ('сгоревшего') гроша.

10. На дороге стой, дорогу спрашивай [совет всегда пригодится].
11. Даром и чирей на ягодице не вскочит.
12. Подальше положишь ('уберешь') — поближе возьмешь.
13. Не век жить — век помнить.
14. Не с лица нам воду пить ('красота не для ужина и стан не для упряжи').
15. Не спрашивают — быстро ли сделано, спрашивают — кто сделал.
16. Не всё коту блины, дают и колотушки.
17. Имя человека не портит.
18. Дурака не надо дразнить.
19. Не обрадуйся первой удаче, не испугайся и первой неудачи.
20. В ногах не оставляй валяться, вора на грех не наводи.
21. Не земля, а год хлеб ('овощ') вырастит.
22. Не делай [в хлев] загородки, пока нет теленка [не хвались раньше времени].
23. Не кидай снег на отмороженное лицо [не задевай больное место].
24. Непрожитое — неведомое.
25. Не учи утку плавать [ученого не учи].
26. Не бойся мертвых, бойся живых.
27. Хозяйка от ноготков ('ногтей') сыта.
28. Неприятность в начале лучше, чем в конце.
29. Расстанься на день — прощайся навеки.
30. Всех мух не перебеешь ('мух битьем не возьмешь').
31. Не знаешь [чего-либо] — на печи сидишь, знаешь — по дороге бежишь [пойдешь отвечать].
32. Не наполнишь доходами, если не умеешь расходовать.
33. Не у всех одна красота, у всех одна молодость.
34. Не все деревья в лесу одинаковы, не то что люди.
35. Нет плохого в просьбе, своей рукой не бери.
36. Нет таких людей, которые бы брали на себя вину.
37. Нет такого, кто себе в рот плюнул бы [себя охаял бы].
38. Нет такого дерева в лесу, на котором птица не сидела бы, нет такого человека на земле, у которого не было бы беды.
39. Грех не от того, что рот принимает, а от того, что изо рта вылетает.
40. Не столько над землей, сколько под землей [о шумливых людях].
41. Газета — новости со всего света ('не без дела').
42. Грозящий грозит, а живущий живет.
43. Голубка не прядет, не ткёт, а в одежде шелковой.
44. Ошибка — не вина.
45. В руках с растопыренными пальцами деньги уходят сквозь пальцы [о неумении тратить].
46. Есть кому ругать, миловать некому.
47. Дурак, и тот хорошее поймет.
48. Дураку ума не дашь.
49. Дурак всегда с находкой [веселый всегда].
50. Дурак лгать не может.

51. Стыд не дым ('кислый') и глаз не режет.
52. Хмель правду скажет.
53. Завтрашнее само [о себе] позаботится.
54. Утреннее солнышко [первое замужество] если не пригрело, то вечернему [второму замужеству] некогда.
55. Губа толста, так живот тоньше [о тех, кто дуется, не садится за стол].
56. Хорошего ребенка не надо бить, плохого и битьем не возьмешь.
57. Хорошее долго помнишь, плохое — никогда не забудешь.
58. Хорош — да чужой, плохой — да свой.
59. Хорошее мельничшко, да остановилось [говорят о стариках].
60. Хорошее слово, да к месту бы сказано.
61. Бедность придет в красный угол, так ее к дверям не прогонишь.
62. Бедный ('рот бедного') иногда улыбнется, а больной ('рот больного') нет.
63. Попавший в беду — безумен ('дурак').
64. [Что] его болезнь — [что] мое здоровье [одинаковы].
65. Из-за того, что он сердится, у нас хлеб не кончится [не стоит обращать внимания].
66. Сам и заботиться будет, как только [себе] в лоб будет дуть.
67. Дальше моря за рыбой не ездят.
68. Век прожить — не поле перейти.
69. Век живи, век учись.
70. Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит.
71. Сколько ни мойся, чище воды не будешь.
72. На век ничего не заготовишь.
73. И сквозь золото слеза капает.
74. И горшок с горшком [в печи] столкнется.
75. Если хозяин не к дому [не экономный], то как лопатой выгребают, а если хозяйка [не к дому], то как метлой метет.
76. Без хозяина и дом сирота.
77. У каждого одна голова на плечах.
78. В каждом доме свое и горе.
79. Божья веревочка тройная [трехпрядная].
80. Трудно деньги добывать, вдвойне труднее удержать.
81. Овсяной — да гостинец.
82. Два петуха на одной мусорной куче не поладят.
83. Рыба дешевая, так и уха [из этой рыбы] ничего не стоит.
84. Угождай хорошему [в благодарность], потому что он хорош, послужи плохому [чтобы отвязаться], потому что он плох.
85. Курица — не скот [во дворе], рассадник — не дом, да и примака — не мужчина.
86. Нанюшенная вода в колоде не держится.
87. Кошку не ставь охранять рыбу.
88. Кошка сиденьем берет [о терпеливом, усидчивом].
89. Кошке игра — мыши всерьез.
90. Долг платежом красен.
91. У кого в руках, у того и в зубах ('в рыле').

92. У кого что болит, тот то [место] и рукой трогает.
93. У кого мастерство, у того и добро [богатство].
94. У кого голова варит ('играет'), тому полдела жить ('половинной силой живет').
95. Кто жив, тот и в заботе.
96. Чье масло в горшке, у того и забота на уме.
97. Кто хлеб ест, а кого и хлеб [ест].
98. Кто что ищет, то и найдет.
99. Кто быстро ест, тот быстро и работает.
100. Один раз сказать — всю жизнь помнить.
101. Кто запутал, тот и распутает.
102. Кто другому помогает, тот себе прибавляет.
103. Язык бойкий ('скользкий'), так и жить легко.
104. Собака лает — ветер носит.
105. Дома и стены помогают.
106. Дома и стены в масле, у чужих — половину времени всухомятку.
107. Дом колдуна не разбогатеет ('выше не станет').
108. Медведь никогда не моется, а его все боятся.
109. Медведь силен, да человека боится.
110. Скрипучее дерево дольше простоит.
111. По одежке протягивай ножки ('насколько хватает одежды, столько и ноги протягивай').
112. Как живешь, так и слышь.
113. Сухая ложка рот дерет.
114. Золото и в грязи заметно.
115. Что легко приходит, то легко и уходит.
116. Которая корова околела, та маслом и доила.
117. Какой палец ни кусай — одинаково больно [о своих детях].
118. Когда мальчик родится, то щепки на девяти дворах обрадуются: в другое место перебрасает их.
119. Пока разиня рассматривает, тем временем хитрый загребает.
120. Насколько жизни, настолько и здоровья [пожелание новорожденному].
121. Пока ноженька топает, так и роток чмокает [ешь самым добытое].
122. Если умрет у ребенка отец, он будет наполовину сирота, а если умрет мать — то будет круглым сиротой.
123. Куда журавль ни лети, пища твоя — хвоя [о несчастной судьбе].
124. Куда ночь, туда и сны [скажут, чтобы дурной сон не сбылся].
125. Искра и деревню подожжет.
126. Сытый голодному не товарищ.
127. Сытого хорошо угощать.
128. Близко локоть, да не укусишь.
129. Рука руку моет.
130. Долг бедняка не надолго.
131. Воз ленивой [лошади] на дороге не останется.
132. Ленивый работы боится.
133. Через ребенка и няня сыта.
134. Дети растут — и заботы растут.
135. Детей и кошек не обманешь.
136. Невылеченная болезнь скажется.

137. Оляха у ольхи изъян видит.
138. Лишнее тому, кто не сидит на месте.
139. В городе все денег стоит ('все в цене').
140. Дверь в хлеву закроешь, рот у мира не закрыть.
141. Ближе к кости мясо вкуснее.
142. На кость мясо нарастет.
143. Гни [куй] железо, пока горячо.
144. Пойдешь в другом месте много зарабатывать, дома больше потеряешь.
145. Сном ('спаньем') стога не наметешь.
146. Спящему [дороже всего] подушка.
147. Что [делают] другие, то [делают] и прѣстаки ('разини').
148. Что настряпаешь ('руками помесишь'), то и поешь ('пожует').
149. Рта у мира не заткнешь.
150. В мире, как в море: все есть.
151. Что ни человек, то и ум, что ни птица, то и голос.
152. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.
153. Невестка из мира берется: какая попадется.
154. Где тонко, там и рвется ('поперек').
155. Живи в стране, как в стране живут, нет — так вон из страны.
156. Для матери дети милы не потому, что красивы, а потому, что свои.
157. Материн прут шерстяной.
158. Мать по сыну плачет, как река течет, сестра по брату — как ручей бежит, жена по мужу — как роса садится.
159. От мужа сначала отойдешь на шаг, потом на версту, а затем и совсем.
160. Какие пни, такие и побеги.
161. Лучше смотреть на смеющегося, чем на плачущего ('смотреть в рот смеющегося, чем в рот плачущему').
162. При женитьбе сито полное денег, а после женитьбы не на что сито купить.
163. У женишка ни рубашонки, ни хлебушка.
164. Лучше хвалить нарочно, чем нарочно хулить.
165. Никто от роду не кузнец.
166. Молодость — пора бесшабашная ('пора дурачества').
167. Голод — драка в семье.
168. Лучше голодом, да на своей воле.
169. Охотнику погода не преграда.
170. Была бы шея ('голова'), а хомут найдется ('хомуты любые').
171. От своего убытка не бывает [при продаже].
172. Уженай рыба — что милостыня.
173. Такая нужда, что зуб раскалывается.
174. Большой палец посреди ладони [ничего не умеет делать].
175. Учи ребенка, пока он поперек лавки.
176. Покупное рук боится [быстро тратится].
177. Несчастному жениться — и ночь коротка.
178. У укравшего один грех, у угадывающего — девять.

179. Рука берущего не устает, устает рука дающего.
180. От черта рукой не засло-
нишься.
181. От плохого убегай, к хоро-
шему беги.
182. Пастух кнут плетет для
всего стада, а не для одной
коровы.
183. Лучше девять деверей, чем
одна золовка.
184. Мягко стелет, да с жест-
кого встанешь.
185. В поле — поле видит, в ле-
су — лес слышит.
186. Отделившись от семьи, три
года на одни вешалки надо
работать.
187. Маленького хвали, боль-
шому ношу вали.
188. Маленькая собачка всю
жизнь щенков.
189. Долгое веселье — к слезам
(к плачу').
190. Свинья помнит, где кор-
мили, но не помнит, где
били.
191. Сын ругает — на печку по-
лезай, если зять — то за
ручку двери держись.
192. Лиса на лисий хвост не на-
ступит.
193. За одного выучившегося
трех невыучившихся не надо.
194. Родня — не грязь.
195. Род притянет ребенка [ре-
бенок в поруду пойдет].
196. Работа человека не портит.
197. Поработанное — не поспан-
ное.
198. Свинью позовешь к ко-
рыту — она и ноги в ко-
рыто [поставит].
199. Запасливому едок най-
дется.
200. Наряди пень — и тот ста-
нет красивым.
201. Губы криви, да своего за-
щищай.
202. Около большой поленицы
хорошо щепки собирать.
203. Большой кусок рот разо-
рвет, от маленького сыт бу-
дешь.
204. За смерть да за жениха си-
лой не выйдешь.
205. Еда на еду идет, битые на
битые не идет.
206. Та собака не трогает, кото-
рая лает, кусает та, кото-
рая рычит.
207. Птица та же, только песни
другие.
208. Место под двор сменишь,
характер — нет.
209. Спасешься только из-под
левия, из-под обуха спа-
сен будешь.
210. Надеючись, и кобыла в
дровни лягает.
211. Обещание и обман рядыш-
ком.
212. Отца да мать на век не
хватит.
213. Ничем ничего не заткнешь.
214. Пустой мешок стоя не дер-
жится.
215. Тихоня скорее толкнет.
216. Желудок не зеркало [не вы-
дает, что поел].
217. На лжи далеко не уедешь.
218. На старость не надо на-
дежды иметь.
219. Старый на борозде не за-
путается.
220. Кровь гуще воды [о род-
стве].
221. Помаленьку и ольха гнется,
разом и можжевельник
сломится.
222. В чужом глазу соринку ви-
дит — в своем и бревна не
заметит.

223. Чужой человек ('чужая кость') в семье ссору ищет.
224. Чужбина — холодина.
225. Чужое бери столько, сколько в глаз вмещается.
226. Для вестей подводы не требуется.
227. Текучую воду не удержать.
228. Вор хоть стены оставит, пожар — все заберет.
229. Вора замок не удержит.
230. Силой в зятя не притянешь.
231. С аятем только на рыбный пирог [ходить], с братом на медведя можно идти.
232. Из одной осины получают хлеб в печь сажают и которыми навоз выгребают.
233. На один уголь дуют [заодно].
234. Которым ртом плачешь, тем же и смеешься ('один рот плачет, один рот и смеется').
235. Высоко птица летает, да не знает, где сядет.

Записано от разных лиц в дер. Пасмынок Спировского района. Записала Д. И. Манарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 78—85).

№ 53. niärlükäet i muwt äanonnat

1. ei kiel'd/el'e, ei vaginal'e, andaw andiekši.	14. voijah voruija i tappua: ollah ünñäh hevget't'ömat.
2. süöw žuadno, kuin angaman broñi.	15. nin kül'miin, äššen hibiehiifi kävel'öw.
3. olet avokeroloista avokero.	16. hiitroi rebo, et orazella pekkoh piššä.
4. biesan viižahuš on t'ämä rist'ikanža.	17. ka on pahalažin hugin ildañe.
5. šoitulla jäl'lest'i äštuw brihua, kuin hawvin hammašta (pikkaräzie da äijä).	18. on neskluadnoi, kuin hunkinorenda.
6. šiännuit, nin čiban maiduo jäl'lest'i.	19. on pit'kä, kuin humalariwgu.
7. čirhist'ü, kuin čii'l'i.	20. hüvä tul'i, vähä mäni, šai darovoida.
8. krañnoi kewhüs l'ieñi, jawhuo ew i šil'mäh panna.	21. žemmuoñe häd'ä on — nin hammaš halgiew.
9. hot' korvah i pawgua, ni mid'ä ei kuwle, gluhoi koppalo.	22. ilmoll'izet kummat ollah kobražšal
10. el'ä šuwrendel'ieče, et ole gorñan gošta.	23. mužikka on tuhma, kuin il'vewš.
11. l'eivät kaikki: l'iew hambahat vuarnah riputtua.	24. it'ki, it'ki, da itulla i otti.
12. lapšen šuaduoh tuwvah hammašpiiruada.	25. jallat kül'mett'ih, on kuin hukalla kerošša.
13. heit't/el'iečow, alemmakši oreškan kaivuoheit't'iäči.	26. jānikšen nahkalla on pekkopaikattu.
	27. kačcel'iečow, kuin vora jarmañkašša.

28. kagra, el'ä nagra: iche lagoh langiet.
29. katen ladva, ew kaikkie piälakašša.
30. olet kebiekeḡgäne, kaikkuanne kergiet, kunnē ei kučuta.
31. on kuin kevon alda kiirakane [hiifi].
32. vävül'l'ä kiel'i on, kuin moskun ruoška (on boikoi paginalda).
33. kizuaw, kuin kaži hiireḡken.
34. kiät šäriššäh, kuin kanattappajalla.
35. t'amänilmaine kud'mo, kobisko olet.
36. kukonuini tartu.
37. mäḡgiš, kuldaḡora vaštah.
38. ka käbü nokkah l'ienil
39. lapšet ollah näl'gähizet, kuin nuakat.
40. lapši it'köw kaiken päivän, kuin kiel'eštä riputettu.
41. udala on, rebuošt'aw, kuin l'eht'irebo.
42. tukat lošnitah, kuin harakanšulga.
43. tua väl'iän l'äht'öw padua luad'imah (kuolow).
44. foršiw tuhmatukku, iche on kuin l'ötöniho.
45. aššutah, kuin makšanjagajat (jäl'lekkäh).
46. tuada et proved'i: on miel'entagaḡe howkka.
47. mit ollow nua muštašiami-zet ollah.
48. šezih kacčuošša miel'i mett'ä keitt'äw.
49. tua on ruočin šuošša, sinne šua et doiji.
50. tuaton muruzet i palazet ollah lapšešša.
51. narodua keräwd'ü kuin šalon kaivolla.
52. ka hot' ois nowšša šavigoralla [kiwgualla].
53. mužikka on, kuin nül'giet't'ü jäniš.
54. päivä on näl'gävuwven pid'eḡuš.
55. huomnekšešta ildah šuat nagolo jalgatañnikasša.
56. humalahizeḡke vačča kubenüžin on.
57. katoš on harva, kuin rid'il'ä.
58. l'äkšiis pruažniekalla, da on häñd'ä pit'kä, lapšišta ei piäže.
59. moržiemut kuin hel'ie heinäne.
60. on t'üwñi, kuin jumalanl'ehmäne.
61. t'üt't'ö on boikoi, kuin šukkulaḡe.
62. on ruškije, kuin muñija kanaḡe.
63. miehel'l'ä mäñi pahoin: ožattomah očin kočahtj.
64. ka on pahašanaḡe: jal'gimmäžen šanan šanow enžim-mäžikši.
65. jal'gimmäšt'ä lašta šanotah pahnanpohjimmazekši.
66. on ruškije, kuin paistun bukva.
67. popad'i moržien pit'käkiel'i.
68. on pit'kävihaḡe: viikon vihua pid'äw.
69. on piärawkakši, gošaššukši heitt'iačen.
70. koččiw torah, kuin piät'öin kukko.
71. briha on prostoi, kuin heboḡe.
72. puol'it'eräḡe jogo paikkah rabel'iečow.
73. ilotat rahvašta, rahvahan ilo šie!
74. rawkalla ei šua omua piäd'ä šüöt't'ia.
75. kävel'et kuin ribu-t'iitta.

76. äijä narodua tul'i, ei vain omat, rujot i rammat keräw-vüt't'ih.
77. ka on ruttopäiväl'l'ine, tul'isuw.
78. on boikoi da laihañe, kuin šalaikko.
79. šammalsalku — tovet i t'uh-jät šammaldaw.
80. kebiekeñgäñe: koččiw, kuin šavuharakka.
81. tulow da valehtelow, šiibüzit't'ä l'eñd'el'öw.
82. peit't'el'iečow, kuin meža-hiifi.
83. šivottavua pagizow.
84. šuořiet, šuořiet, da nagole et niñ vuatteih (toivot-tuačet, a tule et).
85. šuw kuin reppänä.
86. šuwrendel'iečet, olet kuin šuwrimakukko.
87. darovoilla el'ät, kuin šüö-t'intattari (nah'ebñikka).
88. ših vereh pid'i kaikki sa-nuo.
89. tartu kuin ruga i eruo ei.
90. näl'gähiñe olet kuin tiid'ie-hawkka.
91. tuhkañppi, ni mid'ä maha et.
92. ollah rutot, kuin tul'ikor-bilazet.
93. vain vart'inäl'l'ä i puissal-dua mieš, on kuin tröpptü.
94. pöl'l'äštü, iho valgoi, kuin vaha.
95. pahalazin ved'ehiñe [ved'e-hizekši šanotah i joven baldjedal].
96. virkoš'leibä keroh tarttuw.
97. tua vuahikero vuaherdaw: t'uhjiä i totta pagizow.
98. ol'iin uñiborova, kaiken ijan šuačiin muata.
99. unipöhl'öl'l'ä on nagole vähä magavuo.
100. mid'ä l'ieñiit nimeh t'em-mattavakši?

№ 53. Иносказания, клички и отдельные выражения

1. Не унимает, не наставляет, дает поблажки.
2. Ест жадно, как ангамская ворона.
3. Ты из разинь разиня.
4. Как бес, хитрый этот человек.
5. За гармошкой парней идет, как зубов у щуки [маленьких да много].
6. Рассердился, так удерживать не будут ('козьего молока вслед').
7. Он взъежился, как еж.
8. Крайняя бедность настала, муки нет нисколючко ('нет даже в глаз капнуть').
9. Хоть по уху и дай, ничего не слышит глухая тетеря.
10. Не капризничай, не горнинский [название деревни] гость.
11. Весь хлеб тут: придется зубы на вешалку повесить.
12. Роженице приносят пироги на зубок.
13. Прибедняется, опустился ниже орешковского колодца.
14. Могут украсть, убить: они совсем бездушные люди.
15. Так продрог, даже мурашки ('нательная мышь') бегают.
16. Хитрая лиса: шилом в задницу не кольнешь.
17. Вот чертов волчий ужин [ругательство].

18. Нескладный, как стрекоза.
19. Высокий, как жердь для хмеля.
20. Хорошо получилось, мало потеряно, достал даровое.
21. Нужда такая, что зуб раскальвается.
22. Большая беда ('беда в горсти').
23. Муж образина ('как рысь').
24. Плакал, плакал да и вы-плакал.
25. Ноги холодные, как у волка в пасти.
26. Заячьей шкурой зад залаган.
27. Оглядывается, как вор на ярмарке.
28. Овес, не смейся, сам поляжешь.
29. Глупый ('сломанная вершинка'), не все дома ('в голове').
30. Легкий на поводе, всюду успеваешь, куда тебя не зовут.
31. Очень невзрачный, как мышонок ('как из-под стога выглядывающий').
32. У зятя язык, как московский кнут [острый].
33. Играет, как кошка с мышкой.
34. Руки дрожат, как у убившего курицу [из-за пустяка].
35. Копуша ты этакий!
36. Куриная слепота при-стала.
37. Идите, доброго пути ('золотая гора навстречу')!
38. Вот и вышел шиш!
39. Дети голодные, как галки.
40. Ребенок целый день плачет, как за язык повешен.
41. Хитер, лебезит, как лиса.
42. Волосы блестят, как сорочье перо.
43. Этот скоро на тот свет пойдет ('пойдет горшки лепить').
44. Форсит уродина сам как лягушка ('лягушачья рожа').
45. Идут вереницей ('как на дележку печенки').
46. Этого не проведешь: он с умом дурак.
47. Какие-то они бессердечные ('с черными сердцами').
48. На такого смотреть не нарадуешься ('мысли мед ваяют').
49. Это в шведском болоте [найдешь]: туда не дойти.
50. Во всем похож на отца ('в ребенке отцовские крошки и кусочки').
51. Народу собралось, как на ярмарку ('как на колодец в дер. Шало').
52. Залезть хоть бы на печку ('на глиняную гору').
53. Мужчина как заяц со снятой шкурой.
54. День, как голодный год, долгий.
55. С утра до самого вечера постоянно на ногах.
56. Со страхом ('в животе искры') надо жить с пьяницей.
57. Крыша редкая, как редель [плетеная из прутьев подстилка к саням].
58. Пошла бы она на праздник, да хвост долог, от детей не вырваться.
59. Невестушка как травушка зеленая ('шелестящая').
60. Смирный, как божья коровка.
61. Девушка как челнок [бойкая].

62. Румяная, как несушка.
63. Замуж вышла неудачно, как лбом об несчастье ('несчастливого') стукнулась.
64. Вот злослов: последнее слово первым выпалит.
65. Последнего ребенка называют последышем ('самым нижним, последним в выводке').
66. Покраснел, как печеная брюква.
67. Жена попалась сплетница ('длинный язык').
68. Злопамятный, долго зло помнит.
69. Горемыкой, беднягой прикидывается.
70. Лезет в драку, как безголовый петух.
71. Парень, простак, как лошадь.
72. Полоумный ('с половиной лезвия') всюду лезет.
73. Посмешище ты, сместишь людей.
74. Бедняге своей головы не прокормить.
75. Ходишь, как Тит, в лохмотьях.
76. Много народу пришло, не только свои, калеки и хромые собрались.
77. Вот крутой человек, горячий ('огненный рот').
78. Бойкий да худенький [человек], как салака.
79. Болтун ('мешок со мхом') и ложь и правду болтает.
80. Легок на подъем: как сойка прыгает.
81. Придет да наврет: без крылышек летает.
82. Прячется, как полевая ('межевая') мышь.
83. Плохое говорит такое, что надо связать.
84. Одеваешься, одеваешься, да все не в ту одежду [обещаешься, а не приходишь].
85. Рот как волоковое окошко.
86. Ломаешься, как житный пирог ('пирог с крупой').
87. На даровом живешь, как татарин на откорме [на хлебник].
88. Заодно ('в одну кровь') надо было все высказать.
89. Пристал, как смола, и не отстает.
90. Голодный, как чибис [пигалица].
91. Не мастеровой ('щепоть волю'), ничего не умеет делать.
92. Крутые характером, как жители огненных дебрей.
93. Всего-то веретенем и пошевельнуть человек, замухрышка.
94. Испугался — лицо, как воск, стало бледным.
95. Чертов водяной [водяным называют и хозяина вод].
96. Попрекаемый кусок поперек горла становится.
97. Этот болтун ('пенное горло') наболтает пустое и правду говорит.
98. [Я] был большой соня ('сонный боров'), всю жизнь любил спать.
99. Соне всегда не достает сна.
100. Так опустился, что склонять стали.

Кудряшова Мария Дмитриевна (gараška пaтaнa), 60 лет, дер. Малое Гивиче (pіeчнi kашkіpуwстa) Спировского района. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 131/9).

№ 54. kuin suad'buu kizattih

rubiew briha naimah. sanotah: „kunne l'ähet suattoloiksi?“ — „ka t'anne l'ähemmä, t'anne miwla himoittaisen“. a tuatto šanow: „net, ka t'anne l'ähemmä!“ . a briha šanow: „mie t'anne en l'ähe, l'ähen t'anne, miwla ka t'amä pid'äw!“ .

nu, ka briha tuaton ved'äw: ken on l'ubow brihalla — suataijah. käwväh suattoloiksi illan, käwväh kakši, šiind'ä jo kolmannella illalla luad'iečetah... kuin ei luad'iečeta, (t'üt't'ö) uid'iw — briha voruičow. koista uid'iw t'üt't'ö miehellä, da t'ihonko, pomolčkom.

a šiind'ä suataijah. istuw andilahana ned'el'in. käwväh t'üt'öt it'ett'amäh. t'üt't'ö it'k'ow iänel'l'ä... koissa. šiind'ä kül'uh šuatetah. tullah druwškat ottamah, svuahat tuwvah gošt'inčua, šiind'ä veščalla ajetah. t'üt'ön taloh tullah suad'buu kizuamah čolovek dvatsat' il'i dvatsat'pät', možoit i t'fitsat' miššä.

ka üheššä t'üt'ön talošša suwtkat gul'aijah, virt'ä lawletah, šuwväh, juwvah, karratah. ne brihan taloh l'äht'iet'äh. šiel'd'ä tuuš čolovek dvatsat' il'i dvatsat'pät'. šiel'ä suwtkat gul'aijah, gošt'itah. lahjat ollah: lahjotah morziemella... ei morziemella, a morziem lahjow muatkolla, buatkolla, vel'l'il'öil'l'ä, čikkoloilla, a morziemella d'engua pannah tafelkalla. šiind'ä toispiänä suad'boveh l'äht'iet'äh t'üt'ön [brihan] talošta, jähäh vain šiel'ä omahizet. ruvetah pert'ie čilpuomah, soruomah. morzien rubiew püwhkimäh, a hüö nagole čilputah morziemella, d'engalla čilputah. l'äht'iet'äh vet't'ä ammuldamah morzien da šulahane. männäh korvon kumatah. paikan lahjotah navolla šiel'ä. šiind'ä kül'un kartalla paikan pannah — vaššan varatah ka tuah, vaššan t'üvel'l'ä paikan pannah, ka, štobi miän čikkuo vaštahe ei ob'iid'iisen, kazihe ei gfiihišt'el'iisen, i karta kül'un ei kargawttaiš. doiñiekan nokalla — što oiš mil'l'ä šiivil'öija maijošt'a. vot i všo suad'iba...

iellä vet ei erottu: šielä miilo, ne miilo, a jo el'et't'ih, kočahettu ei, vot, varaženi.

№ 54. [Как свадьбу играли]

Задумает парень жениться. Скажут: «Куда пойдешь сватать?». — «Вот сюда поедем, сюда мне хотелось бы [ехать]». А отец скажет: «Нет, вот сюда поедем!». А парень скажет: «Я сюда [куда говорит отец] не поеду, поеду сюда [куда сам хочет], мне вот эта нужна!».

Ну вот, парень отца и приведет: кто люб парню — сватают. Ходят сватать [один] вечер, ходят другой, потом вот на третий вечер

уже и сговорятся... Если не сговорятся [родители], девушка уйдет — парень уведет. Из дому убежит девушка замуж, да, тихонько, помолчком.

А потом сосватают. В невестах сидит [девушка] неделю. Девушки ходят «гневить» ее ('заставлять плакать'). Девушка причитывает... дома. Потом в баню поведут. Придут за ней дружки, свахи. Принесут гостинцев, потом к венцу едут. В дом к девушке приедут играть свадьбу человек двадцать или двадцать пять; может, где и тридцать.

Так вот, вместе в доме девушки сутки выпивают, гуляют, песни поют, едят, пьют, пляшут. Те в дом к парню отправляются. Оттуда опять человек двадцать или двадцать пять [приедет]. Там сутки гуляют, гостят. Подарки дарят: дарят невесте... не невесте, а невеста дарит свекрови, свекру, братьям [деверям], сестрам [золовкам], а невесте деньги на тарелку кладут.

Потом на второй день свадебные гости уезжают из девушкиного дома [из дома парня], там останется только [родня]. Будут в избе «сорить» [карельское: *širuomah* и русское: *zoguomah*]. Невеста берется подметать, а они все «сорят» перед невестой, деньгами «сорят». Отправятся за водой невеста и жених. Пойдут [другие у них] ушат опрокинут. Золовке платок дарят там. Потом на корыто в бане платок положат, веник приготовят вот сюда, на комель веника платок положат, вот, чтобы нашу сестричку веничек не обидел бы, кошечка не царапала бы и [чтобы банное] корыто не заставляло «плясать бы» [не было бы каких-либо неприятностей в бане, дарят «хозяина бани»]. На носик подойника, чтобы было чем молочко цедить. Вот вся и свадьба...

Раньше ведь не разводились: мило там — не мило, а уж жили, не высказывали, вот, дорогой.

Кудряшова Мария Дмитриевна. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 131/12).

№ 55

miwn izänd'ä šanel'i. hänel'l'ä ol'i šuwfi sadu t'äl'ä, ogordassa. hiän vardeičči jäniksie, jäniksetten käwd'ih ogordah saduloida grizimäh. hänel'l'ä ol'i tuluppa, vešma šuwri tuluppa piäl'l'ä. ka t'ut'ötten kopitettih ka t'änne verejäl'l'ä kuwndelomah sarain luoh kolmen keššä. mäñd'ih hütö sarain luoh, šiel'ä i kolot'itah šagarua dai šanotah: „suženoi-raženoi, ješ'li mie t'änä vuona mänen mieh'l'ä, to kuwlukkah, što zvoniw kellozet, ajetah, il'i koira hawkkuw šiel'ä“. il'i ken mid'ä šiel'ä šanow.

i vot, značit, üksí t'üt'tö kolot'ti, kolot'ti šagarua jallalla dai šanow: „suženoi-faženoi, kumbazeh randah mänen miehel'l'ä, nin kuwlukkah ka, što ajetah čiluzilla!“.

no toine, šanow, kolot'ti, šiid'ä kolmaš. a šiid'ä jo, l'iewgo kuwlunnun heil'äh, koņešo, a hänel'l'ä ei kuwlunun. kuwlu, al'i ei kuwlun heil'äh, značit, hüö l'äht'iet't'ih. — „kačuo, šanow, kuwlu miwla, ka tualda päin čilaji kelloņe“. a toine i šanow: „miwla koira hawkku ka tuala“. a kolmaš šanow: „miwla ka ni mid'ä ei kuwlun“.

hüö kopitetah, a miwn izänd'ä ogordašta viid'i, hüö kuin projittih, a hiän jäll'est'i tulupoissa, dai rubei kuin tuwříkka vierömäh heil'ä jäll'est'i. hüö kuin žemmuozerken ravužkena hüppiämäh: „oi-joi! tavottaw nečistaja šila (značit, tuwříkka)! emmä ušto čuwrunnun, niin kai nütten tavottaw!“.

ručkinan vaša-d'iid'öh hüpät't'ih. „oi, a nni-buabo! spaši meid'äl ka mid'ä l'iew?“.

hüö istuočettih karžinlawvalla, a hiän heil'ä kaikilla piäl'öih padazet paņi. a t'äd'ä ni mid'ä ei ollun: ni nečistoida šilua, ni ked'ä, a miwn izänd'ä pöll'ät't'i, dai kaikki... maidopadazet pand'ih piäh, štobi ei duaviišen, tullow čorta jäll'est'i, nin padazen pihiw, dai duwmaiččow — piä, a iče ga padaņe!

№ 55

Мой хозяин рассказывал. У него был большой сад здесь, в огороде. Он караулил зайцев [сад от зайцев караулил], зайцы ведь ходили в огороде яблони грызть. На нем [хозяине] был тулуп, очень большой тулуп был одет. Вот девушки-то шли сюда к воротам слушать около сарая, втроем [были]. Подошли они к сараю, там и колотят по воротам и говорят: «Суженый-ряженный, если я в этом году выйду замуж, то пусть мне послышится, что звенит, с колокольчиками едут, или [пусть слышится], что собака лает там». Или кто что там скажет.

И вот, значит, одна девушка колотила, колотила по воротам ногой да и говорит: «Суженый-ряженный, в какую сторону выйду замуж, так пусть услышу я, что едут [оттуда] с бубенцами».

Но вторая, говорит, колотила, потом третья. А потом, вот было ли им слышно, конечно, а ему [хозяину моему] не было слышно. Было им слышно или не было, значит, они отправились [домой]. «Гляди-ка, говорит, мне послышалось, вот с той стороны звенел колокольчик». А вторая и говорит: «Мне [послышалось, что] собака лаяла там». А третья говорит: «Мне ничего не было слышно».

Они шагают [домой], а мой хозяин [муж] из огорода вышел, когда они [уже] прошли [мимо него], а он за ними в тулупе да и стал, как тюрик, катиться им вслед [за ними следом]. Они как с таким ревом бежать: «Ой, ой! Догонит нечистая сила (значит,

тюрки)! Наверно, не сказали „чур!“, так вот теперь и догоняет!». Прибежали к дяде Василию Ручкину. «Ой, бабушка Анни, спаси нас! Что [с нами] будет?».

Они сели на голбец, а она [бабушка Анни] им всем на головы и надела горшки. А этого ничего не было: ни нечистой силы, никого, а мой хозяин напугал [девушек]. Вот и все... Крынки надели [девушкам] на головы, чтобы [черт] не удавил их; придет если черт следом [за ними], так горшок спихнет да и подумает, что голову [спихнул], а на самом деле-то горшок!

Хвалова Парасковья Васильевна (ga' aš' i ha pa' ša), 60 лет, дер. Малое Нивиче (pie ņ i ka ški puw sta) Спировского района. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. яз., запись № 131/8).

№ 56. kuin talvella nuorizo gu'aljah

ved'eñiešta šua [4. XII], toko, l'äksimä da roštuoš šuah [7. I] kävimä omah kül'äh, nagole kuožal'iloit'ken, kezrämimä. nu, kel'ä kuin' ken, koñešno, ol'i znakom, že briha tul'i šil'l'üöh. kezriät i pagizet, i kodvazen, kadrel'ie kizuat i tuaš, no staraiččima kezrät'ä, što oiš kolme vart'iniä kod'ih prestuavittu.

a roštuošta l'äht'iet'äh zbornoit. l'äht'iet'äh zbornoit, tullah zbornoiloih. ka enzimäñe ka t'ial'ä kaškipuwsalla zbornoi, toine ka vaš'leista (14. I) prudovoilla. šiel'ä, nu ew, ñe ob'ezat'el'no üheššä kül'äššä, bivajet i kaheššä kerdah. ka kerät'äh aigah čolovek dvatsat'. ka otetah kakši-kolme, mi on, hevošt'a, jed'inoličnoit hebozet oldih. val'l'aštaw tuatto, l'ibo vel'l'et, hebozet i l'äht'iet'äh gošt'ie keriamäh. kerät'äh, gošt'ät tullah. varuššetah, i l'iew sem časow, l'ähemmä bešowdah. l'ähet bešowdah. olet illan šiel'ä bešowdašša. tulet, možot, päť-četije huomnešta kod'ih. päivän maguat, et päiviä, do d'ešt'i huomnešta maguat päiviä, šiid'ä l'ähemmä tuaš päiväbešowdah. päiväl'l'ä bešowdah mänet... ken kel'ä tuaš on znakom, tuašen šiel'ä kizuat, al'i issut, al'i mid'ä. a illalla ka ni konža ei t'üt't'ö eččin brihua, a briha, brat, miel'd'ü ješ'li miwh, niin t'üönd'i kenen ni buit'en kučcumah. mie ješ'li kun ñe želaju, niin šanon: „ñet, en l'ähe“. toizen kuččuow, kolmanen. ka mudualla brihalla ei šua i kuččuow ni ked'ä, ni ken hänel'l'ä ei l'ähe. a kel'ä kuin želat'el'no, l'ähet. mänet, kodvazen issut, et miel'd'ünne, ei paissun, da otat da uijit pihalla, da toizella istuočet, dai...

a gošt'ista obezat'el'no tuatto tul'i jarel'l'äh ottamah kod'ih. kaiken pühäñkeššen ka niin nagole i gu'l'äiččima muas'l'eñcah šua.

muas/eačana ka ol'i kozlovalailla vešma šuwri gul'aŋka hebo-
žilla. zbruwjat vešma hūvatl' šuoŋiečet, ka ul'ei päivän ajelet šiel'a,
šivin jo jäl'gi-jäl'geh nagolo hevošt'a ajat. šuwripühä l'ieñi — t'uki
ni ken ni kunne: gul'avo proid'i keviäh šua. keviä l'eiñi, ka äija-
štäpäiviä. ka äijäpäivä l'ieñi — tuaš rahvaš kaikin pihoilla, nu vain
emmä ollun ul'ei uöd'a: žiivatta kul'ah — i t'ut'ot kod'ih. ul'ei
pühätpäivät gul'aiččima, kaikki pruažniekkapäivät gul'aiččima, nu
joi uöl'oid'a emmä gul'ainun, kuin nūt. a žiivatta kod'ih — i t'ut't'ö
kod'ih, a kuin vain opozdaičet — dai et popad'ii kod'ih.

№ 56. [Как вимой молодежь гуляет]

С веденья [4. XII], бывало, начали, да до рожества [7. I] хо-
дили в свою деревню, все с прялками, пряли. Ну, коли у кого
[у девушек] кто [из парней], конечно, был знаком, тот парень при-
ходил к той. [Сама] прядешь и разговариваешь [с парнем], и не-
долго кадрил танцуеть, и снова, но старались прядь, чтобы три
полных веретена было бы домой представлено.

А с рожества начнутя сборища. Пойдут сборища, придут на
сборище. Вот первое, вот здесь в Малом Нивище сборище, второе
вот с васильева дня [14. I] в Прудовке. Там, ну нет, не обязательно
в одной деревне, бывает и в других деревнях сразу. Вот, соберутся
иногда человек двадцать. Вот возьмут две-три [лошади], сколько
есть лошадей, единолично лошади были. Запряжет лошадей отец,
или братья, и отправятся собирать гостей. Соберут, гости придут.
[Дома] настряпают, и [как] будет семь часов, пойдем на беседу.
Пойдешь на беседу. Пробудешь целый вечер там, на беседе. При-
дешь, может быть, в пять-четыре [часа] утра домой. День [днем]
поспишь недолго, до десяти утра поспишь, потом отправляемся
снова на дневную беседу. Днем на беседу пойдешь... Кто кому
[с кем] опять знаком, снова там играешь, или сидишь [с ним], или
что. А вечером вот никогда девушка парня не искала, а парень,
брат, если в меня влюбился, то послал кого-либо приглашать [меня].
Я если как не желаю, то скажу: «Нет, не пойду». Вторую [девушку]
пригласит, третью. Вот некоторым парням не удастся никого при-
гласить. Никто с ним не пойдет. А к кому желательно [идти],
пойдешь. Придешь, немножко посидишь, если [тебе] не понравится,
не разговорчивый [парень], возьмешь да убежишь на улицу, да
с другим и сядешь, да и...

А из гостей обязательно отец приезжал брать обратно домой.
Весь мясоед вот так все и гуляли до масленицы. Вот в масленицу
в Козлове было очень большое гулянье [катанье] на лошадях.
Сбруя (в ориг. мн. ч.) очень хорошая. Оденешься [нарядно], вот
целый день и катаешься там. Вот друг за другом ('след в след')
едешь — всё лошади. Великий пост наступил — тюк! Никто никуда.
гулянка кончилась ('прошла') до весны. Весна настала, вот с пасхи

[vesna]. Вот пасха настала — опять весь народ на улице. Ну вот ночей напролет [на улице] не были. Скот в деревню — и девушка домой. Все воскресные дни гуляли, все праздничные денечки гуляли, ну а ночей [напролет] не гуляли, как теперь. А скот домой — и девушка домой, а если только опоздай — да и домой не попадешь.

Хвалова Парасковья Васильевна. Магнитофонная запись В. П. Тарасова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 131/10).

№ 57. svatkina kuwndelomašša

kuwndelomah kävimmägo?... kuin roštuo proid'iw, kiwguan l'ammit'et'äh, kakkarua ruvetah paistamah, da l'änget piäh da ikkunašta i pid'aw kaččuo: keššä l'ienet miehel'l'ä, moñigo talošša l'iew el'äjiä. ikkunašta šiel'äi nägüw. a kakkarah luajittu lowkot, l'eikkattu. šiid'ä tulow kaččomasta t'üt'tö. ikkunašta muamoh küžüw: „moñigo mieštä nägü?“. šanow: „viizi“, miššä: „kuwži“, miššä: „šeiččimen“, kel'l'ä mi ožuttuačow, pereh šuwričo, da...

l'ienöw ilda. l'äht'iet'äh kuwndelomah kül'üh, žirkaloh kaččomah šulahašt'a. šiel'ä nägüwgo: kun šinä vuona mänet miehel'l'ä, niin nägüw šulahaše...

a viel'ä kül'uššä kuaveht'iečow, viikon kuin kačot. eiñin mänäh brihatten, ozoruijah: feppänäštä fiwvun luwvah. šiel'd'ä kuin l'äht'iet'äh — hiw-hiw! — hüppiämäh kül'uštä kül'äh šuaten, da a nütten vet' ei käwvä kuwndelomah. niin nägüw heil'äh.

mie omua ičet't'ai šanon: ol'iin kaččomašša. mie t'äššä kül'äššä el'än, olen tullun miehel'l'ä. ka miwla nägü žirkalošša, ka mie t'anne i miehel'l'ä tul'iin. t'äššä randua mie en ollun i vowošo, a žirkaloššä miwla nägü mužikka, šulahaše. da!

ol'iin mie kurginalla gost'išša. oldih meid'ä ottamašša. il-lalla bešowdašša ol'ima, vas'l'eida vaš [14. 1.] kävimä [jovella]: „aštukku! l'ähemmä jovešta kivüt't'ä suamah: l'iewgo šil'ieñägö mužikka, al'i faboi l'ienöw?“. ješ'l'i šil'ieñe kivüt popad'iw, niin l'ienöw šoma mužikka, ruhmukaš popad'iw — niin l'ienöw faboi, tuhma. i mäñimä za dva kilometra. t'ämän, hiemuan, kuorit t'äštä šuaten, üöl'l'ä avandoh kiän i panet kivüt't'ä šuahešša. himottaw t'iet'ä, l'iewgo [mužikka] šoma. šiel'd'ä tulemma: „ožutua, šiwla miit'uš kivüt? — „o-o! šiwn kivüt min hüvehüt!“ — „kačuo miwn!“ — „o-o! šiwn paha, tuhma šulahaše!“.

šulahašt'a kävimä küžümäh, it'et't'amäh lasta kävimä. müö ol'ima boikoit. uvehta kuorzuttamah kävimä, šigua pagawttamah kävimä. šigua pagawttua on trudno! ših šijalla pid'aw äijä otviet't'ie! vain ei šua otviet't'ie — l'iew ploho d'ielat: jäl'l'est'i hüppiäw, kuin tuwrikka!

ka ol'ima müö kuwndelomassa, šigua pagawttamašša. šiga kü-
züw, šanow: „äijägo on miwla šel'l'äššä sugahašt'ä?“. a šijalla vas-
tah pid'aw otviet't'ie: „a miwla tukašt'a piäššä äijägo on?“. šiga
tuaš küzüw: „äijägo taivahašša t'ähüt't'ä?“. — „mi pellošša kivüt't'ä,
že taivahašša t'ähüt't'ä?“. — „äijägo, šanow, mereššä peskiušt'a? —
„mi koššošša lowkošt'a, že mereššä peskušt'al“. ka pid'aw šigua
kuin pagawttual šiid'ä vaštai rubiew kuwlmah, mid'ä šiga šanow.
šiga rubiew röhkämäh, šiga šanow, kel'l'ä miehelli'ä [mänet], kel'lä
mid'ä [šanow]... iškiet't'ü šiga, kumbazen l'ihat ollah talvella aha-
vah riputettu, ka že šiga pagizomah rubiew. müö iče pagizima
šijaŋke. niin vet't'en i šiga pagizow. šiga küzüw — pid'aw otviet't'ie.
sv'atkoina mänet pagawttamah, mänt'ijä, hen otviet't'iw. šiga
ei otviet'i, otviet't'iw män t'ijä ken, vot. hečistaja šilal..

№ 57. Гадания в святки

Годать ходили ли?.. Как только пройдет рождество [7. 1],
печку затопят, блины будут печь, да хомут на шею, да из окна и
смотреть [будут]: за кем будешь замужем, сколько в доме будет
людей. Из окна там [через хомут] и видно. А в блинах сделаны
дыры, вырезаны. Потом приходит с гаданья девушка. Из окна мать
ее и спрашивает: «Сколько человек видно было?». Скажет «Пять».
Где: «Шесть». Где: «Семь». Кому сколько покажется, большая ли
семья, да...

Настанет вечер. Пойдут слушать в баню, в зеркало смотреть
жениха, там видно ли: если в тот год выйдешь замуж, то виден
жених...

А еще в бане кажется [чудится], если долго смотреть будешь.
А то парни иногда поозоруют: через волоковое окошко палку бро-
сят. Как пойдут оттуда [с криком]: «гив-гив!» — бежать из бани, до
деревни [бегут]. Да.

А теперь ведь не ходят слушать. Так им видать.

Я о себе самой скажу: ходила смотреть. Я в этой деревне живу,
вышла замуж сюда. Вот мне показалось в зеркало, вот я сюда и
замуж вышла. В этих краях я вовсе не бывала, а в зеркало видела
мужа, жениха. Да!

Была я в гостях в Кургане. За нами приезжали. Вечером были
на беседе, перед васильевым днем [14. I] ходили на реку: «Идемте!
Пойдем из речки камешек доставать [узнавать]: будет ли с гладким
лицом муж, или рябой будет?». Если гладкий камешек попадется,
то муж будет красивый, если шершавый [камешек] попадется — то
будет рябой, некрасивый. И пошли за два километра [на речку].
Этот, рукав, вот засучишь до сих пор [до локтя], ночью в прорубь и
опустишь руку, чтобы камешек достать. Хочется знать, будет ли
красивый [муж]. Оттуда придем: «Покажи-ка, какой у тебя каме-

шек?». — «О! Твой камешек какой хорошенький!». — «Посмотри-на мой!». — «О! Твой плохой, некрасивый муж!». .

Ходили спрашивать о женихе, ходили ребенка заставляя плакать. Мы были бойкие. Ходили и заставляли жеребца храпеть, со свиньей разговаривать ходили. Свинью трудно заставить говорить! Тут свинье надо много отвечать! Если только не сможешь ответить — плохо дело будет: следом [догонять] побежит, как тюрик!

Вот мы слушать ходили, со свиньей говорить. Свинья спросит, скажет: «Сколько у меня на спине щетинок?». А свинье в ответ надо сказать: «А сколько у меня волосинок на голове?». Свинья снова спросит: «Сколько на небе звездочек?». — «Сколько на поле камешков, столько на небе звездочек!». — «Много ли, скажет, в море песчинок?». — «Сколько в холсте дырочек, столько в море песчинок!». Вот как надо со свиньей говорить! Потом только и будет слышно, что свинья скажет. Свинья начнет хрюкать, свинья скажет, за кого замуж [выйдешь], кому что [скажет]... Заколота свинья, мясо которой зимой висит на морозе [вялиться поставлено], вот та свинья будет говорить. Мы сами говорили со свиньей. Так ведь и свинья «говорит». Свинья спросит — надо отвечать.

В святки пойдешь расспрашивать — поди знай, кто отвечает. Свинья не ответит, отвечает поди знай кто, вот. Нечистая сила!..

Николаев Василий Иванович (nikolain vaša), 32 года, дер. Прудовна (prudowka) Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 23, ед. кр. 50, лл. 1—3).

№ 58. kuin päriet'tä srugitah

miän koluššalla ilmazen ijän katokšie katetah päriel'l'ä. kuda kel'l'ä tanhuot on katettu ollella, no olgikatoš vain šuwrešta hiaštä. a kuin katat päriel'l'ä, nin jo dvatcat' l'et huoletta i ole. a vet ollella katettu vuwven kolmen-viijen jäl'geh l'iew tuaš kuin siegla, tuaš korvalla i l'ekuta! zeñt'äh jogohiñe i stremiečow kaikki katokšet kattua päriel'l'ä.

pärieh parahittuan mänöw näremeččä, pärieh varoin val'l'ičet parahan puwn, stobi ei oiš oksua: mid'ä vähemi oksua, sid'ä ši-l'iemi päre, a okšikkahašta l'iew äijä t'ilgua. a šiid'ä i ul'en lo-zišta tože päre ei muoñe l'ieñe, kattuašša voiččow halleta. a ka paraš kaikkie ei ložie, ei i hoikka, keškikerdañe, sred'noi puw; pil'ie merkua müöt' ühenpiduziksi čurkaziksi, lad'jata t'e'l'egäh, suattua sruginnalla. iččien aigah i srugitah. ottaw pruoban, kačot: „luaji näin!“. a kuin pid'ännöw vähäšt'ä hoikembua il'i ložiembua, niin šiwla rist'ikanža i luad'iw. otat päriet, ogonotkat sih jähäh (muoñe i poruatka on), makšat ruadamua, šiinä i kaikki.

höt voittuan mel'licät ruvettih šambumah, sruginnat šid'ä ze, a katoksie kattua pid'aw. nin luajitah käzisruginnalla. ka hot' hukan sruginnalla vähängo ruattih? viel'ä ei vain oma kül'öveh, muwvalda ajetah. t'äššä on ruado ičeväin, monellah pid'aw. šeizawduw srugija srugua vaš, rewnah — pärien ottaja. vualun riwvušta puzut'iačetah püörit'äjat, mieštä kolme-nel'l'ä. l'äht'öw ruado, nin vain lähe pois t'iel'd'al mi l'uwbo päfet't'al sruga čul'čennöw, nin sfiadu i tahkotah. näbiel'l'ä srugalla puolella viäl'l'ä ruat, a čul'ci sruga i päfeid'ä rikkow — hafjuaw. srugijana ei jogohizella šua olla: šiinä pid'aw mahtua, t'iet'ä tolku srugašta. kun pid'ännöw ložiembua päfet't'ä, nin pid'aw srugua noššaldua, a kuin hoikembua, nin liččualdua.

püzüö riwvušta da püöfit'ia jogohizella šuaw, vain staraigah, el'gah laisutta pid'äkkäh.

№ 58. Как строгают дранку

В нашей местности испокон веков крыши кроют дранкой. У коего дворы покрыты соломой, но соломенная крыша — только при большой нужде. А как покроешь дранкой, то уже двадцать лет и будь без заботы. А ведь соломой покрытая [крыша] через три-пять лет снова станет как решето, опять за ухом и почиши (двигай улом!)! Поэтому всякий стремится все крыши крыть дранкой.

Для дранки лучше всего идет еловый лес. Для дранки выберешь лучшее дерево, чтобы не было сучьев: чем меньше сучьев, тем глаже дранка. А из сучкастого [дерева] останется много браку ('щепок'). А потом и из очень толстого [дерева] дранка не такая будет: когда начнешь крыть, может колоться. Так вот, лучше всего не толстое и не тонкое, а среднее (карельское: keškikerdahe и русское: r'ed'noi) дерево; распилить по мерке одинаковой длины чурочки, сложить на телегу, повезти на строгальню. При тебе и на-строгают. Возьмет пробу, смотришь и скажешь: «Сделай так!». А если нужно немножко потоньше или потолще, так тебе мастер ('человек') и сделает. Заберешь дранку (в orig. мн. ч.), огонотки [горбыльки от чурок] останутся тут (такой и порядок заведен), заплаатишь за работу, тут и все.

А теперь, как видно, мельницы [где строгают также и дранку] стали мало-помалу закрываться ('угасать'). То же самое и строгальни, а крыши крыть надо. Так строгают дранку на ручных строгальнях. Да вот хоть на строгальне Хуккиных мало что ли работа? Не только своя деревня, из других деревень едут. Здесь работа проводится своими силами, несколько человек нужно [для этого дела]. Станет строгальщик у строгального стана, рядом — тот, кто принимать [дранку] будет. За шест [или ручку] махового колеса возьмутся те, кто будет крутить колесо, человека три-четыре. Дело пойдет, так только с дороги прочь! Сколько хочешь

дранки! Если нож затупится, то сразу же и наточат на точиле. Острым ножом в полсилы работаешь, а тупой нож и дранку портит — лохматит. Строгальщиком не каждый может быть: тут нужно уметь, понимать толк в ноже. Если нужна дранка потолка, то нож надо приподнять, а если потоньше, то прижать.

Держаться за рычаг и крутить всякий может, пусть только старается, пусть не ленится.

Марков Петр Андреевич (markovičan pet'u), 72 года, дер. Аржаное (ruispuwsta) Спировского района. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 104—113).

№ 59. ruis'puwstah n'äh

kaiken oman ijän el'iin ruispuwsalla. ruispuwsta kül'ä moņigo vuotta on olomašša — t'äd'ä en voi tarkah šanuo, en mie ole šigäl'i kirjämieš, mie vain t'iijän žen, što olen kuwvetta kol'enua.

enžimäne el'äjä ruispuwsalla ol'i šiila. mistä hiän tuli t'anne — ew t'ieduo, ei muisseta, eigo šanella t'äd'ä. miän puame-tilla enžimäne nimi on šiila. hänen poiga ol'i marke — mark šilič. t'äl'd'ä šuat on l'äht'en miän fomil'ja markow. marken poiga ol'i iva — ivan markovič, ivan poiga ol'i riigo — g'rifog'ii ivanovič, riijon poiga ol'i ondrej — andrei g'rifog'jevič, miwn tuatto. hiän el'i šeiččimeņkümmeñd'ä vuotta l'izäņke, ol'i äijän-vähän kirjah mahtaja. hänel'l'ä ol'i kirjutettu nimet: tuaton, d'iedoloin i pravod'iedoloin. hiän šano, što enžimäne el'äjä ruispuwsalla ol'i šiila, a šiid'ä rubei kül'ä kažvamah. ed'izeh srojieči päiväzeh očiin sloboda. ol'i ošośšald'a nowššun pereh. šiid'ä t'eron vel'l'ekšet tuldih ed'ähäd'ä, murmaņiešta päin, hūo pagoh hüpät't'ih t'anne, oldih mist'äollow d'ieläšta puwtunnuot. heid'ä tavotettih, no ei šuanun tavottua, piäštih pagoh perehil'öiņke. kül'an mužikoilda pürri't't'ih, pakottih äijäl'd'i: „p'riimikkiä kül'öveheksi“. kül'ä otettih omaksi. viel'ä šanottih, što ollah hūo mist'äollow „järvestä nowššuo“. lapšie hiän toizet lapšet niärit'el'l'äh: „oh šie, järvestä nowššun!“.

t'eričän roduo nūt on kül'äššä kaksi taluo, a viel'ä kaksi taluo on l'äht'en akad'emičeskoih el'amäh — stancalla, vollockan tagah.

nūt kül'ä on kahteh slobodah nel'l'äkümmeñd'ä taluo. miwla on jo šeiččimeņkümmeñd'ä enžimäne vuoži, olen potr andrejevič. on miwla poiga vaņa, hänel'l'ä on jo nel'l'äkümmeñd'ä vuotta. miwn ivan petrovič on šeiččimet't'ä kol'enua ruispuwsan el'äjie.

rigeneh oldih palot...

kolhozan luajittih kuin i muwvalla. ed'izeh mänd'ih kolmeküm-
meñd'ä taluo, toizet viel'ä kodvazen puzutt'el'iečett'ih. nüt on pre-
dana jamnoin muzikka ovčiničikov ivan al'eksejevič.
miän kolhoza ol'i ul'en spravnoi, ewllun häd'ia ni mist'ä. l'eibä-
šuött'ia miän peldoloilla kažvaw hüviin.

miän kohuššalla d'iedot muissuteldih l'itvan aigua. l'itva proid'i
miän kohustua müöt'en, eišt'u kül'ie müöt'en. kuda-kumbañe kü-
l'äne jäi koškomatta. šanottih, zuabrušša da beřogovoi,
näišt'ä t'iet't'avišt'ä kül'ist'ä.

l'itva tappo rahvašta. muzikat kirvehüziin vaššattih heid'ä.
šurmah šuat torattih. ruišpuwstua vaš on kalmizo, niin i mä-
nöw kakši vualuo řadalleh. mulloin, šanottih, zavod'ittih peskuo
ved'ia, da hül'lätt'ih — rubei nowžomah piämal'l'ukkua. kuin šano-
tah, niin i on: kalmizo. dutkin luona beřogašša goralleh on tože
kalmizo. jogirandua uwttaw vejel'l'ä, viijit'äh luwt fišt'ikanžan.
ošoššan goralla tože on kät'kiet't'u. l'itva keräi eluo i žiivattua
ottj, äijäl'd'i ruaštj da šatattj, häd'awtt'i rahvašta, znai muissetah,
kun panua unda.

miän tuatot muissetah voinua turkin muarke. suvorovua
paistih. pl'ennoiloida ol'i vejet't'u, nin guominot t'äwvet oldih. šiid'ä
hiät kunnollow ul'ennett'ih.

bajařin aigua miän kül'äšša, jamnoissa, viñd'žašša ewl-
lun. miän mama ol'i otettu ploskoilda — šeiččimen virštua väl'i.
heil'ä ol'i bajafi snažina, lopakošša (t'ial'd'ä kahekšan vir-
štua) ol'i bajafi makarov. šanel'i mama, kuin el'ett'ih bajařin.
aigan. nel'l'ä päiviä ruattih bajaršina, kakši omalla pellolla. ul'en
moņikummall'ine ol'i bajafi snažina, monda kohtua paissah i
nüt häñeh näh viel'ä, ei šaiš kuingi šiwla kaikkie i šanella. rahvaš
riišt't'ih ši'l'mie, kuin kirboi bajaršina i l'ieni vol'a.

omalla ijäl'l'ä suwri permenä ol'i el'ännäšša, ol'i revol'ucii. ka
ol'i mišša d'iivua, kuin čuafin ajettih. ol'igo t'ämä toivottul kuin
l'iennöw šuannun luad'ie t'ämä l'eñinalla, ka ol'i piälakka hä-
nel'l'ä. ošoššan karassun miša šeizo počotnoissa karavuw-
lašša, konža l'eñina šano broņevikalda finl'and'iista tul-
duoh. kuin šano, niin i l'ieni. rahvaš tuldih kod'iloih. muat tuaš
juattih, ol'i žemlamiera tullun. uwdeh rukah rubeimma el'ämäh:
igä el'ä igä i opaššu.

№ 59. Про деревню Аржаное

Всю свою жизнь я прожил в Аржаном. Сколько лет существует деревня Аржаное — я точно сказать не могу, я не настолько грамотный, я знаю только то, что я [представитель] шестого поко-
ления.

Первый житель в Аржаном был Сийла [Силантий]. Откуда он пришел — неизвестно, не помнят и не говорят об этом. В нашем

поминальнике первое имя Силантий. Его сын был Марк — Марк Силыч. Отсюда произошла наша фамилия — Марков. Сын Марка был Иван — Иван Маркович, сын Ивана был Рийго — Григорий Иванович, сын Рийго был Ондрей — Андрей Григорьевич, мой отец. Он прожил семьдесят с лишним лет, мало-мальски знал грамоту. У него были записаны имена: отца, дедов и прадедов. Он говорил, что первый житель в Аржаном был Силантий, а потом деревня стала расти. Сначала застроилась слобода к солнцу фасадом. Из Ососья переселилась семья. Потом братья Терентьевы приехали издалека, со стороны Мурмана. Они бежали сюда, в чем-то ('за какое-то дело') провинились ('попали'). За ними гнались, но не могли поймать, они сумели убежать с семьями. В деревню попросились у мужиков, очень просились: «Признайте своими деревенскими». Деревня приняла ('приняли') в качестве своих. Еще говорили, что они откуда-то «из озера поднялись». Их детей другие дети дразили: «Ох ты, из озера поднявшийся!».

Из рода Терентьевых теперь в деревне два дома, а еще два дома уехали жить в Академическое — на станцию за [Вышним] Волочком.

Сейчас деревня в два ряда, сорок домов. Мне уже семьдесят первый год, я Петр Андреевич. У меня сын Ваня, ему уже сорок лет. Мой Иван Петрович — [представитель] седьмого поколения из жителей Аржаного.

Часто бывали пожары. . .

Колхоз был организован, как и в других местах. Сначала вошли [в колхоз] тридцать домохозяйств, остальные еще немножко водерживались. Теперь председателем [работает] яминский мужик — Овчинников Иван Алексеевич. Наш колхоз был очень богатый, ни в чем не нуждались. Хлеб-кормилец на наших полях растет хорошо.

В наших местах деды вспоминали времена литвы. Литва прошла по нашей местности, проходила по деревням. Редко какая деревня осталась не тронутой литвой. Говорили, Забрусье да Береговая из известных здешних деревень [остались не тронутыми литвой].

Литва поубивала народу. Мужики с топорами встречали их. Насмерть дрались. Рядом с Аржаным есть кладбище, так и проходит два ряда [могил]. В прошлом году, говорили, начали песок возить, да оставили — черепа стали появляться. Как говорят, так и есть: около [деревни] Дудки на берегу горой [возвышается] также кладбище. Берег реки подмывает водой, выступают человеческие кости. На Ососьенской горе также похоронены [люди]. Литва отбирала добро и скот, очень грабила [народ] и обижала, в горе загнала народ — все еще вспоминают, как дурной сон.

Наши отцы вспоминали войну с Турецкой землей. Говорили про Суворова. Пленных было завезено, полные гумна были. Потом их куда-то угнали.

Крепостного права в нашей деревне, в Ямном, в Винже не было. Наша мать была взята из Плоского — семь верст [отсюда] расстояние. У них был помещик Сназин, в Лопакове (отсюда восемь верст) был помещик Макаров. Мама рассказывала, как жили при помещике. Четыре дня работали на помещика ('работали боярщину'), два дня на своем поле. Очень своенравный был помещик Сназин, много о нем говорят и сейчас еще, не надо бы тебе обо всем и рассказывать. Люди перекрестились, когда пало крепостное право ('барщина') и стала воля.

На моем веку большая перемена в жизни была, была революция. Вот где было диву, когда царя свергли. Разве можно было подумать об этом! Как только сумел это сделать Ленин. Вот башковитый был человек. Карасев Миша, из Ососья, стоял в почетном карауле, когда Ленин говорил с броневика по возвращении из Финляндии. Как он [Ленин] сказал, так и стало. Люди пришли по домам. Земли опять разделили, землемер приезжал ('был'). По-новому стали жить: век живи — век учись.

Марков Петр Андреевич. Записала Д. И. Макарова, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 50, лл. 118—122).

№ 60. kuin nahka luad'ie owfčinakši

l'ivottua kuiva owfčina veješšä puolet suwtkie, kuñi hiän ei pehmene. panna kozlalla, ottua mielazke näzrä kossalla. luad'ie vuaša kagrazešta l'ibo vehnäzeštä jawhošta, kävel'üt'tiä šepäl'lä i ned'el'i muijottua.

konža on šuwfi part'ii nahkua, niin pid'aw panna kešsel'lä vuašatordo, a kahen puolen puizet. kaššat üksit'tiän nahkat vuašah i lad'juat rañnimzäh puizeh. nahka puizeh pañiečow kakšiin kerroin: piä da häñd'ä vaššakkeh, villat šiämeh päin, a näzrä — piäl'lä. t'äššä puizešša, kuh pañiit, piet suwtkat, a šiid'ä otat, tuaš kaššat vuašah i üksit'tiän heit't'el'et toizeh puizeh. näin vaihtelet ned'el'ie kakši, kuñi ei rubie villa l'äht'ömäh. rubiew villa eruomah rienazellah — šilloin jo nahka l'iew valmiš.

konža vuaša l'iew valmiš i muijotettu, ši pañiečow jogo owfčinan kohtah puol'i funtua šuolua i kakši funtua kagrašt'a jawhuo. valmiš owfčina on nošsettava valumah. valuw, šilloin pužerrat kahella kiäl'lä kobrissellen lujazeh kazi'l'lä keššeššä alah päin. märgäzenä rippeih pannešša riwvulla pid'aw luad'ie osatkañe, dubinua müöt'en kahelda puo kazi'l'lä tukkuomizeh l'ičču, alahada päin vejel'lä.

kuivaw nahka. kuin ollow pehmie, niin jo valmis i on, a kuin ollow kovaie — pid'aw kohennaldua. šil'l'ä že vuašalla kaššallat owfčinan i tukkuot kalakukolleh, nokat kiännäl'l'ät piäl'l'ä päin i l'iččuat. piet kodvan, kuñi ei pehmene — käzi kuwlow. tuorahazena riputat nuorah hännän juwrešta, oijennat kaglan i kl'ukalla hierot, ed'izeh randazet oijennat, a šiid'ä ül'ci nahkan. šiid'ä kruwgalleh muwttelet šivonda kohtua i vejät verkazeldi, nahka ved'iačöw muozeksi, müt'uš ol'i, i valguow. owfčina valmis.

voit luad'ie dubittuo owfčinua. näzrän kabliennan jal'geh mie-lanke kerrast a kaksi pid'aw voijella kiehutetulla parkilla. že nahka l'iew dubittu, dubittu nahka ei varaja vet't'ä. vihmukkah-valakkah kuin korvošta — kaštukkah turki, järel'l'äh kuivi — ženže nägöñe.

šanoin šanalla, a nüt ožutan kaikki srumentat, kaikki buwtorat, mit t'äh d'ielah god'iečetah. [kaččoma: kožowñan, torrot, puizet, kozlan, katalkepual'ikan, kl'ukan].

mian mama mahto nahkua luadie. tule, mie šiwn opaššan, možot konžaigi rubiet luad'imah, šanotah: igä el'et't'ävä — ewle poikki pellon projittava. mid'ai maha — kaikki on hüvä.

№ 60. Как выделяется овчина

[Надо] размачивать сухую овчину в воде полсуток, пока та не размягчится. [Потом] положить на козлы, снять с мелом мездру косой. Сделать закваску из овсяной или пшеничной муки. Дать перебродить на дрожжах и неделю дать киснуть.

Когда [имеется] большая партия овчин, то посередине [кожевни] надо поставить чан с раствором, а по обеим сторонам [чана] — кадки. Овчины по одной намочишь в растворе и разложишь их в крайнюю кадку. В бочку [овчина] кладется свернутой пополам: головная и хвостовая части [кладутся] друг на дружку, шерсть [окажется] внутри, а мездра наружу. В этой кадке, куда сложил [кожи], поддержишь их сутки, а потом вынешь, снова намочишь в растворе и по одной перекладываешь в другую кадку. Так переменяешь в течение двух недель, пока не начнет слезать шерсть. Если будет шерсть чуточку лезть, тогда овчина будет готова.

Когда раствор будет готов и прокиснет, в него на каждую овчину кладется полфунта соли и два фунта овсяной муки.

Готовую овчину надо вынуть и дать [раствору] стечь. Когда [раствор] стечет, отожмешь еще двумя руками сжиманием ладоней сверху вниз. [Когда] еще [кожа] сырая [и] когда вешаешь [ее] на жердь, надо дать осадочку: по жерди с двух сторон к середине руками сжимать, а снизу чуть стягивать.

Высохнет овчина. Если она мягкая, то она уже и готова, а если жесткая — надо доводить ('поправить'). Той же закваской снова смочишь овчину и завернешь наподобие рыбного пирога: концы

повернешь наверх и прижмешь. [Так] поддержишь некоторое время, пока не размягчится. Рука [это] почувствует. Сыроватую [кожу] снова повесишь на веревку за корень хвоста, выправишь шею и клюкою трешь, сначала боковинки выправишь, а потом вдоль всей шкурки [водишь]. Потом переменишь место, за которое кожа была привязана, и вкруговую потихоньку растягиваешь. [От этого] кожа вытянется [и станет] такой, какой и была, и побелеет. Овчина готова.

Можно выделывать и дубленую овчину. После того, как с мелом овчина очищена от мездры, разика два надо помазать раствором кипяченого [ивового] корья. Такая кожа будет дубленая. Дубленая кожа не боится воды. Пусть дождь льет, как из ведра, пусть шуба намокнет, [а] высохнет ('высохла') — снова такая же.

Рассказал тебе все на словах ('словами'), а теперь покажу инструменты, все принадлежности, которые на это дело годятся. [Мы осмотрели коженю, чаны, кадки, козлы, валёк, клюку].

Наша мама умела выделывать овчины. Приходи [и ты], я тебя научу. Может быть, когда-нибудь и ты будешь выделывать [кожу]. Говорят [ведь]: век прожить — не поле перейти, что ни умей, все хорошо.

Григорьев Александр Григорьевич, 50 лет, дер. Кручинка Спировского района. Записал А. А. Беляков, 1945 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 1—6).

№ 61. [hukan ŋeicci il'vewə]

muissat, ŋht'enä vuodena meil'ä ol'i trohkon mit'a paimenissa, ŋin šinä vuodena, kažetsä, ennen rugehen l'eikkuandua, hukka kaikki lambahat šordi. šeiččimenkümmeŋd'ä viizi lammašta tuhoi. ol'ima howkat, kaikki hawdah pañima. a vet toizilla i jäl-lüt't'ä ewllun. hiän lambahan kaglašta fat't'iw, muada vaš trähniw lambahalda i duh von, a kumbazelda i verd'ä kuapl'ast'a ei lasse. ŋe kaikki ois voinnun šuolata: vuvvekši harčut, ubitka ois ollun pienembi.

nu ka, šiidä šuat mie hambahan puñiin hukin piäl'l'ä. moñi tapoin, dai rawdoida pijiin.

vot kerran savat'eikši [13. X] varustuačiin, oluot pañiin, kaikki ruavot ruattu. pruažniekkua vuottuassa rešil panna rawvat. jo ilda puoleh savateida vaš l'äkšiin rihipuwestah rawvoiŋke. tul'iin, viřit'iin palorandah, miššä, nad'ožno. t'iijäno, hukat kävell'äh. rawvat miwla oldih čiepiŋke, potomušto vägövä hukka rawvoiŋke možet uid'ie, a ras viel'ä lunda ew, ŋin voičcow i kaduo. toizen ŋokan čiepil'd'ä šivoin nār'ieval'ožn'ikan ladvah. rawvat hüviin peit'iin,

čiepin peit'in, kuin s'ieduic'ow kaikki luajiin i Vaksiiin kod'ih duwmaičen, huomneksella, ennen gost'ie, tulen kačahan.

toissa piänä huomneksella, icčenäh savat'eina, mi ollow häkkü tul'i, ei šuan meččäh männä. a päiväl'lä tuldih gost'at, veš'el'oi-d'umā, nin ne do rawdoidh. takze i toissa piänä ew rawwat miel'eššä, jo kolmandena piänä gost'at l'äht'iet't'ih huomneksella. rod'ih vrod'e igävä ukšiiin. šilloin vašta juohtu, što rawwat on vifit'et't'u... l'äk-šiiin meččäh trezvoi da hüviin i ruavoin, ato mänt'iijä mid'ä oiš viid'in. niin oldih kiänd'un azjet.

vot, značit, l'äksiin meččäh rawdoida kaččomah.

l'ähenen paikalla i mestua ei šua tunnuštua; vifit't'iässä ol'i nuo-fi näreikkoše, hienoše vičaššäreikkoše, a nüt on ruakši kaikki närehuöt l'išsit't'u, šammal nošsettu, mua kuobittu. ken t'iešieči? val'ožnikan ladvašta čieppie müöt' kačon — harmottaw, šil'mät loš-nitah, a iče ei l'iikaha. turba pakšu — ew hukka. mi tua? kačon — il'vewš, istuw kügrüt't'aw. tunnuššiiin: muw ne mozet olla, istuw, šid'ai kačo kočahtaw l'ibo šiwh, l'ibo pagoh. a kabal'ä rawvoissa — et uijil

kuin ottua? tappua — hiän on živučoi, pid'aw muit'en. ružjua keralla ew: rawvoijke pid'aw ružjatta, žvieči varajaw ružjan duw: huo. ečiip kačgen. popad'i muoše hüvä ladviehaše žohkaŋke no-kašša, žohkalla niššoista muah l'ičata. vot mie ženke ladviehazeŋke l'ähenen hil'l'akkazeh, žohkua ed'izeššä pien. a il'vewš ei l'iikaha, kuin kuollun, vain šil'mät lošnitah. a šil'mil'l'ä kaččow žohkah, a ei miwh. čisto kuollun, kuin vain ei šil'mie. nu viel'ä vrod'e šä-räht'el'ow, villa — kuin vrod'e tuwlut ruista müöt' proid'iw. nu ol-gah hot' do konca vaibun, a ostarožnošt'i pid'aw pid'ia, ew janiš. janiš, dai že purow, a t'al'l'ä kaziš puwtu, nin pillun päreiksi čil'biw.

ka mie žohkuä l'ähennän, l'ähennän niškoih dai l'iččain. naž-milljin, mi on vägie, žohkan nokka že i romšahtj: čüt en il'vewk-šeh nökiin romahtan. hüvä, kaŋgie kazišt'ä en lašken, nin en laŋ-gen. luottuačiin randah pagozeh, a il'vewš kuin skokniw jäl'lest'i, a čieppi že riwhtai niin, što il'vewksen ul'äh noššaldj, a ed'emmä ei lašken. a mie niin ruttoh kiännül'l'iin da rabuačiin pagoh, što jallat kuin ollow rišsikkeh mänd'ih, suissuin i nökiin l'enniin. il'-vewš kopčilla kuobiw muada, a miwh ei doiŋi, čieppi ei lašše. voit šanuo: čieppi miwn i eloh jät't'i. kuin vain ei čieppie, nin oiš kaikki l'ihat luwloista čil'bin. razi oiš šuannun tuaŋke sprua-viečie? vet, kačo, konža miwlda kaŋgi katkei, hiän kočahtj, kabal'-l'al'l'ä huiskai, nin uhel'l'ä künnel'l'ä fatt'i tužurkan šel'l'ästä, a alah šuat ul'či šel'l'än l'eikkai, kuin veičel'l'ä. hüvä, što hibieh ei doi-d'in, nin vain pal'to ubitkua. a kuin vain vuakšašt'ä l'ähembiašnä, nin ruačeldj ei oiš lašken. ka kehno popad'i.

hukka že staraiččow pagoh uid'ie, a t'amä icčieh kaziin tulow. nu sruašt'iloista mie hänen šiinä. hüviin pežiin. šiŋ vereh i nahkuä ewllun zual'i.

konza kuin toin kod'ih da nahken niluššiin da vuarnah riputtin, nin lattieh šuat nahka. ka ol'i štukka! kaikin ud'ivl'aiččiečettih. a kaččojua ol'i: kaikki kul'a tul'i kaččomah.

puššinah zdaičiin, nin šantah: t'ämän muost'a harvah, r'etko t'ämän šuwrutta.

a t'äššä, ned'el'i šil'l'a aigua, t'uögo ambuja illalla? šanot hukat ulvottih. mie t'eronsuošša issuin, poigovehta muañittin. jo iändä ruvettih andamah, a t'uö rubeitta ambumah, rikkoja ašien, lieñi kod'ih t'uhjäčel'd'i läht'ie. hüvä ilda ol'i, možot ois tuldu, da häküt'tijä. nu poka viel'a ulvondah tullah. val'ičen hüvän illan, röpšian štukan-toizen.

№ 61. [Рысь вместо волка] ¹⁴

Помнишь, в один год у нас в пастухах был трофимковский [из Трофимкова] Дмитрий, так в том году, кажется, до жатвы ржи, волк всех овец зарезал. Семьдесят пять овец уничтожил. Были дураки, всех в яму зарыли. А ведь у некоторых и следочка не было. Он овцу за шею схватит, тряхнет об землю, у овцы и дух вон, а у иной и крови ни капельки не выпустит. Те все можно было бы засолить: на год харчи, убыток был бы меньше.

Ну вот, с тех пор я на волков зуб имею ('зуб закусил'). Несколько убил, да и капканы ставил ('держал').

Вот однажды готовился к савватееву дню [13.X], пиво сварил, все дела сделаны. В ожидании праздника решил поставить капкан ('в ориг. мн. ч.). Уже под вечер накануне савватеева пошел с капканом в Рыйхипуусту. Пришел, насторожил их на краю гари [горелого леса], где, надежно знаю, волки ходят. Капкан у меня был с цепью, потому что сильный волк с капканом может черт знает куда уйти, а раз еще снега нет, то может и потеряться. Другой конец у цепи привязан к вершинке елового валежника. Капкан хорошо замаскировал, цепь спрятал, как следует, все сделал и пошел домой. Думаю, утром, до гостей, приду посмотрю.

На другой день утром, в самый савватеев день, какая-то помеха вышла, не смог в лес пойти, а днем приехали [или пришли] гости, повеселели, так не до капкана. Так же и на другой день не капканы на уме. Уже на третий день гости уехали утром, стало вроде грустновато одному. Тогда только вспомнилось, что капкан насторожен... Пошел в лес трезвый, да хорошо и сделал. А то поди знай что вышло бы. Так повернулись дела.

Вот, значит, пошел в лес капкан смотреть.

Приближаюсь к месту и места не могу узнать: когда настороживал, был молодой ельник, мелкий ельничек, а теперь догола все елочки обшипаны, мох поднят, земля изрыта. Кто здесь озоровал? От вершинки валежника по цепи смотрю — сереется, глаза блестят,

¹⁴ Тексты №№ 61—72 переведены А. А. Беляковым.

а сама не шелохнется. Морда круглая ('толстая') — не волк. Что это? Смотрю — рысь сидит, сгорбившись. Узнал: ничто другое не может быть: сидит, того и гляди прыгнет либо на тебя, либо убежит. А лапа в капкане — не уйдешь!

Как взять? Убить — она живуча, нужно иначе. Ружья с собой нет: с капканом надо без ружья, зверь боится запаха ружья. Подыскал палку. Попалась такая хорошая вершинка с развилком на конце, развилком за шею к земле прижать. Вот я с этой вершинкой потихоньку приближаюсь, развилок впереди держу. А рысь не шелохнется, как мертвая, лишь глаза сверкают. А глазами смотрит на развилок, а не на меня. Как мертвая, если бы не глаза. Ну еще вроде вздрагивает, шерсть [шевелится], как вроде ветерок по ржи пройдет. Ну пусть хоть до конца усталая, а надо быть осторожным ('осторожность нужно хранить'), не заяц. Заяц, да и тот кусает, а этой в лапы попади — так на кусочки раздерет.

Вот я развилок приближаю, приближаю к шее, да и прижал. Нажал что было силы — конец развилка и сломался: чуть на рысь сам носом не рухнул. Хорошо — из рук палки не выпустил, так не упал. Бросился в сторону бежать, а рысь как прыгнет свади, а цепь-то рванула так, что рысь вверх подбросило, а дальше не пустила. А я так быстро повернулся да бросился бежать, что ноги как-то скрестились, споткнулся и носом полетел. Рысь когтями роет землю, а до меня не доходит, цепь не пускает. Можно сказать, цепь меня и в живых оставила. Если бы только не цепь, то она все мясо с костей ободрала бы. Разве хватило бы силы с такой справиться? Ведь, смотри, когда у меня палка сломалась, она прыгнула, лапой взмахнула — так одним когтемхватила за спину тужурки, а донизу вдоль спины разрежала, как ножом. Хорошо, что до тела не достала, так лишь пальто убытку. А если бы на четверть поближе, так живым ('сырым') не отпустила бы. Вот дьявол попался.

Волк, так тот старается убежать, а эта на человека ('на себя') идет. Ну, от пережитого страха я тут ее палкой хорошо «прополоскал». В злости ('в ту кровь') и шкуры не жалко было.

Когда принес домой, да шкуру ободрал, да на гвоздь [на вешалку] повесил, так шкура до пола. Вот была штука! Все удивлялись. А смотрящих было: вся деревня пришла поглядеть.

В Заготпушнину сдал, так говорят: «Такие редко, редко такие крупные».

А тут, неделя тому назад, вы ли стреляли вечером? Говоришь, волки выли. Я в Герентьевском болоте сидел, выводок приманивал. Уже и отзываться стали, а вы начали стрелять, испортили дело, пришлось пустым домой уходить. Хороший вечер был, может, пришли бы, да [вы] помешали. Ну, пока еще на вой подходят. Вы беру хороший вечер, грохну штуку-другую.

Большаков Александр Васильевич, 37 лет, дер. Мишутино Спировского района. Запись А. А. Белякова, 1936 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, стр. 12—13).

№ 62. kuin šuaħa rebuo

rebuo šuaħa pid'aw mahtua, ješ'i koirarke l'äht'ie, nin hüppe-l'üwt't'aw, i koiran vaivuttaw i iče vaivot l'öt'ökši. a paraš azie — koiratta. miwla ružja ol'i bel'giiskoi. üħa hüvā ružja, zvolat, kuin žirkalot, i ambuw ed'äh, a tapa ei. ruañiččow, vefi vuodaw, a tapa ei, ni konža et tavota ammuttuo žvieřie.

vanhat ohot'n'ikat miwla sovietuidjħ kal'ie. ka mie zvolan erotjın i pañiin kiwguah, l'ämbieħüöh; zvolat oldjħ juotettu vaššella, voičči palavoittua. palavoitjın niin, što zvolat ruššottjħ. mie ĩe ved'eh. nu rubei ambumah, nin vieřie ei šua: za sto dvatcat' šagow — ei l'ekaha. a verd'ä — hot' kuap'lazen laškiiš. ka šilloin mie annoin reboloilla ägied'ä.

a püwd'ia heid'ä üħa prosto. ota šviežoi jal'gi, al'i kohtj aššu, vain huavua, štobi ol'iiš rebo. aššu hil'l'akkazeh, štobi ei pöl'lät't'ia. kuin vain dogad'iit: kočahtj rebo — šie hiiren rukah piičku. iče hot' awgiella šeizo, vain el'ä l'iiku. kuin vain kuwluštj piičku-ñehen — piet't'uw, eq'eh tulow. rišt'ikanžan duwhu hänel'l'ä tulow, no ei šua rozbefie mišt'ä, ješ'i et l'iiku. a eččimät't'ä jät't'ia — ei fat'i vägie revolla.

mulloin mie talvešša kakšitoista rebuo tapoin. jawhuo, i sua-haruo, i mat'er'jua, i äijän muwda polučiin. rebo on ul'en herka tappua. vain hot' ühel'l'ä drobuzella koškuw, nin jo kirbuow.

№ 62. Как ловить лисиц

Лисиц ловить надо умеючи ('уметь'). Если с собакой пойдешь ('пойти'), то набегаешься ('лиса заставит побегать'), и собаку замучает, и ты ('сам') устанешь, как собака ('будешь как лягушка'). А лучше всего ('лучшее дело') — без собаки. У меня ружье было бельгийское. Очень хорошее ружье [было], стволы как зеркало, и стреляло далеко, но не убивало. [Зверя] ранит, кровь бежит ('течет'), а [зверя] не убивает. Никогда не догонишь раненого ('стреленого') зверя.

Старые охотники посоветовали мне закалить [ружье]. Вот я стволы отделил и положил [их] в печь после того, как она протопилась. Стволы были наварены медью, можно было греть. Нагрел так, что стволы покраснели. Я их в воду. Ну, [ружье] стало стрелять так [метко], что не поверишь: за сто двадцать шагов убивает ('не шевельнется'). А крови — хоть капельку пустило бы. Вот тогда я дал лисицам жару.

А ловить их очень просто. Возьми свежий след или иди прямо, только уверься, что [в той стороне, куда ты идешь] есть лисица. Иди тихонько, чтобы не напугать [ее]. Как только увидишь ('увидел'), что лисица выбежала — ты попищи по-мышинному. Сам хоть на открытом месте стой, но только не шевелись. [Лиса] как только услышит ('услышала') писк, остановится, прямо к тебе ('перед тобой') придет. Запах человека она чувствует, но не сможет разобратсья — откуда, если [ты] не шевелишься. А оставить мышь [и] не поискать [ее] — у лисицы не хватает силы.

В прошлом году я за зиму двенадцать лисиц убил. Муки и сахару, и мануфактуры, и много [всего] другого получил. Лисицу очень легко убить, пусть ('хоть') даже одной дробинкой попадет, [и] то уже падает.

Круглов Павел Егорович, 60 лет, дер. Дербумье Спировского района
Записал А. А. Беляков, 1958 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 20—31).

№ 63. kuin mie kondieda n̄in

šilma int'efesulčow, kuin mie kondieda n̄in? n̄in, vara-vel'i. niin n̄in, štoi iče en ollun ruad'i. kl'ietkašša h̄and'a on kaččuo ničevo, a mečšššä n̄ähä — korvat oldj h̄örpäl'leh, viluh h̄igeh rabai. h̄uvä, što kuad'iet puhtahakši j̄iad'ih. ukšiin h̄änerke on paha besowduija, paginat on l'uhüöt, kiel'i kulkulageh puwttuw.

ažiet oldj šeiin: šie t'ijät, kuin mie l'ešnikkänä ruan, nin meččiä pid'aw i kaččuo. talvella hot' tuwl'i, hot' pöwrü, hot' pakkahe — mäne meččäh. šügüzül'l'a hot' vezi, hot' vihma — mäne meččäh. kežäl'l'a omat ruavot vaŋgukkah, a šie mäne meččäh. mui'en ei voi, ras olet ruadoh šiduochen, nin ruaduo i kačo. kaččohuoh mid'a l'uwbo rua: hot' koissa, hot' sušiedašša, hot' kolhozalla awta. mie ruan i kolhozalla, kun konža jowdu pozvuol'iw. skol'ko mie viigonašša aidua kohenniin? vähäŋgo uwttä pañiin? a vet riwvut i šeibähät iče l'eikkain, muduažih kohtih za sto metrow ičeväin ribawtjin. paimen raži kehtuaw, kun ew riäjit't'u. mi ollow on tua pakšupiä popad'in. slov net, žiivattua kaččow hüviin, fetko mi ukši meččäh j̄iaw, da i pattehuon tuačči ew vigua, ei obiid'i žra žiivattua. mie vet i žen kačon. bivačet popad'iw laiska da paha, bestolkowvoi, ul'či päivät žiivatta tukušša. a tukušša min ottaw? näl'l'al'l'a i kod'ih tulow. a ras ei kül'l'al'd'i süö pellošša, nin žen i l'upsäw. skol'ko hiän päiväššä utajiw maiduo, kuin hot' üht'a l'itrua vähemmän l'ehmä andaw? a paremmiin kačo, lašše heid'a roznoimbuazeh, žiivatta kül'l'azembi, l'iiga l'itra maiduo. da i ičell'äh vet kebiembi: ei pie ümbäri karjašta piet'tä-mätt'a h̄upell'a. nin ka ei šid'a malteta. a t'amä, skažem, laiskuon

tuadēi ei ümbäri hüppel'e, a žiivatalla i spokoja. a aidoida ei kehtua kaččuoo...

[— pavel jedorovič, a kuimbua kondie?].

— ših šie el'ä kiirähä. kondieh pid'aw ostorožno l'ahet'ä, kuin istujah jänikseh, al'i t'edrih, bol'se viifien: uht'ial'd'ä, toizualdä päin, mišt'ä skodnoimbi. šie t'iijä kifjuttua, a mie hot' šeiiniin i vil'ikuwrien, a kondien luoh šiwn tuon, ed'eh šeižatan.

davai ed'izeh zakurimma, šid'ai kondieloih l'ahemmä. kondie on šuwri, a tabakan duwhuo varajaw, ed'izeh pid'aw kufie. kufihuo hiän skluadnoimma roskažiečow. (l'iigua, konešno, mie en šuače paissa, a mi šiwla kuin ei god'ieče t'etratkah, nin šid'ä el'ä kifjuta. päivän aloh t'äššä voit šeže t'awži t'etratka kifjuttua putnoida. newšto kaikki šiwla pid'aw?).

nu, kun šeiiniin, nin kifjuta. tol'ko kiel'en šie i iče t'iijät paremmiin ked'algi. kežäl'l'ä on hüvä tuhjozen taguana istuo da paissa, a šuguzil'l'ä muduaš kerran tulet kod'ih, nin hot' pužerra.

nu, vot kai mulloin ših aigah ol'i šäinže hüvä šiä, čiroņe. nüt kaikki kifjuta, l'ahemmä kondieh l'ahenömäh bez ostanovki, vain kifjuta,

že azie ol'i ennen il'l'ua [2. VIII], točno hüväžešti en muissa. nu, skol'ko mie učuaskalla, omalla d'ielalla meččäh nagol'i kävel'en huomnekešeta, nin i šinä huomnekešena aivokkazeh zavtrakaičiin, naižella tože pid'aw ruavolla opozdaimatta männä, vakkazen kazi-varrella, vakkazeh palan l'eibiä da ogurčua, da puarazen juablokkua, ružjan šel'gäh, ružjatta mie meččäh nüt ni konža en l'ähe, vāhago mid'ä sluččiečow. l'ibo hukka možet vaštah malhahtua, niid'ä l'uboilla aigua voit ambuo, viel'ä premiin annetah, vain tapa. dai muitein ružjanke mečäššä on spokoinoimbi hengell'ä, kuin ollow paremmiin čuwsvuičet ičett'ä. ol'i slučai, kerran ružjatta l'aksiin; da ruatowskoiloih šuat doijiin. ildapuoleh jo kod'ih päin aššun. ruispuwstah doid'ieššä, ennen kaivošt'a, muissat, hiil'ihawvoin luona šuoh päin on kaivoņe, nin ka ennen šid'ä kaivošt'a tuhjoloista viiži hukkaa ed'eh möl'äht'i. značit, unnäh pahnoveh. no poiijat oldj šuwret, čüt ei muamoh muozet. mie rät-kähiin, nin kun hüö otalletah awgiešt'a müöt' šuoh päit', nin kuin hebozet, vain tumajaw. a vet ois ollun keralla ružja, nin vpolne ois voinnun vanhemmat ših ulože. kart'eččipatronoilla tuan l'ähe-hüöd'ä zaprosto oizin molemmat šordan, a poiijat jälgeh hil'l'akkazeh, tože ni kunne ei ois uijittu. vot hiän, kerdah takka d'evgua da viel'ä i blahodarnošt'i. a kaikki oma prostohuš. vid'iš, jügje ružjua kandua.

[— a kondie kuimbua?].

— mie šiwla šanoin, viifien kondieh pid'aw männä. niin i tulow, tuas randah häil'ähütt'i. nin mih mie suissuin kondieh l'ahet'eššä?

[— ružjan šel'gäh otiit].

— nu, vot. ružjan šel'gäh, vakkazen kazi-varrella dai pošol meččäh. muwh aigah mie vakkazetta kävel'en, l'eibapalan korma-

nin — dai pošol. talvella bivajet i šizal'ih šud'iat: ei kul'mäis. a šilloin marjoih varoin vakkazen otjin. vid'is šie, kežal'l'a kuin varuššat, nin talvella tulow parembi. marja raznoi, da griba, da šieñi šuolattu — kaikki l'eiväl'l'a abu. dai stolan taguana on veš-šel'embi istuo harčurke. hiän kuin ni kuin, a peremena. harvazeh gribarokkua, harvazeh šieñirokkua, nuat'tirokkua, l'iharokkua — hiän tulow nagol'i roznoi šüömiñe. a vavarno on i niin hüvä. a emännäl'l'a ših mänöh ol'i suaharopeskuo, nin vařenjua keitt'ia hot' vierahan varakši al'i pruazniekakši.

[— a kondie?].

— tuaš kondie randah mäñi. tua kondie hot' ois ennen šünnünd'ia hävin. pöll'ät't'i ičet't'ömäkši.

[— kenen šünnünd'ia: šiwn al'i kondien?].

— mie jo ammuin olen šüñd'ünnün. ših aigah, kačo, i kondieda ewllun, mid'a ollow ei heid'a ennen t'ial'a kuwlun. stalo bit' ei miwn šünnünd'ia, a kondien.

[— a kuin hiän vois hävit'a ennen omuadah šünnünd'ia?].

— kačo šie, tuaš že prawda, ennen šünnünd'ia hiän ei voin hävit'a. vidno, en ših koh šid'a šanua šanon. nu da ladno, l'ahemma iel'leh.

nu ka, l'äksiin, viel'a kašše ei kuivan. kuñi obhodan peräh mänet dorogua müöt', nin kuivaw, vot kävel'iin hazovoih šuat. ruatowskoit, jogirandua müöt' t'eronšuohtul'iin, šid'a nagrišahoh, a šiid'a kuamuhua müöt' bukafih päit' da omah viigonah.

aigua müöt' dovol'no viikon kävel'iin, vet kačo, kaiken ilman iššiin. kuda-ked'a viel'a puwstañiekkua niit't'äjiä i kuivuaajua ol'i jogipuwsan jovuolla i muwvualla. kaikki kačoin i otpravl'ajus' kod'ih. a viel'a ilda ed'ahänä. narušenjua ni miššä ew, voit kod'ih. rešil kačahtua vavarnuo. pada-ahošša vavarnikot ollah, da mie en puwttun šinne šinä piänä. vid'is šie, važameh kad'eh kaldai, ruatowskoida müöt' l'äksiin. nu rešil kačahtua viigonašta. konuavan proijiin, šuwr dameččia müöt' nowžen viirupkazeh. (šie šid'a et muissa, šiwn jal'geh on l'eikattu). šil'l'a viirupkazella on hüvä vavarnikko kažvan. aššun hil'akkazeh, mie ni konža mečššä en šumi da lomot'i, jo olen privikñinnün meččia müöt' aštumah, što okšañe jallän alla ei račkaha. aššun šeñiin, žiivatta t'äššä nokašša jo ammuin ew kävel'l'un: ew sviežoida jal'gie. toista nokašša šüöt't'aw. tul'iin mie ših ahozeh, šil'l'a viirupkazella. d'eist'vit'el'no, hüvä vavarnikko on kažvan, i marjua on. iče viel'a náreiköššä šeizon, a jo val'l'ičen tuhjuo, kummašt'a zavod'ie kerät'a. hüvä, što en kerrin l'ikahtua ših tuhjoh. šeizon. mi ollow kohahtj tuhjošša. mie, popřivički, peräwvül'l'iin nářien taguah da i kacon. kiän šeñiin ružjah luolljin. kacon, kuin rowno puol'i tuhjuo kaldawuldj, ken ollow tuhjon žen halgualdj, erotti, i niän — nowžow šeižualleh kuin kegri turkiloissa, villat piäl'l'a päin, a očča kuin härräl'l'a l'evie, a turba t'erävä, kuin koiralla l'ibo hukalla, vain

šuwfi. miwlđa i jallat katettih i kazi ružjašta briwvahti, nedo rušjah. srazu keksiin: vet kondie on. enžimen t'äd'ä čuwdua niän, a kekšiin, voit tunnuštua, muiŋke et ševota. hospod'i, munat'ii keroh! mid'ä ruadua? ružjah näh kiveksi unahiin. voitgo drobulla kondjeda driäžnie! tuan muone d'äd'ö šeizow. da glawnoi, ūksiin olen. šeizon, a iče kuwlen, kuin tukat buitto elawvuttih i kartusista pihalla pürrit'äh, kartussie čüt ei nošseta. jallat unnäh lamettih [lamewvuttih], lahowvuttih, šariššäh. i iče šarewvūin. šeizon, kábū käd'eh. puata pid'aw — duwmaičen, a kuin pagenet? vet kuwluštaw. a kuwluštaw da šiin'ai šurma. tua vet kábäl'äl'l'ä sil'ähut't'aw, nin šel'gäpiih šuat i künnet männäh, kaikki ravat vačašta haravoiččow. šeizon ni uwži, ni kúpši, šäräjän, kuin virran piäššä. a hiän karhual'ow varbazie, tukkuzeh tukkuoldaw i näč-küt't'aw niid'ä. nu duwmaičen, t'äššä miwla hänen lownan loppuh ew mid'ä olla. kuŋi milma ei lownattan, nin pid'aw šiird'uö riähišt'ä pois. rubein hil'l'akkazeh peräwd'ümäh, harpual'en tagaperäziin: en kerrin ni mid'ä, kuin kolahan šel'l'iin! vakkafe randah römäh't'i. pid'aw vet! okša kottah pišt'iači, a mie šel'l'iin. miel'eh ožai: kaikki, l'esniküičiin! korvissa kohajaw, al'i tuhjot šohissah? en muissa, kuin mie šeizualleh piävūin. kačon: kondie pagoh, vain vavarŋikko painuw. mie vakkazen koppain, da toizeh randah. tože kuin loša meččiä müöt' halguan, kuin rowno i jallat ei kivišset't'ū. kod'ih šuat kolme virštua lohkain, nin i samvuara ei oiš kerrin kiehuo. a šantah — stafikka! stafikka vain kuŋi ei peržieh piššä, a ših vereh i nuorella en heit't'iačen.

tul'iin kul'äh, kuin ajettu heboŋe huahitan. muduannet ei vierit'ä, šantah: „el'iaššeh ewllun ni mit'utt'ä kondieda, a puavilalla iče kähiz tul'i. ružjarke ol'it, nin mid'ia et ambun?“ mäne ičeš ammu, nin silloin kačomma. nähä ol'i sruašti, a tuada ambuo!

dai prawda, miän mečiššä el'iaššeh kondieda ei kuwln, ni ken ei nähnün. mie enžimäŋe täh „ožah“ puwtuin, da vain ni kel'l'ä muilla en želaiče t'äd'ä „ožua“. a šiid'ä šuat naizet ei voittuan ruohita ūksit't'ian ed'äh meččäh kävel'l'ä. d'eisvit'el'no, ennen ewllun, a nüt vidno voinašta hüö on t'anne l'ukkiäčennüöt. vet kai kozua ennen ewllun, a srazu voinan jal'geh äijä ol'i jiaviečen. a nüt tuaš ew. mit ammuttih, mit hukat šüöd'ih: kaikki kavottih.

№ 63. Как я медведя видел

Тебя интересует, как я медведя видел? Видел, милый друг ('брат'). Так видел, что и сам не был рад. В клетке его рассматривать ничего, а в лесу видеть — уши насторожишь ('уши были подняты'), в холодный пот ударит ('ударило'). Хорошо, что портки чистые остались. Одному с ним плохо беседовать, разговоры короткие, язык к нёбу пристаёт.

Дело было ('дела были') так: ты знаешь, поскольку я лесником работаю, то за лесом и надо смотреть. Зимой хоть ветер, хоть метель, хоть мороз, — иди в лес. Осенью хоть вода, хоть дождь, — иди в лес. Летом свои работы пусть пищат, а ты иди в лес. Иначе нельзя: раз с работой связан ('в работу привязан'), так работу и смотри. Осмотрев, что угодно делай: хоть дома, хоть у соседа, хоть колхозу помогай. Я делаю и для колхоза ('колхозу'), когда время позволяет. Сколько я в выгоне изгородей починил! Мало ли новых поставил! А жерди и колья сам рубил, в некоторые места за сто метров на себе таскал. Пастух разве будет, коли не уговорено. Какой-то он толстоголовый попался. Слов нет, за скотиной смотрит хорошо, редко которая на ночь в лесу останется, да и не очень вол он, скотину зря не обижает. Я ведь и за этим наблюдаю. Бывает, попадет ленивый да плохой, бестолковый, целыми днями скотину в куче держит. А в куче что возьмет? Скотина голодная и домой придет. А раз недосыта ест в поле, так столько и доится. Сколько он в день недодаст ('утаит') молока, коли хоть на один литр корова меньше даст? А получше смотри, пускай их поразрозненной — скотина сытее, лишний литр молока. Да и ему самому ведь легче: не надо кругом стада непрерывно бегать. Так вот не понимают этого. А вот, скажем, из-за лени кругом стада не бегают, а скотине и споконной. А за изгородями ленился смотреть...

{— Павел Егорович, а как же медведь?}

— К тому ты не спеши. К медведю надо осторожно приближаться, как к сидящему зайцу или тетереву, больше крадучись: с одной, другой стороны, откуда ловчее. Ты знай писать, а я хоть этак и зигзагами, а к медведю тебя подведу, перед ним поставлю.

Давай сперва закурим, а потом и за медведями пойдем. Медведь большой, а табачного запаха боится, сперва надо покурить. Покурив, оно складнее рассказывается. (Лишнего, конечно, я не люблю говорить, а если что тебе не годится в тетрадку, то того и не пиши. За день тут можно эту полную тетрадь написать путного. Неужели все тебе нужно?).

Ну, коли так, то пиши. Только язык [наш] ты и сам знаешь лучше кого-либо. Летом хорошо за кустиком сидеть да говорить, а осенью иной раз придешь домой, так хоть выжми.

Ну, вот и в прошлом году в то время была также хорошая погода, солнечно. Теперь все пиши, пойдем к медведю приближаться, без остановки, только пиши.

Это дело было до ильина дня [2.VIII], точно хорошо не помню. Ну, поскольку я на участок, на свое дело, всегда хожу с утра, так и в то утро раненько позавтракал, жене тоже нужно на работу без опоздания итти, корзину на руку, в корзинку кусок хлеба, да огурцов, да парочку картофелин, ружье за спину: без ружья в лес теперь я не пойду, мало ли что случится. Либо волк может на встречу попасться, их в любое время можно стрелять, еще премию дадут, только убей. Да и так ('иначе') с ружьем в лесу спокойнее

на душе, как-то лучше чувствуешь себя. Был случай, однажды без ружья пошел да до Ратовских [местность] дошел. К вечеру уже по направлению к дому иду. Подходя к Ржаной пустоши, не доходя до колодца (помнишь, около угольных ям к болоту есть колодец), так вот, не доходя до того колодца, пять волков из кустов навстречу вышло. Значит, целиком выводок. Но волчата ('детеныши') были большие, чуть ли не с мать. Я крикнул, так они как кинутся бежать по открытому месту в сторону болота, как лошади, только стучит. А ведь было бы с собой ружье, так вполне можно было старых [волков] тут уложить. Патронами с картечью с такой близки запросто обоих свалил бы, а волчат после потихоньку, тоже никуда не ушли бы. Вот оно, сразу ноша денег да еще и благодарность. А все [это] — своя простота. Видишь, тяжело [было] ружье нести.

[— А как же медведь?]

— Я тебе сказал, крадучись к медведю надо подходить. Так оно и выходит, опять в сторону качнуло. Так обо что я споткнулся, приближаясь к медведю?

[— Ружье за спину взял.]

— Ну вот. Ружье за спину, корзинку на руку да и пошел в лес. В другое время я без корзинки хожу, кусок хлеба в карман — да и пошел. Зимой бывает — и за пазуху сунешь, не замерь бы. А тогда для ягод корзинку взял. Видишь ты, летом как заготовишь, так зимой оно получише. Ягода разная, да гриб [для сушки], да солоника [гриб для соления] — все хлебу подмога. Да и за столом веселее сидеть с харчами. Оно как-никак, а перемена. Изредка суп с грибами, изредка суп с солеными грибами, щи из черной капусты, мясные щи — оно всегда разное кушанье. А малина и так хороша. А у хозяйки в то время был сахарный песок, так хоть варенье сварить на случай [прихода] чужого [человека] или к празднику.

[— А медведь?]

— Опять медведь в сторону ушел. Этот медведь хоть бы до рождения подох. Напугал так, что сам не свой.

[— Чьего рождения: твоего или медведя?]

— Я уже давно родился. В то время, гляди, и медведей не было, что-то их раньше здесь не было слышно. Стало быть, не моего рождения, а медведя.

[— А как же он мог бы подохнуть раньше своего рождения?]

— Смотри-ка ты, опять правда, до рождения он не мог подохнуть. Видно, не к месту то слово сказал. Ну да ладно, пойдем дальше.

Ну вот, пошел, еще роса не высохла. Пока до конца обхода по дороге идешь, так высохнет. Вот прошел до Хазова, Ратовское прошел, по берегу реки пришел в Терентьево болото, а затем в Нагрысьахо [подсека, где селась репа], а потом по Камухе в сторону Букарева да в свой выгон.

По времени довольно долго ходил, ведь смотри: весь свет обошел. Кое-кто еще из работавших на пустошах, косцы и

сушильдики, были на Березовской ('Речной пустоши') речке и в других местах. Все осмотрел и отправляюсь домой. А вечер еще далеко. Нарушений нигде нет, можно домой. Решил посмотреть малину. В Подаахо малинники есть, да я не попал туда в тот день. Видишь ты, влево ('в левую руку') отклонило, по Ратовскому [ручью] пошел. Ну, решил посмотреть в выгоне. Канаву прошел, по Большому лесу поднимаюсь на вырубку. (Ты этой не помнишь, после тебя вырублено). На той вырубке хороший малинник вырос. Иду тихонько, я никогда в лесу не шумлю и не гремлю, уже привык по лесу так итти, что сучок под ногой не хрустнет. Иду этак, скотина в этом конце уже давно не ходила: нет свежих следов. Другой конец [выгона] скармливает. Пришел я на ту поляну, на ту вырубку. Действительно, хороший малинник вырос, и ягода есть. Сам еще в ельнике стою, а уже выбираю куст, который начать обирать. Хорошо, что не успел тронуться к тому кусту. Стою. Что-то зашуршало в кусте. Я по привычке попятился за елку да и смотрю. Руку этак на ружье забросил. Смотрю: как-будто полкуста погнулось, кто-то куст тот расколол, раздвоил, и вижу — поднимается, стоя, как ряженный в шубе, шерстью вверх, а лоб, как у быка, широкий, а морда острая, как у собаки или волка, только большая. У меня и ноги отнялись ('сломались'), и рука с ружья упала, не до ружья. Сразу догадался: ведь медведь! Впервые это чудо вижу, а догадался. Можно узнать, ни с чем другим не смешаешь. Господи, черт побери [букв. не переводится]! Что делать? Про ружье совсем ('камнем') забыл. Можно ли дробью медведя дразнить! Такой дяденька стоит. Да главное — один. Стою, а сам слышу, как волосы будто ожили и из-под фуражки наружу просятся, чуть фуражку не поднимают. Ноги совсем ослабли, одрябли, дрожат. И сам задрожал. Стою, вот тебе и шиш ('шишка в руку'). Бежать надо, думаю, а как убежишь? Ведь услышит! А если услышит, то тут и смерть. Такой ('тот') ведь лапой погладит, так до позвоночника и когти вонзятся, всю гущу из живота выгребет. Стою ни жив ни мертв ('ни недопеченый, ни готовый'), дрожу, как над водой ('над струей'). А он огребает ветки, в кучку соберет и чавкает [их]. Ну, думаю, здесь до конца его паузинка мне нечего стоять. Пока и меня в паузинок не съел, так надо уйти от греха. Стал потихоньку пятиться, переступаю, пятась: не успел ничего — как грохнусь на спину! Корзинка в сторону полетела с грохотом. Надо же ведь! Сук в коту ткнулся, а я — на спину. В голове промелькнуло ('в мысль ударило'): все, отлесниковайся! В ушах ли шумит али кусты шелестят? Не помню, как я стоя очутился. Смотрю: медведь удирает, только малинник клонится. Я корзинку схватил да в другую сторону. Тоже, как лось, по лесу чешу ('колю'), как будто и ноги не болели. До дома три версты отмахал ('отколол'), так и самовар не успел бы скипеть [за это время]. А говорят — старик! Старик лишь, пока в задницу не колет, а сгоряча ('в ту кровь') и молодому не уступал.

Пришел в деревню: как загнанная лошадь дышу. Некоторые не верят, говорят: «В жизнь не было никаких медведей, а Павлу сам в руки пришел. С ружьем был, так почему же не застрелил?». Иди сам застрели, тогда и посмотрим. Видеть было страшно, а в него стрелять!

Да и правда, в наших лесах в жизни медведей не было слышно, никто не видел. Я первый на это «счастье» наткнулся, да только никому другому не желаю этого «счастья». А с тех пор женщины поодиночке вроде не очень смеют далеко в лес ходить. Действительно, раньше не было, а теперь, видно, от войны они сюда притолкались. Ведь вот и коз раньше не было, а сразу после войны много появилось. А теперь опять нет. Что постреляли, что волки загрызли, все исчезли.

Волков Семен Ефремович, 70 лет, дер. Яблонька Спировского района. записал А. А. Беляков, 1945 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 44—49).

№ 64. Jöt'kin issunda

miän paikoilla jöt'kie ennen issuttih monešša koh. kurrešša issuttih. kul'an taguana sosnowka dorogua müöt' ol'i kakši zavodua, jotkizavodua. l'emeššä oššippa-d'iäd'ö istu. kua-meňkan oššippa. huö tože oldih kurrešta l'äht'ennüöt. sp'uasušša issuttih. enžimäzen, žen germanskoin voinan jälgeh i miän kul'äh ontošihan sandra luad'i zavodan progonazeh da rubei istumah. muvvualla ei kuwlun l'ähil'l'ä. miššä kuin šuot l'äššä da ped'äjamečät, nin issut, a näreikkö da leht'i-mečät, nin ew mid'ai zavod'ie. üht'ä tuohijöt'kie ajua, nin pid'aw kaikki koivut mečästä kuorittua, a raži andaw l'esnoi.

tuöhešta ajetah jöt'kie. že viel'ä parembi on, čistoi jöt'ki. čistoi-ksi kučutah. jallaččiloida da zbruwjua voidua. vain el'ä polta. čistoilla tuohijöt'kil'l'ä vain kuiva jallačči voija, nin poltaw. pid'aw ražvaņke keit't'iä. že pehmeđ'aw, vet't'ä ei lašše.

jöt'kin issunda ew hiitroi d'ielä. vain pid'aw guwba da trubat. ne rawdazet. muw kaikki koissa luajittava. glawnoi hiän on guwba da trubat, ne ollah oššettavat. šid'ä pid'aw pučit jöt'kih varoin, doiniikka al'i kakši, puizuot skipidarkah varoin. hiil'il'öid'ä müvwä, nin pid'aw mošt'inua. muwda ni mid'ä ei pie. kanduo pid'aw, l'ervasta.

a zavoda ew morowzovan fuabfikka, pienembi on. on šeñiin šalvettu huonehukšut kul'un muoņe al'i vähäšt'ä l'eviembi, šammaldamatta, ovi, tagašeinäh lowkko, a kun kakši guwbuä, nin kakši i lowkkuo trubih varoin da kaccuošša. muwda ni mid'ä

ew, ikkunua ew. oven kohtah, l'ahemmä tagaseinäh on luajuttu kiwgua al'i kakši. kiwguah on pandu guwba. guwba on al'ähzekši nošsettu kivil'oil'ä, štobi guwban alla l'ämmitt'ä. ieštä päin guwba on šalvattu šalvalla, kuin kiwgualawda, a tagaseinästä l'äht'ow lozie truba, zavodašeinästä l'äbi pihalla. že truba mänöw puizešta l'äbi, mih on vet'tä pandu. truban šokka, jo hoikembi, kuin puizešša mi on, tulow puizešta l'äbi. žen truban šokan piäl'l'ä on puwhine truba šeizatettu pist'uöl'eh, rawdazen truban šokašša, nu, kumbaše puizešta l'äbi tulow, höwrü ših nowžow. rawdazen truban šokan alla on hawda kaivettu, truban alla hawvašša doišiekka, mih jöt'ki valuw. dai kaikki d'iesvat šiinä. jöt'kizavoda ew paja, vähä mid'ä on. muwda ni mid'ai ole ei. pučit varušša dai aja.

a issutah jöt'kie, mie näin kuin, en kerdua nähün. šuošta al'i ammuzelda piikalda šuahah t'ervašta, ammušie ped'äjän kandolojda. kannot še ollah jo unnäh hapannuot, pinnat hapannuot da hoikat juwret. vagalla noššallat — kebukkazeldi nowžow. häneh on vain šiämüštä jännün, t'erva. že ei happane. še kannot tukušša kuivetah, i vejet'äh hiät zavodan luoh. ložiet juwret pilalla piit'äh, kannot i še ložiet juwret šärgiet'äh. še šärgiet'ut t'ervakšet plotno složitah guwbah, t'awven guwban ahetaš. guwban šalvataš šalvalla da viel'ä šavella umbäfi šalvašta kaikki ragozet voijetah, ruvetah l'ämmitt'ämäh.

ei guwbah tulda panna, guwba on šalvattu. razi voit t'ervakšet viritt'äl še palettais dai kaikki. guwban alla hallolla l'ämmitt'et'äh, kuin pert'in kiwguada. tul'i nowžow, umbäfi guwbašta on väl'it randoiš jät'et't'u. guwban alla kuin hallot paletah, nin tul'i nowžow guwban pohjah i randoiš, a piäl'd'ä on truba katokšeh, šinne šavu nowžow.

ka l'ämmitt'et'äh, l'ämmitt'et'äh, kuin guwba palavoiduw, t'ervakšet ruvetah kuivamah, höwrü l'äht'ow trubah, mi on guwban peräh ašetettu, guwbašta tulow, da pučista l'äbi mänöw. trubašša že höwrü jäht'uw, kuin truba on veješša da vilu. šiel'd'ä rubiew, trubašta, skipidarka ed'izeh t'ippumah. čurčettaw i tulow doišiekkah, mi on hawvašša. a kuin viel'ä l'ämmitt'et, nin rubiew i jöt'ki tulomah. ed'izeh tulow veži da skipidarka, jöt'kie on vähä. žen doišiekašta kuadaw uht'eh puizeh, a šid'ä, kun veži da skipidarka heitt'aw tulennan, rubiew vain jöt'ki tulomah. jöt'kin hiän kuadaw pučih.

konzä heitt'aw jöt'ki vuodua, kiwguasta tul'i pid'aw šammuttua, guwba jähütt'ä, avata i ottua šiel'd'ä hiil'et. t'ervakšet kaikki männäh hiil'ekši. hiil'et še vain hel'ajaw. purretah guwbašta hiil'et da toista t'ervašta ahetaš. kun on kakši guwba, nin uht'ä jähüt'et'äh, a toista l'ämmitt'et'äh, ajetah jöt'kie. niin vuorokkeh kahella i ruataš.

hiil'et še samvuarah ei god'iečeta, pajah müwväh. a jöt'kie pučie kakši-kolme ajaw da t'el'egäh, kül'ie müöt'. kül'äšša kel'l'ä ei pie jöt'kie! kaikin ošetah. voidamatta et aja.

— tuohešta? siinteſi tuohešta, vain tervakſen neičči tuohešta
ahetah. ūht'eh luaduh kaikki mänöw. tuohijöt'ki on parembi, nu i
kallehemi on.

mit'üs hiil'i tuohešta! guwbašta da kiwguah al'i pihalla kunne,
hawdah, ūksi truha.

Yemen, že kuameſkan oſſippa-d'iädö iinigäzen ijän
jöt'kie ajo. sprawnoi talo ol'i. kakſi t'ūt't'uo kawničči. molemmat
hüviin miehell'a ando. a poiga ol'i ūksi—l'ewo. nüt kul'äh on
nowššun, kolhozah.

№ 64. Выгонка дегтя

У нас ('в наших местах') деготь раньше гнали во многих местах. В Березовке гнали. За деревней по сосновской дороге было два завода, смолокуренных завода. В Леми дядя Осип гнал, Каменский Осип. Они тоже из Березовки переехали. В Спасоклинье гнали. После первой, той германской, войны и в нашей деревне сын вдовы Антона ('Антошихи') Александр построил заводик в прогоне и начал гнать [дэготь]. В других местах близко не слышно было. Где коли болота близко да леса сосновые, то гонишь, а [если] ельники да лиственные леса, то нечего и начинать. Один берестовый деготь гнать, то нужно все березы в лесу окорить, а разве лесник даст.

Из бересты гонят деготь. Он еще лучше, чистый деготь, чистым называют. Обувь и сбрую мазать. Только не сожги. Чистым березовым дегтем только сухую обувь смажь, то сожжет. Нужно с салом сварить. Тот размягчит, воды не пропускает.

Смолокурение — не хитрое дело. Только требуется куб [бак] и трубы. Это железные. Остальное все домодельное. Главное — это куб и трубы, те покупные. Потом нужны бочки для дегтя, подойник [ведро с носиком] или два, кадушка для скипидара [суровицы]. Угли продавать, так нужны корзины. Больше ничего не нужно, пни нужны, осмол.

А завод — не морозовская фабрика, поменьше. Так это, срублено зданье с баню или немного пошире, без мха поставлено, дверь, в заднюю стенку дыра, а если два куба, так две и дыры — для труб и для просмотра. Больше ничего нет, окон нет. Против двери, поближе к задней стене, сделана печь или две. В печь вделан куб. Куб приподнят на камни, чтобы под кубом топить. Спереди куб закрыт крышкой, как заслонка, а с задней стенки отходит толстая труба сквозь стену смолокурни ('завода') на улицу. Та труба проходит через ('сквозь') кадку, во что налита вода. Концы трубы, уже тоньше той, которая в кадке, выходит сквозь кадку. На конце той трубы деревянная труба, поставленная стоймя на конце железной трубы, ну, которая через кадку проходит, пар по той поднимается. Под концом железной трубы вырыта ямка, под трубой в ямке подойник, в который деготь течет. Да и все действо тут.

Смолокурня не кузница, мало что есть. Другого ничего и нет. Кадки приготовить и гони [деготь].

А как курят ('сидят') деготь, я видел, не один раз видел. С болота или со старой вырубки добывают осмол, старые сосновые пни. Пни те уже совсем гнилые, заболонь да мелкие корни сгнили. Вагой поднимаешь, легко вытаскивается. В нем только середина оставшаяся, осмол. Тот не сгниет. Те пни в куче высохнут, и свезут их к заводу. Толстые корни пилой спилят, пни и те толстые корни переколят мелко, все переколят, и корни. Тот переколотый осмол плотно сложат в куб, полный куб насадят. Куб закроют заслонкой да еще глиной кругом заслонки все щели промажут. Начнут топить.

Не в кубе огонь, куб закрыт. Разве можно осмол закигаты! Он сгорел — да и все. Под кубом дровами топят, как печь избы. Огонь поднимается вокруг куба, пространство кругом оставлено. Под кубом как дрова горят, так огонь поднимается под низ куба и по сторонам, а сверху труба в крышу, туда дым поднимается.

Вот топят, топят; как куб разогреется, осмол начнет сохнуть, пар идет в трубу, которая установлена к задней стенке куба, из куба идет да сквозь кадку проходит. В трубе тот пар остывает, поскольку труба в воде и холодная. Оттуда начинает, из трубы, сперва скипидар [суровица] капать. Течёт [струйкой] и идет в подойник, который в яме. А как еще топишь, то будет и деготь течь. Сперва идет вода и скипидар [суровица], дегтя мало. Это из подойника сливают в одну кадку, а потом, как вода и скипидар перестанут течь, начнет только деготь течь. Деготь он сливает в бочку.

Когда перестает деготь течь, в печи огонь нужно потушить, куб остудить, открыть и снять оттуда угли. Осмол весь превратится в уголь. Угли те — только звенят ('звенит'). Выгребут угли из куба да другой осмол насадят. Если два куба, то один остужают, а другой топят, гонят деготь. Так поочередно двумя кубами и работают.

Угли те для самовара не годятся, в кузницу продают. А дегтя бочки две-три накурят да на телегу, по деревням. В деревне кому не нужен деготь! Все покупают. Без смазки не поедешь.

— Из бересты? Так же и из бересты, только вместо осмола берёсту насаживают. Одинаково все идет. Березовый деготь лучше, ну и подороже он.

Какой уголь из бересты! Из куба — да в печь или на улицу в яму, одна труха.

Из Леми, тот каменский дядя Осип всю жизнь деготь гнал. Богатый дом был. Двух дочерей ('девушек') нарядил. Обеих хорошо выдал замуж. А сын был один — Леонтий, теперь в деревню переселился ('поднялся'), в колхоз.

№ 65. [vakkazet]

a mie mid'ä ruan? ka, mid'ä ruan. vanhuš tul'i, nin pienet ruavot ollah. niitt'ia da kund'ia jo ei šua, kuda-mid'ai kebiembäzie ruan viel'ä.

talvella most'inua da vakašt'a luajin. hiitrošt'i pieši. kuin jukkuo šuaw varuštua da tuwva, nin talvešša šijan luajit. da mi l'uwbo luaji korziŋkua, nin nūt tuah kara činah kaikki mänäh. hinda tiet'täväne, hüvä hinda on, vain t'ijä luad'ie, da oliis mil'l'ä šuattua. mänävuona nel'l'ä regie, kuin keguo, šuatoin. šuwri abu t'uli. jukkuo oli vägäijä varušettu, kaikki kissoin, korziŋkua luajiin. pinda l'ist'eist'ä maŋjavakašt'a luajiin. niid'ä hot'd'eŋgah, hot' jäiččäh annat—ruattu ew muattu, ruat, nin i šuöt.

jukkopuw on žeže ped'äjä, vain čurkiksi pil'it't'ü. ped'äjän val'l'ičet šuondeikolda al'i unnäh šuošta, hienošilozen, oigien. ul'en lozie ew hüvä, šeniin čet'vert'ie al'i kuwttä verškua. t'üvičurkista otat kahekšan goŋt'ie, loziembazišta, a kuin hoikembi, nin kuwzi da nel'l'ä. kežäl'l'ä kuin tulow šua ha jukkopuwda, nin panet hawdah, ved'eh; ei kuivais. kuivašta ei šua kiskuo, že vain päfiekši. a talvella ei kuiveta.

kun rubiet kiskomah, nin jukot šarret, goŋt'it tuot kiwgualla al'i kiwguh, hawvutat. šid'ä i kisso. kuin hüvä puw popad'iw, kiskuočija, nin kebie on kiskuo, hieno kiskuočow. kissotah niin. otat hawvutetuon goŋt'in, šuwren veičen panet pinnan da lohokšen keškeh, ožuot hamaralla al'i kufikkazella da niin lohokšen i erotat pindapuolešta. lohokšešta ni mid'ä, hallokši l'ozaŋkah al'i viŋik-kehekši, a päret't'ä kissot pindapuolešta. žen pindapuolen goŋt'ista lohkuat kaha, ne tuaš kaha, a niist'ä jo rubiet l'isset't'ä kiskomah. aivis pindazen, mi on ketun alla, panet efiš. niist'ä jo rubiet maŋjavakašt'a l'ibo opuškakši most'inah, piäl'uš opuškakši. zavodalla varoin kuin luajit korziŋkua, nin niisšä ew opuškua, niih opuškua ei pie. heinämost'inah al'i šieŋivakkazeh luajit opuškan.

kuin kaikki goŋt'it kissot, mi on tuodu kiwgualla hawduočomah, lohokšet pilkot da čilput rabieššat, nin otat l'isšit l'ist'iet. l'isšit veičel'l'ä, l'eikot, mi on čilmuačen l'ibo loziembaŋe, kohendelet, rownennat l'ist'ien, oliis ühen l'evehüne. šid'ä lattien püwhit, l'evit'ät nel'l'ä l'ist'ied'ä poikki lattiesta, a toizet nel'l'ä ul'ci lattien niil'l'ä šiameh, štobi hüö ois pl'et'it't'ü. kešsel'd'ä koh ollah ne pl'et'it't'ü. že l'iew pohja. pohjan rannat aršinua müöt veičen nokalla piirät i l'ümmütt'el'et ul'äh. šid'ä rubiet randoida pl'et't'imäh. rannat noššat, min korguŋe pid'aw most'ina, šid'ä panet opuškan, opuškah varoin kissot kaidazet l'ist'ehüöt sfiadu lohokšešta, enzimäzet l'ist'iet lohokšešta päin. opuškan panet da l'ist'ein

ñokat kiänd'el'et kül'gil'ist'ein alla, siämeh pujotat, dai most'ina gotovo. viel'ä čilmuzet l'issit, dai randah.

marjavakkazet ollah koš'kat. niidä koš'kakši pl'et'it. koš'kašša ollah pohjal'ist'iet i kül'gil'ist'ienä. niissä ew kül'gil'ist'eid'ä, a otat pohjan pl'et'it kossalleh, uglazista vaššakkeh noššat pohjal'ist'iet i rubiet randoida pl'ett'imäh. opuška panet, nin šiinä et randal'ist'eid'ä opuškašta pial'ičči l'ummütt'el'e, a opuška kuin on kahen puolen randal'ist'eid'ä, nin rawdanuaglazilla l'äbi kolot'it. randal'ist'iet opuškua müöt' l'eikkuat, panet paŋgan — dai kaikki.

№ 65. [Корзинки]

А я что делаю? А что делаю. Старость пришла, так работа невелика ('работы невелики'). Косить да пахать уже не могу, кое-что полегче еще делаю ('работаю').

Зимой мостинки да корзинки делаю. Хитрость небольшая. Как сосновые чурки удастся приготовить да привезти, то за зиму много наделаешь. Да сколько угодно наделай корзинок, так теперь в это Харачино все пойдет. Цена известная, хорошая цена, лишь знай делать да было бы на чем доставить. В прошлом году четыре вова, как стоги, отвез. Большая подмога была. Сосновых чурок было порядочно заготовлено, все отщепал, корзинки делал. С подкоркбых слоев корзиночки для ягод делал. Те хоть на деньги, хоть на яйца дашь: поработано — не проспано, поработаешь, так и поешь.

Материал для корзины — та же сосна, только на чурки распиленная. Сосну выберешь в болотистом месте или в самом ('совсем') болоте, тонкослойную, прямую. Очень толстая не хороша, этак в четверть или на шесть вершков. Из комлевых чурок возьмешь восемь гонтов [плашек], из [дерева] потолще, а коли потоньше [дерево], так шесть да четыре. Летом коли придется заготовить материал для корзины, то положишь в яму, в воду: не высох бы. Из сухого не щеплется, это только для лучинок. А зимой не высыхают.

Когда начинаешь щепать, то чурки переколешь, гонты принесешь на печку или в печь, распаришь. Потом и щепли. Если хорошее дерево попадет, хорошо щеплется ('щеплющееся'), то легко щепать, тонко щеплется. Щеплют так. Берешь распаренный гонт, большой нож наставишь между заболонью и сухой сердцевинной, ударишь обухом или колотушкой да так сухую сердцевину от заболони и отделишь. Из сердцевины ничего [не получается], на дрова в лежанку или на растопку, а лучину щеплешь из заболони. Ту половину заболони от гонта расколешь пополам, те опять надвое, а из них уже начинаешь лучину щепать. Самый верхний слой, что под корой, положишь отдельно. Из них сделаешь корзиночки для ягод или [оставишь] на опушку корзины, на верхнюю опушку. Для завода как делаешь корзины, то в тех нет опушки, на те опушки не

нужны. На мостинки для сена или корзинки для грибов делаешь опушки.

Когда все гонты перецеплешь, сколько принесено на печку париться, сердцевинки перерубишь да мусор уберешь, то возьмешь обчистишь лучину. Чистишь ножом, обрезаешь, если где отодрался край или где если потолще, поправляешь, подравниваешь лучину, была бы одинаковой ширины. Потом подметешь пол, разложишь четыре лучины поперек пола, а другие четыре вдоль пола между ними, чтобы они были переплетены. Посередине они переплетены. Это будет дно. Края дна по аршину [линейке] концом ножа проточишь и согнешь вверх. Потом будешь края плести. Края поднимешь, какой высоты нужна корзина, потом сделаешь опушку. Для опушки нацеплешь узкие лучинки сразу от сердцевины, первые лучины от сердцевины гонта. Опушку вставишь да концы лучин подвернешь под боковые лучины, вовнутрь всунешь, да и корзина готова. Еще отодравшиеся оголенки обрежешь — да и в сторону.

Корзинки для ягод — это косинки [косого плетения]. Те косинками плетешь. В косинках донные лучинки являются и боковыми лучинками. В них нет боковых лучин, а возьмешь дно переплетишь вкосу, по углам друг против друга поднимешь лучины и начнешь края плести. Опушку сделаешь, так тут боковые лучины не загибаешь через опушки, а поскольку опушка сделана по обе стороны боковых лучин, то железными гвоздиками склотишь насквозь. Боковые лучины по опушке сверху срежешь, вставишь ручку — да и все.

Волкова Василиса Ефремовна, 67 лет, дер. Яблонька Спировского района. Записал А. А. Беляков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 141--162).

№ 66. pelvašruavot

pelvašruavot ollah jügiät. pelvaš šuačcow äijä ruadua da hüviin, äššen i hüvä pelvaš kažvaw. a hüväštä pelvahašta i hüviä t'üöd'ä, kuin kaikki cislalleh mänöw, ei lumen alla jähä. a pelvahaŋke ruaduo ümbäri vuoži. t'üön sügüžül'l'ä al'i že i enžitalvella varušät, a vuatteiŋke keviäh šuat muokkuačet.

ruavot zavod'iečetah viel'ä keviätkunnännäštä šuat. polossan künnet'äh, kuin mua vähäzel'd'i kuivahtaw da vähäzel'd'i muwreh-tuw. ül'en tuorešta ei voi pelvahalla künd'ia, kal'cistuw. kagra, že ei varaja, a pelvaš varajaw.

künd'ähüöh mua šeizow kodvazen, štobi ahavoiččiis da muŋiem-bi lieñiis. konža kuivahtaw mua, pid'aw ästoija. kuin peskumuä,

nin n'icevo, a šavimua on paha ul'en kuivana aštoija. meil'ä lo mupeldo ol'i pesku, a ondrikovapeldo čistoi šavi.

polossalla kuin tulet aštoimah, nin ed'izeh pid'aw rist'iel'l'ä. že on ul'en jügie. kuin hebozet on upfuoimoit, nin kiät rubiemašša šinnäh riwhtuaw, vohottamah ruvetah. rist'iel'l'ä — pid'aw riššikkeh ajella, žei rist'iel'eñd'ä. polossan nokašša vall'assat hebozet aštovoih, rubiet ajelomah. kuin ew ul'en rownoi kũñd'ö, nin ed'izeh viel'ä šorrattelet. uht'eh piih aštoičet, kohaldj ajelet, a šiid'ä vašta rubiet rist'iel'ömäh. a šorratella pid'aw šiksi, štobi turvešta ei jarel'l'äh kumata, štobi šaŋgi jäis muah päit', a ei kumawdušš piäl'l'ä päit' ul'äh kokottamah.

šorratelduoh zavod'it polossan nokašta, hot' kumbazešta mežašta, da ajat toizeh mežah, a šiid'ä mežašta tuaš enzimäzeh, t'äh mežah, a t'äštä tuaš toizeh mežah, i šeniin toizeh nökkah šuat. aštovoin jal'gi l'iew kid'žoražiin. nokašša hebozet kiännät. nüt rubiet ajamah poikki enzikerran ajandajäl'gil'öih. šiwla aštovan jal'gi l'iew šeniin kuin čieppiine. tuaš nokašša kiännät i l'ahet toista jal'gie vaš. kuin l'evie polosta on, nin viel'ä i kolmannen kerran ajat. šorrat kaikki kierzotet, mit on jännüöt, mih aštova ei fatt'in. hebozie vanutat randa rannašta, kiät ruvetah lomimah, dai hebozet gofewvutah vatkuasša.

rist'iel'd'uöh tuaš rubiet ajelomah kohaldj. zavod'it uhešta mežašta da toizeh šuat, štobi kieruo ei jäis. kun hüvä, pehmie mua on, nin kahteh piih ajelet, daš tulow, voit že kül'viä. a kun kovembi on, nin i kolmeh i nel'l'äh piih ajelet. aštoiduoh kaikki juwruot piäl'l'ä nowššah. aštova ne kaikki keriaw, vain harvazeh aštovoida noštele, kuin äijä kerawduw. tukkuzeh ne juwruot kaikki mežah panet, šiel'ä hapatah. aštoiduoh mua l'iew pehmie, puhaš. aštova mänöw, kuin vet'tä müöt', piil'öist'ä mua, kuin vezi virduaw, ši h kül'vät šiemenen. kül'vetäš muzikat. naizet aštoijah. kül'vähuöh viel'ä kahteh piihuöh ajelet, kažvakkah. kuin šel'giet šiemenet ollah, nin näin ruadahuoh pelvaš l'iew šel'gie, soru ei kažva.

šiemend'ä kül'vetäš, kuin kel'l'ä pid'aw parembua t'uödä, nin tuagiembuazeh, a kuin eňambi voida, nin harvembuazeh. tuagie pelvaš on kuijukkahembi, kuidu l'iew pehmiembi. harvemmašta — šiemend'ä da čül'küö, že on čül'kükkahembi, rūppiembi, a kuidu ei muone l'iene. kewhä mua, nin i harvašta pelvahašta kuidu l'iew hüvä, vain vähembi, a vägöväh muah pid'aw äijäl'd'i tuagieh kül'viä, kakši muone. da že on viigodnoimbi. pelvaš vuöh šuat, d'efit, nin kuhl'ahañe kuhl'ahazen piäl'l'ä. t'uödä l'iew äijä, hüviä. a t'uö meil'ä on nagol'i hinnašša. da t'uöštä vain vet i d'engat. muwvualda mištä otat? vakašt'a luad'iw talvella, da äijäŋgo vakkazelda otat? kaikki jarmaŋkat ajelet, a konža kuin tuwvah moñi regie, kerdah hinda laŋgiew, oštajua vähä, puolet uwveštah kod'ih tuot. a t'uöštä vuvvekši d'engat. toko i kolmehkūmmeneh möimmä. vevot makšat, vellat juat dai icel'l'ä vähäñe jäw. pruažniekoiksi pid'ii suaharuo, i šuwrimoida, i vehnäšt'ä vähäñe. ol'i roshodua.

konža pelvahan kul'vat, huol'i kaglašta šügüzüh suat. hüvä keža, nin kažvaw. konža spuasuņ umbäfi (28. VIII) konža bohro-čoiksi (21. IX) pelvahan d'efit, konža i jākimäh (10. X) jīaw. a d'efie pid'aw konža šulga zavod'iw langeta. kuhl'ahazet šezizatat kujivamah. konža kuhl'ahazet hüviin kuivetah, tuot hiät guominoh. srazu zavod'it i riibie.

a riivit'ah kaikkeh luaduh. ken i briwžalla puiččow. kebiembi on kiveh riehkie l'ibo kolotuškalla, pual'ikalla pergua. pual'ikalla i lapset kolot'itah, a iče müö kiveh riehimmä. pellošta kuin vejät pelvahat, kuhl'ahazet, nin panet nārt'ih guominoh, peräh, guomi-nopuoolella, katoksen alla, štobi ei kaštaiš. hiän i tumanua varajaw, sžroi pahemmiin riibiečow, jügiemmä. pihalla riivit'üöt lad'juat, a riibimät't'ä pelvahat guominošša ollah.

ka šezizatat kozlan lattjella, kozlah nuaglalla kiiñit'ät riivinlawvan. kel'l'ä kuin on rawdañe riivinlawda, nin rawdazen, a kuin kel'l'ä puwhiñe, nin puwhizen. ew kaikilla rawdazet riivinlawvat, ollah i puwhizet. a rawdazessa on puwhiñe vain lawda, a piit ollah rawdazet, tavotuot, ne kuin nuaglat l'äbi lawvašta kolot'ittu. hiän tulow kaččomua kuin šuga. kozlalla ši, riivinlawvoin luoh, panet kivet, rownoit pl'iituškat da viel'ä kolotuškazet varuššat rewnah i rubiet riibimäh.

a riivit niin: tuot nārt'ist'ä tukun pelvašta, kuhl'ahašt'a kolme-noll'ä, panet lattjella ičel'l'ä rewnah. šezawvut kozlan taguah pl'iitan da riivinlawvan kohtah, otat pivon i napfit kiveh riehkie. kuin ei kaikki čul'küt l'äht'iet'ä, nin ožual'et kolotuškalla, a šid'ä haf-juallat riivinlawdah. pivone jīaw puhtahañe, ni uht'ä čul'kust'ä ei iä. sežen pivon randah. toizen otat i žen riivit. da šeñiin kaikki. kiät t'amä ruado riwhtow. a konža towvon 'eikkuamiñe ew lop-piettu, nin uöl'öil'l'ä riivit, a päiväl'l'ä 'eikkuat.

riivinlawdah mi kuiduo jīaw, nin ne ollah murdežet. murdei-zista vain kuavetta. kozlan alda čul'küt pid'aw puija, šiid'ä viššata. viškattuoh ne šieglotah verejäl'l'ä ieššä, kumbazen verejäh konža tuwlow. šieglouhoh vakkah, da šalkuh, da peldaittah. čul'küt puw-nah lattiella l'ibo mošt'inoih, a riivit'üöt pelvahat šivot kubočču-loih olgišid'eil'l'ä da lovalla, orašpeldoh da progona h.

lovalla pelvahat l'evit'ät hoikkazeh. pivoloista šid'iet panet eriš, üht'eh murdežiñke. ne tože kuabieksi. nüt pelvaš lovalla, kačo, ei tuwlella noštaiš. lajolla pelvaš on ned'el'ie kolme al'i nel'l'ä i vii-komman, kuin kaštjet da vihmazet. šid'ä rubiet kaččomah, kuin kergiew. kuin päiväl'l'ä kuiva pelvaš jo rubiew katkiemah i kuidu-eruw, nin otat kuottelukšen. kuottelukšen kiwgualla kuivuat, low-kutat i kačot — ongo jo valmiš pelvaš. kuin hüviin päišär eruw i t'üö on pehmie, nin pelvaš jo valmiš noštua. vain kerdah ei suš ugod'ie, moñi kerdua otat kuottelušta, varajat ei rikkuo. kun jo on ünnäh valmiš, nin l'ähet noštamah. hüvät šiät kuin ollah, n'in väl'ian noššat, da srazu i riieh. a kuin vihmoih popad'it, nin muokkuaw. l'igua lovalla pid'ia ei voi, lahowduw, t'üö l'iew laho,

kuabieh äijä mänöw, dai hinda pienembi, vähemmän annetah. a ün-
näh märgiä vet riiheh et aha, hawduočow. lovalda nostelet nuap-
puzilla, kaikki nuaputtelet i vuotat, konža puhaldaw. hot' rubie-
maksu vihma väl'it'al'd'aw, kuivahetah, nin kaikin sidomah. kuboč-
čuloilla sivot da riiheh, kuin on jowdavua riiht'ä. a kun jowdavua
riiht'ä ei ole, nin nart'ih panet. moñiin riihil'öin harvah kell'ä on,
nin lowkutetah väl'ian, ei viikoksi pizäwvüt'ä nart'ih. nart'issä vet
ei voi viikuo pid'ia, pelvas rikkuočow, palavoiduw, lahonow.

riihen kuin ahat, tuorehet pelvahat väl'embiazeh, da kuivuat,
nin rubiet lowkuttamah, iel'l'ä kuin lowkkuloilla lowkuttjma, nin
viikko pid'i lowkkuttua, sid'a viel'a lipsuta lipsuloilla, a nüt ma-
siřkalla väl'ian riihen lowkutetah, da kohti vid'iemeh — ei pie
lipsuta. nüt joi lipsut on kadonnuot, ew ni kell'ä lipsuo. dai
lowkut kell'ä vain kuotteluksie lowkuttuašša.

masiřkalla lowkutetah nel'an kessä, a viijes — brihacčune
eiñin tüt'töne — kobrazie andelow. kahen lowkutetah, ruckista
masiřkua püorit'etäh, a kahen seizotah: üksu pivoloida panow,
a toine ottaw, kohennellah pivuo. viizinäne lugh al'i puolen slo-
jua, puolet pardizet lowkutetah nämä, sid'a muwtuacetah. nämä
ruvetah lowkuttamah, a ne pivuo panomah da ottamah. señiin kai-
ken riihen. puolen riiht'ä lowkutetah da läht'ietäh süömäh. low-
kuttuašša šüöt'etäh hüviin, kuin pruažniekkana, ruado on jügie.

kuin zavod'itah lowkuttua riiht'ä, nin naista tulow t'awži guo-
mino. susiedat naizet tullah vidomah. ennen i pagizet. ice pürriťäh
vidomah. a jal'geh, min ken vido, nin sie hänell'ä zen vivot. srazu
lowkuttahuoh on parembi viduo, kebiemmal'd'i päisär läht'ow,
a kuin jäht'uw da tuoreššuldaw, nin on jügie viduo. zen'ťäh tullah
palavazeldi vidomah. lowkuttuašša t'awži guomino rahvasta, ves-
sel'ä on ruadua, vain äijäl'd'i pöl'ü l'iccuaw.

vidohuoh t'üöt pert'ih, uglah panet, tukkuh. vuotat ostajua.
moñigo viizinäšt'ä pid'aw — val'licet harjattavaksi. harjattavaksi
parembazie val'licet, ol'iiš pit'embi da pehmiembi. harjuamah
jowvuštuacet jo pokrovoin (14.X) jal'geh. harjuat kül'üssä. kuin
äijä harjuajua tulow, nin ew mill'ä i heřgitt'ia. päivil'l'ä pagi-
zet — kenen kül'üssä rubiet harjuamah. kül'ün lämmit'ät, što ei oiš
häđ'zvä. varušt skammit, t'epozen. illašt'ahuoh otat harjan da
t'üödä dai lähet kül'üh harjuamah. sruašt'i on kül'üssä istuo.
kuin viel'a enämbi harjuajua on, nin parembi, a kuin vain kahen-
kolmen kessä, nin sruašt'i. da kuin viel'a paginat tullah pahat al'i
kuolluzih näh, nin jogo krabahuksutta kipsahtelet. viel'ä i brihat
señe pöll'at'el'lah. kuin miestä viizi-kuwzi on, t'awži kül'ü, nin
parembi, vain äijäl'd'i pöl'ü on.

harjat ne on kaiken muozet. ed'izeh rawdaharjah lasset, har-
vembuah, sid'a tuagiembuah rawdaharjah, a zen jal'geh suvas-
harjalla harjuat.

— ka, mit'ünäzet harjat? harjat ollah kaikilla ühen muozet,
vain kell'ä vanhemi, kell'ä uuvemi. on kell'ä tuagiemi al'i

harvempane. mie en t'ijä, kuin luajitah rawdahaŕjoida. kolot'itah nuaglat — dai harja. on hoikkaŕne lawdaŕne, kumbazella issut, kuin kuožel'issa. toizeh nokkah on kolot'ittu ül'äh šorkaŕne, madalaŕne, a ših kolot'ittu toine lawdaŕne. ew šuwri. l'äbi on rawdazet nuaglat kolot'ittu, hūö l'äbi lawdazešta viijit'äh puolen šormen korgehuoldj. tuagehut'en hūö ollah toine toizešta — sormi kebukkazeldi mahtuw. ženze muoŕne i tuagie harja on, vain on pienembi lawdaŕne, kumbazešta ollah nuaglat, dai nuaglat ollah päreanuaglat, ollah tuagiemma, šormi ei mahu. a šuvašharja on šijan šugahista luajittu. näin, kuin luajitah, dai iče kohennan, kun rikkuoçow: varži katkiew al'i halgiew. ruvalla pid'aw valua. hiän on ünnäh ruvalla valettu, vain šugahan nokkazet l'evieššä puoleššä ollah valamatta, pist'üöll'eh.

šuvašharjalla harjatessa pivo on važameššä kiäššä, a harja oiגיעשה. pivuo piet nokasta ül'ähänä, a harjalla harjuat ül'ähäd'ä alah päin. sid'ä pivon nokaŕ muwtat. harjattuoh pivosta jiaŕvain hoikkaŕne, sel'gie. ni ühtä päist'ärüttä ei ole, kuidu kuiduzeh. kümnenen pivosta, šuvašharjapivuo, kiärit kiäroksi. ze paras vuate šuvašharjasta.

harjatessa ew kuavetta. kuabiet ollah viduossa, mi vid'iemien alla jiaŕvain, da murdeizista puistelet. a harjatessa jo on paiceš, ruohin, šianruohin, mi šuvašharjah tartun. paicekšet, ruohtimet i šianruohtimet kül'üššä, harjatessa, kiärit kuožel'ipiäl'öiksi. kuin konža kun keräwvüt'äh harjuamah koiremmat naizet da t'üt'öt, kerät'äh kaikilda kuožel'ipiäl'öin, tuönnet'äh kenen jii olgah trohko h niirke kuožel'ipiäl'öirke. trohkoššä ol'i boraskinpaistaja. hiän mittuaw kuožel'ipiät, min maksetah — niih andaw boraskie. tuow kül'üh boraskit — piru pirunah meil'ä šielä. huomneksella tulet kod'ih, nin i šuwvä ei tahota. a mužikat ei t'ietä, heil'ä et sano. üöll'ä kuožel'ipiät viet, üöll'ä boraskit tuot da üöll'äi šüöt. sal'ittih toko naizet da t'üt'öt. enämmän t'üt'öt, t'üt'öl'öin viidumkat oldih. konža jal'geh i šüöt boraskie! ammuŕne on ze aiga, nüt ew niin.

ei harjuandah loppieçe pelvahaŕke ruado. kaikki kuožel'ipiät i kiärot pid'aw kezrat'ä, kudio, ašsen l'iew vuate. vuattieh šuat viel'ä äjjän aigua da huoda panet.

vuatetta pid'aw äjjä, loziembua i hienombua pid'aw. ruohtimista kezriät loziembua laŕgua. niistä kuvot hurst'ie, värcie, hat-tarua, piäl'üštävuatetta. hienombazešta kuadievuatetta kuvot, šobua, ainošpiett'äviä räççiniä, pošt'el'nikkua. pošt'el'nikat da ainošpiett'ävät vuattiet kuvot rawdahaŕjalla harjatuošta. še on parembi ruohinda da paicešta. a suamoin hienon vuattien kuvot šuvašharjalla harjatuošta t'üöštä, kiärol'öistä.

nüt ni hevon perzet't'ä ei maheta ruadua, prost'i hospod'it'üt'öt kuin sälgievät, hupell'äh veceroih. a iell'ä ül'ci talven kezräimmä. šuwrehpühäh šuat kezriät, a sid'ä pühä tul'i — kaŕgahie ačeta. ennen vet t'üt'öl'apsella kümmeŕd'ä vuotta ei t'äwd'ün,

a jo kezriämäh issuttelet, opaššat. ed'izeh šeniin kuvetta kezriaw, a šid'a opaštaw dai loimekši rubiew. opaštumatta ni ken ei zavod'i kerdah. lapšena zavod'it da vanhuoh šuat nagol'i kezriät. jo piä tudajaw, a kuožel'ilda et piäže. näpit jämennüöt, nin hienuo ei šua kezrät'a, a loziembua šofiezeh laššet, nin vain käzi huiskaw. o, naižilla on enämbi ruaduo da huoldal müöhemmä i laškietet da aivomma i nowžet. mužikalla buitto jügiemmät ruavot, a maguaw enämmän. a meil'a ni kežäl'l'a, ni talvella ew spokojua. da talvella viel'a vähemmän maguat, kuin pereh da pieñet lapšet. perehežke ew konža muata. kolmannet kukot lawletah, pid'aw jo kiwgua l'ammit'tiä. varuššat šuwvä, žiivatat ruwvitat, juotat, pert'in rabieššat, kodvazekši istuočet kuožal'illa, joi murgina kergiew. murginoiduoh tuaš kodvazen kezriät, jo, kačot, pid'aw i ildat'uöt luad'ie. illašt'ahuoh tuaš istuočet kuožel'illa da kukkoloih šuat issut. vähäzen nukahat, tuaš joi pid'aw nowšša.

laņgat kezriät, viwhit, viwhet l'ivotat. l'ivošša piet moñi päiviä, sul'čaveži l'äksiis. šid'a ne viwhet pežet, kuivuat, šorit. šofihuoh kefit kefinakalda tuwfikoilla. kumbazeh kaņgahah pid'aw kruašittuo, nin painat. ka painat kruaskah. kavel'd'ih kruaskañiekat. hävä kruaska popad'iw, nin viwhel'l'a panet uhen pakiettazen. konža ewllur kruaskua, nin kruašima i kabal'l'a. kruašitah, al'i painetah kähuh, l'epänkettuh, koivunkettuh. kähuh kuin viel'a rawdua panet, nin l'iew tua mušta kruaska, t'ükemušta. že i šarrast'a häviin kruašiw. ni mil'l'a et ota, ei viere.

viwhet tuwfikoilla kuin kefit, nin rubiet luomah. luondastuavoih luot kaņgahan, a šid'a rubiet kolodah kiäfimäh. kiärit kuvondastuavoin kolodah. kiäfiesšä pid'aw kaččuo dai kaččuo. ennen kiäfiñd'ia otat pirdah, panet laššet, kaņgahan ottelet ed'izeh šufjäštä umbäfi, šid'a alahada päit laššet stuavoin perekluad'inažlata umbäfi i tuaš vejät šufjäštä alačči, šid'a kolodah. üksi kažil'l'a pid'aw kaņgašta, da hil'l'akkazeh laškow, a toine zavod'iw kiäfie kolodalla. kolodalla pid'aw rowno kiäfie, uhen kiäfiñd'ehuoh kaikkie müöt, ei l'ieñiis kuduossa väl'l'a randa l'ibo keški. konža kuin on pahoin kiäfiñt'u kolodalla, nin kuduosa randa väl'lenow, höbl'öt'taw. ših pid'aw l'iziäl'l'a kuvetta. kudjen laššet vain keškišolgeh šuat al'i vähemmän, vain randazeh, i tuaš müöššütät. niin rownenät. kolodah panet laņgoin alla puikkozie, misšä kaņgaš on väl'l'embi. puikkožilla kiäfiñt'ät, niil'l'a ved'aw.

kuin kolodan kiäfiñt' loppuh šuat, nin pirran otat, a laššet jät'ät. laššet ših i jäšäh. ed'izeh otat niid'eh, kaikkih, moñigo on, mennelago rubiet kudomah, šid'a tuaš pirdah: kaheksikkoh, kümmešikkoh al'i kakšitoistakümmeñikkoh, mid'a rubiet kudomah. kiäfiesšä on toine pirda, pahembi. šufjäh kuin tartutat, nin voit jo zavod'ie kduuo.

kudiekši on laņgat tože tuwfikoilla kefit'tu. tuwfikalda kiämit'ät kiämit. že kiäminkovašša kiämit'ät. kiämit ollah tuohizet, tuohšta luajittu l'ibo kel'l'a i šifizeštä suharobumuagašta. tuohizet

ollah paremmat. vain aijalleh kehtua luad'ie. ših pid'aw kezäl'ä huoli pid'ia, konza tuohi l'äht'ow. meil'ä viel'ä oldih buaboloim aigahizet kiämit. mi heil'ä tulow! vain kiämit'tiässä pid'aw kiämitt'ia kiärinnäl'l'ä vaštah, stobi kuduossa kiärind'ä oliis müöd'äh, šilloin kuduossa kiämin nokat ei riibiečet'ä. kuin tolkowvoi muamo, nita pikkuzesta šuat šiwla kaikki newvow, kaikkeh opastaw.

kuvotah kaiken muošt'a vuotetta. kahella niijel'l'ä kuvot hatta-ravuuetta, piäl'üssäksi varoin, šobua, kuad'ieda, räččiniä. kosto-vuuetta kuvotah nel'l'al'l'ä niijel'l'ä: värčie, post'el'nikkua. hienuo vuuetta nel'l'al'l'ä niijel'l'ä kuvotah kážipaikakši. kuvotah i kahekšalla niijel'l'ä kážipaikkua, skuat'efie, ken kuin mahtaw. kahekšalla da enämmäl'l'ä niijel'l'ä ei kaikilla šua kudu. kodañiekkua kuduossa pid'aw t'iet'ä, kuin šukšiloida talluo. uht'eh rukah tal-lot—uhet kodazet, toizeh rukah—toizet. kodañiekkua kuvotah šomua. skuat'efiloida viel'ä i bumuagalla kuvotah. že pid'aw oštua. bumuaga vain kudiekši.

kuin ul'ei päivä istuo, nin ložiembua vuuetta päiväššä šeiñä l'izäñke voit kebiel'di kudu, a hienuo ei šua. ul'en lowhkoj kudoja pid'aw—šeiñä hienuo vuuetta kudu, kodañiekkua.

kezriänd'ä, kañgahin luonda da kuvonda—kaikki šuwripuhä mä-now. srašnoih et jät'ä, pert'it peššä, powkuta, rabieštuačie, a štel'ä joi keviä, peldoruavot tullah. vuattjet kuvot—ne pid'aw vallata. valgiet šollet, painamatta, pid'aw tuaš l'ivottua. l'ivošša piet, sul-čaveži l'äht'ow, pid'aw zol'ie. zol'ihuoh huwhot, da lumella, kuin viel'ä on lunda. a kuin lumella et kergie, nin lovalla. päiväzel'l'ä da kasteilla hüviin valguaw. počki heinaigoih šuat lovalla piet. illalla lapat, a huomneksella tuaš l'evit'ät. šeiñin jogo päiviä kai-ken keviän. vuattjet vallotah, pehmet'äh. värčivuatteida et valgua, a muwt kaikki valguat. vajua vuoži pid'aw ruadua, kuñi vuattjet ombelet.

a ommeldavakši žeže langa. vain kuin hienuo vuuetta ommella, nin langa pid'aw kezrät'ä ul'en hieno. vet že pid'aw viel'ä kerrata. kerratuolla ommellah. a ložiembrañe kerdua, nin i nieglah et pu-jota, nieglä pid'aw kuin aiza, rahvaš ruvetah nagramah. ommelda-vakši langakši parahan pelvahan jät'ät, kezriät hienozeh, rownozeh, ei oliis bul'kuo. bul'kuñke nieglah et pane.

— a muwda mid'ä? kaikki šanoin. možot mid'äi unahiin, kun jo ammuin emmä kuvo. nüt vet kuvotah vain huršt'ie da hattarua, da piäl'üštiä, muw kaikki ošsettu. nüt vet nuofilla kod'ikuvottu-loih on huigie šuoñiečie. pid'aw sat'ina, šulku. a ennen šulkuo vain harvalla t'üt'öl'l'ä oli, da i že kaikekši igiä ukši platja.

№ 66. Работы по льну

Работы по льну трудные. Лен любит, чтобы много работали над ним да хорошо, тогда только и вырастет хороший лен. А из хорошего льна и хорошее волокно, когда все нормально идет, [треста] не

останется под снегом. А со льном работы круглый год. Лен [во-
лочно] осенью или в начале зимы приготишь [обработаешь],
а с полотном [тканьем] до весны промучаешься.

Работы начинаются еще с весенней пахоты. Полосу вспашут,
как только земля немножко обсохнет да немножко пропарится.
Очень сырую для льна пахать нельзя, сляжется. Овес, тот не
боится, а лен боится.

После вспашки земля немного постоит, чтобы обветрило и рых-
лее стала. Когда пообсохнет земля, нужно пробороновать. Если
песчаная земля, то ничего, а глинистую землю очень плохо сухую
бороновать. У нас поле в сторону Ломового было песчаное, а поле
в сторону Андрикова — сплошная глина.

На полосу как приедешь бороновать, то сперва нужно крест-
накрест бороновать. Это очень трудно. Если лошади упрямы, то за
упряжку руки оттянет, свербеть будут. Крест-накрест бороновать —
надо сначала поперек, а потом вдоль следа ездить, это и есть боро-
нование крест-накрест. В конце полосы запряжешь лошадей в бо-
роны, начнешь ездить. Если не очень ровная пахота, то сперва еще
обрушиваешь. В один след ('в один зуб') пробороновать прямо,
вдоль борозд прогоняешь, а потом только начинаешь крест-накрест
бороновать. А обрушивать нужно для того, чтобы пласта́ обратно
не опрокидывать, чтобы стерня оставалась внизу, а не опрокиды-
вался [пласт] вверх стерней торчать.

После обрушивания начинаешь с конца полосы, хоть с какой
межи, и едешь к другой меже, а от той межи опять к первой меже,
а отсюда опять ко второй меже, и этак до другого конца [полосы].
След борон будет змейкой. В конце [поля] лошадей повернешь.
Теперь начнешь гонять поперек следов первого гона. У тебя след
борон будет этак как цепочкой. Опять в конце повернешь и пой-
дешь теперь гнать рядом с первым следом, а с другого конца пой-
дешь рядом с другим следом. Если полоса широкая, то еще и
третий раз проедешь, обрушишь все огрешки, которые остались,
куда бороны не достали. Лошадей мотаешь из стороны в сторону,
руки начинают ныть, да и лошадям надоест шататься [из стороны
в сторону].

Пробороновав крест-накрест, опять начинаешь гонять прямо.
Начнешь от одной межи да до другой, чтобы огрехов не оставалось.
Если хорошая, мягкая земля, то на два следа прогоняешь и хватит,
можно ее [полосу] засеять. А если потверже, то и в три, и в четыре
следа прогонишь. После боронования все корешочки на поверхность
поднимутся. Борона их все соберет, лишь изредка борону прижой-
нимай, когда много наберется. В кучку их, корешки, все на межу
положишь, там сгниют. После боронования земля становится мяг-
кой, чистой. Борона идет, как по воде: от зубьев земля, как вода,
течет. Тут посеешь льносемя. Сеют мужчины. Женщины боронят.
После сева еще в два следа прогоняешь, пусть растет. Если семя
чистое, то при такой обработке лен будет чистый, сорняк не растет.

Лен сеют, если кому нужно получше волокно, то погуще, а если побольше [льняного] масла, то пореже. Густой лен волокнистее, волокно будет мягче. Из более редкого — семян да головок, в этом больше головок, бронистее, а волокно не такое уже будет. Тощая земля — то и из редкого льна волокно хорошее будет, лишь меньше, а в жирную землю нужно очень густо сеять, вдвойне. Да это и выгоднее. Лен до пояса, вытеребишь, так бабка на бабке. Льна [волокна] будет много, хорошего. А лен у нас всегда в цене. Да ведь от льна только и деньги. От чего другого возьмешь? Корзинки [муж] делает зимой. Да много ли от корзинок возьмешь? Все базары объездишь, а когда как привезут несколько возов, сразу цена упадет, покупателей мало, половину обратно домой привезешь. А от льна на год деньги. Бывало, и на тридцать продавали. Налоги ('подати') уплатишь, долги раздашь да и себе немножко останется. К праздникам нужен был и сахар, и крупы, и пшеничного маленько. Были расходы.

Когда лен посеешь, то забота с шеи до осени. Хорошее лето — то вырастет. Когда вокруг спаса [29.VIII], когда к богородице [21.IX] лен вытеребишь. Когда и к якимову дню [10.X] останется. А теребить нужно, когда перо [листочки льна] начинает осыпаться. Бабки поставишь сохнуть. Когда бабки хорошо высохнут, привезешь их в гумно. Сразу начнешь и околачивать.

А околачивают по-разному. Кто и цепом молотит. Легче о камень бить либо колотушкой, валком колотить. Валком и ребятишки бьют, а сами мы о камень колотили. Из поля как свезешь лен, бабки, так сложишь в скирду в гумне, к задней стене. В самом гумне, под крышей, чтобы не намочило. Он и тумана боится, сырой хуже околачивается, тяжелее. На улице околоченное сложишь, а не околоченный лен в гумне.

Вот поставишь козлы на пол, в козлы клином закрепишь гребень [драчку]. У кого коли железный гребень, то железный, а коли у кого деревянный, то деревянный. Не у всех железные гребни, есть и деревянные, целиком деревянные. А в железном деревянная лишь доска, а зубья железные, кованые, они, как гвозди, сквозь доску вколочены. Он на вид как гребешок. На козлы туда, к гребню, положить камни, гладкие плитки, да еще колотушки [валки] приготовишь рядом, и начнешь околачивать.

А околачивают так: принесешь из скирды кучку льна, бабки три-четыре, положишь на пол около себя. Станешь за козлы против плиты и гребня, возьмешь снопик и начнешь о камень бить. Если не все головки отделятся, то поколотишь колотушкой, а потом прочешешь в гребень. Снопик останется чистенький, ни одной головки не останется. Этот снопик в сторону. Другой возьмешь — и тот околотишь. Да этак все. Руки эта работа отобьет. А когда яровые еще не все сжаты, то и по ночам околачиваешь, а днем жнешь.

В гребне которая соломка останется, так [это называется] отребьем (или веретьем). Из отребья [получается] только пакля.

Из-под козел головки нужно молотить, потом провеять. После всяшня просеивают на сите перед воротами [гумна], перед теми воротами, в которые дует ветер. После просеивания на сите [кладут] в меру да в мешок, а затем в амбар. Головки убирают в сарай на пол либо в корзины, а околоченный лен свяжешь в тукачи [большие снопы] соломенными связлами да [повезешь] на луг, в овимое поле да в Прогон [название поля].

На лугу лен расстелешь тоненько. От снопов перевязи положишь отдельно, вместе с отребьем. Они тоже на паклю [пойдут]. Теперь лен на лугу: смотри, не подняло бы ветром. На стлище лен лежит недели три или четыре и дольше, в зависимости от рос да дождей. Потом начнешь смотреть, как поспевает. Коли днем сухой лен будет уже ломаться и волокно отделяться от соломки, то возьмишь на пробу. Пробный пучок ('пробу') на печи высушишь, мнешь и смотришь, готов ли лен уже. Если кострика хорошо отделяется и волокно мягкое, то лен уже готов, надо поднимать [со стлища]. Только за один раз не угадаешь, несколько раз берешь пробу; опасешься ('боишься'), не испортить бы. Когда уже совсем готов, пойдешь поднимать. Если погода ('погоды') хорошая, то быстро [со стлища] поднимаешь да сразу и в ригу. А если пойдут дожди, то [они] помучают. Дольше, чем положено, ('лишнее') на лугу держать нельзя: ослабнет лен, [волокно] будет не прочное, в паклю много уйдет, да и цена на лен будет меньше, меньше дадут. А совсем мокрый лен в ригу ведь не посадишь, распарится. На лугу лен поднимаешь в конусочки, весь лен поставишь ('поднимаешь') конусками и ждешь, когда ветром обдует. Если хоть на недолго ('на одну упряжки') прекратится дождь, то лен пообсохнет, и тогда всем надо вязать. В тукачи свяжешь да и в ригу, если окажутся ('есть') свободные риги. А если свободных риг нет, то в скирду сложишь. По несколько риг [льна] редко у кого бывает, поэтому лен мнут быстро, не надолго остается в скирде. В скирде ведь долго держать нельзя, лен портится, разотрывается, слабеет.

Как ригу насадишь, сырой лен надо посвободнее [сажать], да высушишь, так и начнешь мять. Раньше одноручными мялками мяли, так подолгу приходилось мять, да еще пропускать в бросновку надо было, а теперь машинами [двуручная мялка с зубчатыми валами], быстро ригу намнут, да прямо в трепало, не нужно и в бросновку пропускать. Теперь уже эти бросновки исчезли, нет ни у кого бросновок. Да и одноручные мялки на козлах, если у кого и есть, то на них лишь пробую мять.

На машине мнут вчетвером, а пятый — мальчишка или девчонка — горсти подает. Двое мнут, за вал ('ручки машины') вертят, а двое стоят: один горсти кладет [в машину], а другой их берет, поправляет горсти. Из расчета по пятку или по полрда [насаженных колосников], по половине парных колосников мнут один ('ты'), а затем другие смеют их. Те будут мять, а другие — горсти

подавать да принимать ('брать'). Так всю ригу [намнут]. Половину риги намнут да пойдут кушать. При мятье кормят хорошо, как в праздник, работа тяжелая.

Как начнут мять [насадку риги], так полное гумно женщин придет [на помощь]. Соседки-женщины приходят трепать. До этого и сговориться. Сами напрашиваются [на помощь] трепать. Кто сколько натрепал, то после ты ей столько же натреплешь. Сразу после мятья лучше трепать, легче кострика отделяется. А как остынет да чуть отсыреет лен, то тяжело и трепать. Поэтому лен надо тепленьким и трепать. При мятье полное гумно народу, весело работать, только сильно пыль мешает ('давит').

Когда лен потрепан, кладешь его в избу, в угол сложишь, в кучу. Ждешь покупателя. Сколько пядков нужно себе — отберешь и прочешешь. Для чески лучшее отберешь, чтобы [волокно] было подлиннее да помягче. Для этой работы ('чесать') освободишься уже после покрова (14.X). Чешешь [лен] в бане. Если много чесальщиц придет, так [в бане] и дышать нечем. Днем договоришься, в чьей бане будешь чесать. Баню истопишь [и следишь], чтобы не было угара. Приготовишь скамейки, коптилку [лампу]. После ужина возьмешь гребень да льна [в охапку] и идешь в баню чесать. Страшно в бане сидеть. Если же чесальщиц много, то лучше, а если только двое-трое, то боязно. Да коли еще разговоры пойдут страшные ('плохие') или о покойниках, то от каждого шороха вздрагиваешь. Еще и парни эти пугают. Если же в бане человек пять-шесть, полная баня, то лучше, только очень много пыли.

Гребни эти разные бывают. Сперва в железный гребень [или чесалку] пропустишь, который пореже. Потом в более частый, а после этого щетинной щеткой чешешь.

— Так, какие гребни бывают? Гребни у всех одинаковые, лишь у кого постарее, у кого поновее, у кого почаще или пореже. Я не знаю, как делают железные гребни. Вколотят гвозди [в доску] — вот и гребень. Есть тонкая дощечка, как прялка, на которой сидишь. В другой конец вколочена вверх концом ножка, низенькая, а к ней приколочена другая дощечка. Небольшая. Насквозь железные гвозди приколочены, они сквозь дощечку выходят, на полпальца выступают. Расстояние ('по частоте') друг от друга — палец свободно проходит. Такой же частый и гребень, только дощечка поменьше, в которой гвозди, да и гвозди — драночные гвозди, они прибиты друг к другу почаще, палец не пролезет [между ними]. А щетинная щетка сделана из свиной щетины. Видела, как делают, да и сама умею чинить, если испортится: ручка сломается или расколется. Еловой смолой надо заливать. Она вся серкой залита, в широком конце только кончики щетины не залиты, торчком стоят.

Когда щетинной щеткой чешешь, то горсть льна держишь в левой руке, а щетку в правой. Горсть держишь высоко за один конец, а щеткой чешешь сверху вниз. Затем конец горсти переменяешь.

После расчески от горсти останется лишь тоненькая горсточка, чистая, ни одной кострички нет, волокно к волокну. Десять горсточек после расчески щетинной щеткой свернешь в пучок [или початок]. Лучшее полотно то, которое соткано из льна, расчесанного щетинной щеткой.

При ческе нет пакли. Пакля [получается], когда треплешь [леи], то, что под трепалом остается, да от отребья повытрясешь. А при ческе уже получаютя пачесы, куделя, чистая куделя та, что после расчески на щетинной щетке остается. Пачесы, куделю и чистую куделю в бане, при ческе, свернешь в куклы. Вот когда соберутся чесать в бане озорные женщины да девушки, они соберут по кукле кудели от всех [присутствующих] и пошлют кого-нибудь в Трофимково с этими куклами льна. В Трофимкове был бараночник. Он свешает куклы, оценит, сколько стоят, и на них даст баранок. Принесет в баню баранки — и начнется пир горой ('пир пиром') у нас там. Утром придешь домой, так и кушать не хочется. А мужа не знают, им [обо всем] не скажешь. Ночью куклы отнесешь [к бараночнику], ночью баранки принесешь да ночью и съешь. Баловались, бывало, женщины да девушки. Больше девушки, девичьи выдумки эти были. [Иначе] когда ('в другое время') и поешь баранок! Давнишнее это время, теперь не так.

Работа со льном ческой не кончается. Все куклы и пучки [или початки] нужно спрясть, соткать, только тогда полотно получится. До полотна еще много времени и забот [положишь].

Полотна надо много, потолкаше и потоньше [полотно] нужно. Из куделей, расчесанных железным гребнем, нарядеше ниток потолкаше. Из них наткешь половиков, [полотно на] мешки, портянки, [полотна для] дельничек. Которые потоньше нитки, те наткешь для портов, рубах, будничных женских рубашек, постельников. Постельники да будничную одежду соткешь из ниток, которые спрядены из льна, расчесанного железным гребнем. Такое [волокно] лучше кудели и пачесей. А самое тонкое полотно соткешь из льна, расчесанного щетинной щеткой, из початков [пучков].

Теперь ни черта ('кобылей задницы') не умеют делать, прости господи! Девки, как жеребята, бегают на вечеринки. А раньше зиму напролет пряли. До великого поста прядешь, а потом, как пост наступил, — налаживай основы. Раньше ведь детям — девочкам — [еще] десяти лет не исполнилось, а уже прясть сажаешь, учишь. Сперва этак утók прядет, а потом научится — да и для основы прясть будет. Без учения никто сразу не начинает. Ребенком начинаешь да до самой старости все и прядешь. Уже и голова трясется, а от прялки не отделаешься ('освободишься'). Щепотки [концы пальцев] зарубеют, так тонко не можешь прясть, а запускаешь потолкаше, поглубе, так только рука ходит, как прядешь. О, у женщин работы да забот больше [было]! Попозже и [спать] ляжешь, да пораньше встанешь. У мужчин работы будто бы и потяжелее, а спит побольше. А у нас, [женщин], ни летом, ни зимой

нет покоя. Да зимой еще меньше спишь, коли семья да малые дети. С семьей некогда спать. Третьи петухи пропоют — надо уже печь затопить. Приготовишь кушать, скотину накормишь, напоишь, избу приберешь, ненадолго сядешь за прялку — уже и обед подоспеет. Пообедав, опять немножко попрядешь, уже, смотришь, надо вечернюю уборку [на дворе] делать. Поужинав, снова садишься за прялку да до петухов сидишь. Немножко прикорнешь — опять уже и надо вставать.

Нитки спрядешь, смотаешь на мотовиле, мотки намочишь. В мочке удержишь несколько дней, чтобы суровень отошел. Потом те мотки вымоешь, высушишь, продергаешь на гвозде [оттянешь скрутившиеся нити]. Продергав, навьешь с воробов на тюррики. Для каких кросен нужно крашеное полотно, то [нити] покрасишь. Ну, красишь в краске. Ходили торговцы с краской. Если хорошая краска попадетя, то на моток нужен один пакетик. Когда не было краски, то красили и шишками. Красят [материю] и шишками, ольховой корой, березовой корой. В шишки коли еще железа прибавишь, то получится эта черная краска, как сажа ('затычка') черная. Эта краска и шерстяные нитки хорошо красит. Ничем не отмоешь ('возьмешь'), не линяет.

На тюррики как только мотки намотаешь, будешь навивать основу. На навивальный стан навьешь основу, а потом начнешь основу навивать на колоду. Навиваешь на колоду ткацкого стана. При навивании надо смотреть да и смотреть. Прежде чем навивать, берешь в бёрдо, вложишь лучинки [две гладкие линейки], основу завернешь сперва вокруг пришивы, потом снизу пропустишь кругом переклады стана и опять проведешь ниже пришивы, потом в колоду [ткацкого стана] проведешь. Одна держит руками основу да тихонько отпускает, а другая начинает навивать колоду. На колоду нужно ровно навивать, одинаково по всей [колоде], чтобы не ослаб край или середина при тканье. Когда бывает плохо навито на колоду, то при тканье край ослабнет, отвисает. На этот край нужно добавлять утка, уток пропускаешь лишь до середины основы или даже меньше, только на краешек, и ведешь обратно. Так подравниваешь полотно. На колоду под нитки кладешь лучинки ('щепочки'), где ослабла основа. Лучинки укрепишь, ими затянет [основу].

Когда колоду навьешь до конца, то бёрдо снимешь, а лучинки оставишь, лучинки тут и останутся. Сперва нить основы возьмешь в нитченки, во все, сколько есть, на скольких будешь ткать. Потом опять в бёрдо: в восьминник, десятичник или двенадцатинник, [смотри] что будешь ткать. При навивании [имеется] другое бёрдо, похуже. На пришиву как прикрепишь, то уже можно начать ткать.

Для утка нитки также навиты на тюррики. С тюрриков накрутишь цевки.. Это делаешь ('насучишь') на сучилке. Цевки берестяные, из бересты сделаны, у других были и из синей бумаги из-под сахар-

ных головок. Берестяные цевки лучше. Только не ленись вовремя сделать их. Об этом нужно летом позаботиться, пока береста отдирается. У нас цевки были еще с бабушкиных времен. Что им делается! Только при наматывании нужно мотать в противоположном направлении [против того, как свернута цевка], чтобы при тканье оборот цевки был бы по ходу нитки. Тогда при тканье цевки не задираются. Коли толковая мать, то тебе все с малых лет и укажет, всему научит.

Ткут различное полотно. Для портянок полотно ткешь на двух нитченках, [тоже] для дельничек, рубах, портков, нижних женских рубашек. Полотно в елочку ткешь на четырех нитченках: для мешков, матрацев. Тонкое полотно на четыре нитченки ткут для полотенец, ткут и на восемь нитченков полотенца, скатерти, кто что умеет. На восемь да больше нитченков не всякая женщина может ткать. Если ткать полотно в клетку, надо знать, на какие лыжи, в какой последовательности наступать. В одной последовательности наступаешь на них — одни клетки получатся, в другой — другие. Клетчатое полотно ткут красивое. Скатерти еще и с бумагой [на хлопчатобумажных нитках] ткут. Ее надо покупать. Бумага идет только на уток.

Коли весь день подряд сидеть, то за день потолще полотна стену с лишним можно наткать слегка, а тонкого полотна столько наткать не сможешь. Очень ловкая ткачиха должна быть, — чтобы стену тонкого полотна наткать, клетчатого.

Мотание, снование кросен да тканье — весь великий пост и пройдет. На страстную [неделю] не оставишь тканья, избы надо мыть, потолки, стены, [белье] бучить, убираться. А там уже и весна, полевые работы подходят. Наткешь полотна — их нужно выбелить. Белые, некрашенные полотна, надо опять мочить. В мочке держишь, суровень отойдет — надо золить. После золки прополощешь да на снег, коли еще есть снег. А если на снег не успеешь [разостлать], то на лужок. Солнцем да росами хорошо выбелит. Почти до сенокоса на лужайке держишь. Вечером соберешь, а утром опять расстелешь. Этак каждый день, всю весну. Полотна выбелятся, станут мягкими. Для мешков полотен не белишь, а остальное все выбелишь. Без малого год надо работать, пока одежду сошьешь.

А для шитья та же нитка. Только если потом полотно шить, то нитку нужно пряхть очень тонко. Ведь ее еще нужно ссучить. Сученой ниткой шьют. А потолще ссучи — то и в иголку не вденешь, иголка для такой нитки нужна как оглобля, народ будет смеяться. Для нитки, которой шьешь, лучший лен оставляешь, спрядешь тоненько, ровненько, чтобы не было бугорков [утолщений]. С бугорками нитку в иголку не вденешь.

А еще что? Все рассказала. Может, что и забыла, так как давно уже не ткem. Теперь ведь ткут только половики да портянки, дельнички, остальное все у нас покупное. Теперь ведь молодым в свое

домотканое и одеваться совестно. Нужен сатин да шелк. А раньше шелка лишь у редкой девушки были, из очень богатого дома. Да и то на всю жизнь одно платье было.

Волкова Василиса Ефремовна. Записал А. А. Беляков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 187—188.

№ 67. [palavan juablokan süöjä]

iell'ä, poigan, naizet ruattih äijän. kaikki kodiruavot naine ruado, kaikkie peldoruadoloida ruado. a mi pelvasta pid'i viduo, harjata, kezrät'ä, kuduol' a lapset min igiä otettih! en muissa, kuna vuodena, jo äijä aigua on siid'ä suat, vidno kazanskoiloin ümbäri [4. XI] ol'i, jo harjaimma. çais mikin kül'üssä harjaimma. kävümä toko: vasso-t'ota, mikisihä, luaseisihamiinna da mie. nu konža kedä muida tulow mies, einin kaksi, a periä müö pid'imä. mikisihäl'l'ä sinä sügüzünä ol'i imijä lapsi. i lapsi že ebävoimie, mi ollow l'äzijä. nais-rukka sih mänöh äijäl'd'i ol'i pahostunnun. a ruadua pid'i, harjuamizie et jät'ä toizeh vuodeh.

harjuamma seiniin kerran, kaikin iäništ'ümä, nukumma. mikisihä počki ünnäh maguaw, a käzi nagol'i ruadaw. ka kuin kerdah ravahtaw da voivottamah. müö kaikin pöll'äštümä: „mid'ä že seiniin, kuin sie?“. kačomma, mikisihäl'd'ä sormiloista vefi t'ippuw.

„a niin, šanow, uinoin. uinoin i unissa niän, kuiçgi olen ma- moissa gošt'issa. murginoicemma. pandih žuařittuo juablokkua. mie seinie koppain näpil'l'ä da ka rawdaharjah sormet i süd'ain“.

ka kuin pid'i naizellä ruadua!

№ 67. [Посла горячей картошки]

Прежде, сынок, женщины работали много. Все домашние работы делала женщина, всякие полевые работы выполняла. А сколько льна нужно было трепать, чесать, прясть, ткать! А дети сколько жизни сокращали (веку брали)! Не помню, в каком году, уже много времени с тех пор, видно, около казанской [4. XI] было, уже чесали [лен]. Кажется, в бане Никиты чесали. Ходили обычно: тетка Василиса, жена Никиты, Власыха — невестка да я. Ну, когда [еще] других человек-другой придет, а главные мы были (правили мы). У жены Никиты в ту осень был грудной ребенок. И ребенок-то хилый, какой-то болезненный. Бедная женщина в ту пору сильно похудела. А работать надо было, чёски на другой год не оставишь.

Чешем однажды вот так, все умолкли, дремлем. Никитиха почти совсем спит, а рукой все работает. Вот как вдруг вскрикнет и давай выть ('ойкать'). Мы все испугались: «Что это ты, что с тобой?». Смотрим, у Никитихи из пальцев кровь капает.

«А так, — говорит, — уснула. Уснула и во сне вижу, будто захожусь у мамы в гостях. Обедаем. Поставили жареную картошку. Я как пальцами ('щепоткой') схватила — да вот в железный гробень пальцы и сунула».

Так вот как нужно было работать женщине!

Волкова Василиса Ефремовна. Записал А. А. Беляков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, л. 185).

№ 68. [voin kolawttaja]

ol'i i toiñe muoñe azie. ääis' muissat ogru'totua? ka hiän kerran istuoçi kuoretta kolawttamah. kolawttaw kuoretta, a kuore mid'ä ollow ei mäne. nu istuw i kolawttaw. kolawtti, kolawtti dai ñukkewdu, vöit šanuo, ünnäh uinoi. i ñägöw, buitto t'ipazie süöt't'äw. t'ipazet ñe ñokitah, kana klukettaw (a ičego härkin puan randoih kolajaw). jäi viel'ä vähäñe ruogua da duwmaiččow: lop-pietah. l'äksi kod'ih. vain tul'i oven luoh, kaččow: vieraš kana tul'i kartalla i emän ajo. hiän kuin mögähtäw: „ki-iš!“. da kuin härkimen hel'ähütt'äw kiwguan oččah. havaštuaci, ga kanua ew, a kiwguan očča ünnäh kuofiešša i härkin lattiella kalajaw.

№ 68. [Сбивающая масло]

Был и другой такой случай. Наверно, помнишь тетку Агрипину? Вот она один раз села масло ('сметану') сбивать. Бьет сметану, а сметана что-то не сбивается. Ну, сидит и бьет. Била, била да и задремала, можно сказать — совсем заснула. И видит, будто цыплят кормит. Цыплята те клюют, курица квохчет (а это мутовка о края горшка стучит). Осталось еще немножко корма, и думает: кончат [клевать]. Пошла домой. Только подошла к двери, смотрит: чужая курица пришла к корыту и молодку [квочку] отогнала. Она как крикнет: «ки-ишь!». Да как мутовку швырнет в чело печи. Очнулась, а курицы-то нет, а чело все в сметане, и мутовка на полу валяется.

№ 69. oravoissa

oravua on huvä suaha, hüpel'ä ei pie, vain issu kandozella. pid'aw männä meccäh, stobi viel'ä ei zoriis. sid'ä päiviä vaš pid'aw val'lita mesta, missä on äijä oravan jäl'gie. tulet, missä enämbi jäl'gie, i val'licet kandozen. istuoče i vuota. vain hüvemmiin suořieče, kodva pid'aw istuo. kuin zavod'iw zorie, ruvetah oravat hüppel'ömäh. vain vähäzel'd'i valguow, hüö nowššah pežoloista i l'äht'iet'äh suömäh. šuwväh, kizatah toiņe toizerke, hüpel'l'äh meccia müöt'. a šie issu hil'lakkazeh i härvazeh coksuttele. ka hüö i tullah šiwn coksütandah. ammu, e'lä l'iiku. ammut, e'lä kosse, ana šiinä on, kuņi et l'ähe kod'ih. ühen ammut, kodvazekši piet'et'äh hüppel'ennän, šid'ä tuaš ruvetah hüppel'ömäh. tuaš coksuta i tuaš ammu. da seņiin, mi šiinä e'lät'tel'iečow, kaikki voit coksuttua. issut, issut, jo hüviin valguow, enämbi ei kuwlu coksuttamassa, ei nävü hüppel'ömässä, nowžet kandozelda, keřiät tapetut oravat i kod'ih. ennen murginua i koissa.

№ 69. За белками

Белок хорошо ловить, бегать за ними не надо, только посиживай на пенечке. Нужно пойти в лес, чтобы еще не было зари (не зорило'). Накануне того дня надо выбрать место, где много белчьих следов. Придешь, где больше следов, и выберешь пенёк. Садись и жди. Только получше [теплее] оденься, долго надо ждать. Как начнет светать, начнут белки бегать. Только немножко посветлеет, они поднимутся из гнезд и пойдут кормиться. Кормятся, играют друг с другом, бегают по лесу. А ты сиди тихонько и изредка чокай. Вот они и придут на твоё чоканье. Стреляй, не шевелись. Застрелил — не трогай, пусть тут и лежит (есть'), пока не пойдешь домой. Одну застрелил — ненадолго прекратят беготню, потом опять начнут бегать. Опять чокай и опять стреляй. Да так, сколько тут водится (проживает'), всех можно укокошить. Сидишь, сидишь, уже хорошо рассветет, больше не слышно [беличьего] чоканья, не видно, чтобы бежали, встанешь с пенька, соберешь настреляных белок — и домой. Раньше обеда и дома.

№ 70. okruženjassa

silloin müö toraimma viel'ä omalla puolla. komandovanja miät t'üönd'i razvetkah, kuin šantah, „v razvetku z bojem“. l'äksi meid'ä ünnäh zvoda. müö seisoma mečässä, a ol'i käskiet't'u ottua kül'ä, zaimie kül'ä. kül'ä ol'i virsan kolmen piässä mečästä. kül'ässä šiinä issuttih nemčat, nemčoilla ol'i otettu že kül'ä. žen kül'an taguana toizissa kül'issä tože jo nemčat oldih. meil'ä pid'i t'ijjuštua: äijägo heid'ä on, kuin ollah voružittu, oγgo heil'ä tankua. müö l'aksimä aivoin huomneksella, viel'ä ei zavod'in päivä vallota. ed'izeh aštuma jäl'lekkäzeh tuhjozin taguačči, a šid'ä, konžä, puašna l'ieni, l'evenimä rozno i rubeimma eist'ümäh hüpät'en ükšit'tiän. kül'an l'ässä ol'i issutettu juablokka. mie ol'iin enzimäzinä. en kerrin vähäst'ä doid'ie zvolih, kuin nemča miät dogad'i i rubei pul'emotjsta cabawttamah. miän brihat ei piet'üt't'u: to üksi hüpäh-t'äw, to toine, to kolmas — nagol'i ed'izeh männäh. no vain eiššimmä hil'l'ah, äijäl'leh ei voi kerdah hüpät'ä. mie jo ol'iin zvolijissa počki kül'ia vaš, kuin kuwluššiin komandan: „nazat, tankil“. ket müöst'iačēt't'ih taguah, ket kunne, a tankat jo meil'd'ä dorogua meččäh katatah. mid'ä ruadua? männä tankoih käziin, nin tolkuo vähä. veñün vavon pohjašša da vain zvolazii iččien piäl'l'ä tukkuon. a boju jo eist'uw meččäh. t'äl'd'ä viel'ä nemečkoit tankat tullah, pehotta jäl'lešt'i mänöw, suwri vägi keräwd'ü heid'ä. mid'ä ruadua? jäin okruženjah. kodvin tuačči kačon — nemčoida l'ässä jo ei nävu. rubein hil'l'akkazeh hoičkät'el'ömäh. ümbari ruvettin niinze hil'l'akkazeh brihat iänd'ä andamah. kolmetoista miestä keräwd'ü. a zvolijista emmä ruohi nowšša. rešimä veñüö üöh šuat. pit'kä päivä ol'i veñüt'tävä. nu, šiinä müö moneh hajuh hüvän duwman duwmaiččima. omie tavottamah l'äht'ie, nin emmä t'ijjä ed'ähgo hiät nemča peräwt'ti. kolmetoista miestä frontua et katkua t'ied'ämätt'ä, a müö duwmaiččima — kodva „ruadua“ t'äl'l'ä puo frontua, nemčan tjlussa. tuli üö, keräwd'ümä müö üht'eh tukkuzeh, kačomma, oγgo äijä meil'ä zapuastua. l'ow'd'ü kel'l'ä vintowhka, kel'l'ä awftomatta. ol'i i granuattua. l'aksimä suarimah nemčan tjlussa. kuwda kaksi müö „nökkima“ nemčua tjlussa. a konža meil'ä keräwd'ü suwri otruada, frontasta l'äbi prorviečima omin luoh.

äijän müö sih mänöh „ruadoma“ tjlussa. ruvetah nemčat muis-tamah, kuin pid'aw okruzie. okruzinda heil'ä kal'l'is rod'ih.

№ 70. В окружении

Тогда мы дрались еще на своей стороне. Командование нас послало на разведку; как говорят, «в разведку с боем». Пошел нас целый взвод. Мы стояли в лесу, а было приказано взять деревню,

занять деревню. Деревня была версты за три от леса. В той деревне сидели немцы, немцами была захвачена та деревня. За той деревней в других деревнях тоже уже немцы были. Нам нужно было узнать: сколько их, как вооружены, есть ли у них танки. Мы пошли рано утром, еще не начинало светать. Сперва шли гуськом за кустиками, а потом, когда пашня пошла, разошлись врассыпную и стали продвигаться подиночке, перебежками. Около деревни была картошка посажена. Я был первым. Не успел немножко добежать до ботвы, как немец нас увидел и начал из пулемета сыпать.

Наши ребята не остановились: то один пробежит, то другой, то третий — все вперед идут. Но продвигаемся медленно, многим сразу нельзя бежать. Я был в ботве уже почти рядом с деревней, как услышал команду: «Назад, танки!». Кто повернул обратно, кто куда, а танки уже у нас дорогу в лес перерезали. Что делать? Идти на танки — так толку мало. Лежу на дне между бороздками да только ботву на себя пригибаю. А бой уже удаляется в лес. Отсюда еще немецкие танки идут, пехота сзади идет, большая сила собралась их. Что делать? Остался в окружении. Некоторое время спустя смотрю — немцев близко уже не видно. Стал потихоньку кричать ('хекать'). Кругом стали так же тихонько ребята отзываться. Тринадцать человек собралось. А из ботвы [мы] не смели подняться. Решили лежать до ночи. Долог день был лежать. Ну, тут мы на несколько умов хорошую думку надумали. Своих итти догонять — так не знаем, насколько далеко немец их попятил: тринадцать человек фронта не прорвешь, не зная обстановки. И мы надумали некоторое время тут «поработать» позади фронта, в тылу у немцев. Пришла ночь, собрались мы в одну кучку, смотрим, много ли у нас запасов. Нашлись — у кого винтовка, у кого автомат. Были и гранаты. Пошли шарить по немецкому тылу. Месяца два мы «клевали» немца в тылу. А когда нас собрался большой отряд, сквозь фронт прорвались к своим.

Много мы тогда «поработали» в тылу. Будут немцы помнить, как надо окружать. Окружение им дорого обошлось.

Смирнов Николай Николаевич, 35 лет, дер. Курган Лихославльского района. Записал А. А. Беяков, 1946 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 68—71).

№ 71. tankoin västuaanda

vojuiciin mie äijän. äijän i rawdua kolot'ittih miwh. kaheksän oskolkua i nüt on miwssa, pikkarazie. ze nicevo, možot nowššah hil'akkazeh, a jalga ei spruaviece. l'iew dubinazeŋke kävel'ä.

i t'ämä nicevo, kävel'l'äh i kost'el'iloir'ke. zato i nemčalla annoin ägied'ä.

mie komanduiciin prot'ivotankovoilla orud'jalla. ennen sid'ä ol'iin minomoččikkana. minomoččikana pahembi, harvah konža niät äij'ango mid'ä ruavoit, ed'ähäd'ä ammut. a prot'ivotankovoista ammut i niät, kuin piet't'uw. a ei piet'ü, nin sid'äi kačo, sto pägeillä talluaw.

kerran šeizoma müö gorakulmazessa. ed'izesšä ei šuwrikkañe gorane, a taguana meččäne. miän orud'ja hawdazešša tuhjon taguana. meččäššä, meiš't'ä voittuan oigieh randah, oldih pehot'incat. nemča t'ieži, sto miän pehot'incat näill'ä paikoilla ollah, viel'ä šidä päiviä vaš hüö nastupaidih, da ottua ei šuannun. miän huavatih, sto ras pehotalla ottua ei šua, nin tankat t'üönnet'äh. vot müö varuziksi sih i šeizawduma, vuotamma „gošt'ie“. viikon vuottjma, äijän tabakkua poltjma vuottuassa, vdruk kuwlemma: jurissah gorazen taguana. tulla heil'ä ol'i ul'en udobno, goran taguada meil'ä heid'ä ambuo ei šua, a konža gorasta viijit, nin joi ambuo, duwmaijah, ei l'ie konža, ješ'li na polnom gazu furahuttua. hüö šeniin duwmaidih dai müö niinže duwmaiččima. niin hiän i viid'i. a mie ennen huavain, sto porasčotu ambuo t'äššä ew konža, pid'aw varuštuačie ambumah p'ramoi navotkoi. omilla salduatoilla vakušiin, štobi ruattaiš palavemma. hüviin ruattih! gulu l'ähenöw, lähenöw i ka toine toizella jäl'lešt'i virviečett'ih gorazen taguada kolme tankua, voittuan meiš't'ä šiiričči kohtj meččäzeh, missä pehotta ol'i. miän pehot'incoilla, naverno kawhie tul'i sih mänöh. meil'ä orud'ja ennen zafad'ittu, snafuadat varušetttu, štobi ostanowhkua ei oliiš. vuotella ew konža, šiinä ken ennät't'aw. kuin vain ozuttuačettih, ka mie i alloin heid'ä pukšuttua. ei kerit't'ü meččäh doid'ie, kuin nel'l'al'l'ä snafuadalla kaikki šibiin. nämä, duwmait, viel'ä ei kerit't'ü piet't'üö, a jäl'lešt'i viel'ä kolme halguaw. kaikkiedah naverno heil'ä int'ervalä ol'i puol'i virštua, vähiä enämbi. nämä viel'ä metrow nasto l'ähembiäh viijit't'ih i tuas voittuan meih kül'l'iin. mie i niid'ä napriin čabawttua. i ne ennen meččiä kaikki šibiin. en kerrin ammundua piet't'ia, ed'embiänä enzimäzie tankoida viel'ä kolme tankua viid'i. ühen i niist'ä virit'iin, a kaksi meččäh kočahettih. a šiel'ä ol'i prot'ivotankovoi ružja. ružjasta molemmat virit'et't'ih. üheksäštä ni üht'ä ei piäššün. a miwn dol'ah seiččimen. siid'ä bojušta i ord'enan miwla annettih.

№ 71. Встреча танков

Воевал я много, много и железа вколотили в меня. Восемь осколков и сейчас во мне, маленьких. Это ничего: может быть, поднимутся, выйдут потихоньку, а нога не поправится. Придется с палочкой ходить. И это ничего, ходят и с костылями. Зато и немцу [я] дал жару.

Я командовал противотанковым орудием. До этого был минометчиком. Минометчиком хуже, редко когда видишь, сколько чего наделал, издалека стреляешь. А из противотанкового стреляешь и видишь, как [танк] остановится. А не остановится, то того и гляди, что на ноги ('подъем ноги') наступит.

Раз стояли мы у бровки горы. Спереди небольшая горушка, а сзади лесочек. Наше орудие в ямке за кустом. В лесу, от нас вроде по правую сторону, были пехотинцы. Немец знал, что наша пехота находится на этих местах. Еще накануне того дня они наступали, да взять не смогли. Наши предполагали, что раз пехота взять не смогла, то теперь [немец] танки пошлет. Вот мы на этот случай тут и стали, ждем «гостей». Долго ждали, много табаку искурили ('сожгли') в ожидании. Вдруг слышим: грохочут за горкой. Идти им было очень удобно: из-за горки нам стрелять по ним нельзя, а когда из-за горки выйдут, так уже и стрелять, думают они, некогда нам будет, если на полном газу фурануть. Они так думали, да и мы так же думали. Так оно и вышло. А я раньше предполагал, что по расчету стрелять тут некогда, надо готовиться стрелять прямой наводкой. Своим солдатам наказал, чтобы работали горячее. Хорошо работали! Гул приближается, приближается — и вот один за другим вырвались из-за горки три танка, как бы вроде мимо нас, прямо в лесок, где была пехота. Нашим пехотинцам, наверно, жутковато пришлось в то время. У нас орудие заранее заряжено, снаряды приготовлены, чтобы задержки ('остановки') не было. Ждать некогда, тут кто кого опередит. Как только показались [танки], вот я и начал по ним ('их') бабахать. Не успели в лесок дойти, как четырьмя снарядами всех сшиб. Эти, думаешь, еще и остановиться не успели, а следом еще три [танка] чешет. Всего между ними интервал, наверно, был полверсты, не больше. Эти еще метров на сто ближе вышли, и опять вроде к нам боком. Я и по ним ('их') начал сыпать. И не успели доехать до лесочка ('раньше леска') — всех подшиб. Не успел кончить стрельбы — подальше от первых танков еще три танка вышло. Один из тех танков я зажег, а два [других] выскочили в лесок. А там было противотанковое ружье. Из ружья оба [танка] подожгли. Из девяти ни один не ушел. А на мою долю семь [подбитых танков]. За этот бой и орден мне дали.

Баранова Василиса Яковлевна, 31 год, дер. Кировка (h o m i ä g ä) Лихославльского района. Записал А. А. Беляков, 1936 г. (АКФ, ф. 1, оп. 30, ед. хр. 16, лл. 100—105).

№ 72. kaksi pakasta

konzollow ammuzena aigana rowno keskitalvella kävell'äh awgieda pal'asta pelduo müöt' kaksi vell'estä, kaksi pakast'a. hill'akkazeh assutah, jalga jallalda tallual'tah, toine toizeyke paisah, besowduijah. ükski pakkañe sanow toizella: „ruskieñeñä vell'i, kuin oliis meil'ä vesel'iecl'd'ä, ked'ä ni olgah pureldua, kül'mätt'ä?“.

toine pakkañe, siniñeñeñä, sanow: „kuin ked'ä kül'mätt'ä, nin ei pie awgiella pellolla kävell'ä. pellot ollah t'ühjät, dorogat ummet, pöwrüt't'u, ni ken ei assu, ni aja. pid'aw männä meččäh, siel'ä ajajua vähembi, nin ruadajua on. niyke voit kizata“.

hüpät'äh pakkazet meččäh, jäl'est'i heil'ä lumi kazattuw, iessä puwt racketah, näfiet halgiel'tah, racketah, lumi kriičkuw. ka kuwlussettih üht'äl'l'ä päin kelloñe kel'äjaw, toizualla päin regi rämäjaw. kacotah: kelloziyke bajari ajaw, rejell'ä muzikka halgoh ajaw. ruvettih. duwmaimah, sum'aimah: kell'ä kumbazeh männä, kumbazeyke kizata, kell'ä kuminast'a kül'mätt'ä. ruskieñeñä pakkañe oli nuorembi i sanow: „miwla pid'äis muzikkua tavottua, muzikkua kül'mätt'ä. hiän on pahoin suoriecennun, cunat jallassa, paikattu turkiñe piäl'l'ä, l'äpäkkañe suapkañe piässä, lowkokkahat alazet kiässä. tuan mie väliämme kül'mätt'äziin. a sie kuin olet vanhemi da vägöwembi, nin ota bajari kül'mätt'ä. bajarie miwla ei sua voittoa, hiän on hüviin, lämbimäh suoriecen: korvikko suapka piässä, tuluppa piäl'l'ä, t'opluhat jallassa, kondjen nahkalla kattuačennun. tuayke i siwla tulow pizüö, ota sie bajari“.

muhahti sin'inenä pakkañe, sanow: „hüvä, olgah niin, kuin sie tahot. mäne muzikkah, a mie, takibit', l'ähen bajarih. kuin kül'mätt'ämmä, nin illalla waštuacemma, sanelemma, kummašt'a kuin jügie oli kül'mätt'ä, kumbañe suwrengo ruavon kumbazella ando, kumbazella heist'ä viikoγgo lämmin oli, väliäγgo kumbañe kül'mi. jia t'erweheksi, vell'i!“. „jia t'erweheksi i sie!“ — sanow ruskieñeñä pakkañe.

kriičkahettih, rackahettih, l'äht'iet'tih hüppiämäh: ükski bajarilla jäl'est'i, a toine muzikalla jäl'es'ti.

tul'i ilda. tullah pakkazet pellolla: missä vilumbi, siel'ä heil'ä parembi, miel'ehembi. vanhemi, siniñeñä, tulow vessel'ä, karraten, vihel'del'ow, rackahtelow. a nuorembi, ruskieñeñä, nasul'i astuw, rambuaw, ohkaw, hill'akkazeh hiivow. ühüt'tih hüö, ruvettih toine toizella šanelomah, ken ked'ä kuin kül'mätt'i. nuorembi i küzüw: „kuin sie, vell'izeni, tuayke pizuit, saigo hot' vähazel'd'i kül'mätt'ä? vet turkista, tulupašta da kondjen nahkašta l'äbi oli jügie probeñe. miwlai pahacčazeh suoriecen oli, a nasul'i eloh jäin. kuin sie, rawkka, voitjit bajarin?“.

a vanhemi pakkañe muhajaw: „oh, sie pakkañe-ruskieñeñä, nuori vielä olet i hajuo vähä. mie kuin bajaran tavotjin da turkin alla süd'iaçiin, da kuin rubein vilulla puromah da näpist'el'ömäh, nin bajari vain çihkaw. kügrist'ü kondien nahkan alla, ei l'ikahtua ruohi. hambahat hänel'l'ä kolissah, içe şinist'ü, jo i paissa ei şua, unnäh köb'eh'tü. kül'äh tul'i, pert'ih awtettih nowssa, içel'l'äh i aştuo ei şua. ei awttan hänel'l'ä ni turki, ni tuluppa, ni kondien nahka. kül'mi kägäräksi, turki i suapka härmäwvüt't'ih, ripcit jäwvüt't'ih — kaççuo ei şua. vessel'ä ol'i miwla kizawttua häñd'ä. ei kül'ia da l'ambimiä pert'ie, nin mie oizin kizawttan hänen. nu, a şiwñ aziet kuin? şiwla kebie ol'i mužikkua, kül'mät't'ia, kuin noin pahoin ol'i suoriecennun?“.

„el'ä pagize, vell'izeñi, sie çäis nagrať milma. çüt vain eloh jäin, niin, ol'iin puwttun. -popad'i kehno, kaikki luwt muřjo, kaikeksi panettel'i. tahoin kebiel'd'i kül'mät't'ia, a niin ol'i jügie, nin aştien higeh rabai, unnäh lamewtti“.

„newsto ei suannun kül'mät't'ia muzikkua? kuinbua niin?“ — küżüw vanhemi vell'i-pakkañe.

„a ka niin. l'äksiin mie mužikalla jäl'lest'i. heboñe hänel'l'ä hil'l'akkazeh hörskütt'aw, väl'ian tavottjin, en kerrin i palavoiduo. mäniin mie hänel'l'ä turkin alla, alaziñ, kuin opassiit. rubein pist'el'ömäh, näpist'el'ömäh, nahkua kuwvittelomah. a hiän hawkkuoçow, ičçied'äh kulakkoloilla l'üömäh rubei. mie ihassuin, nagraťaw: „väl'ian mie şiwñ proberin, meccäh ajat, a meçästä et piäzel“. ajo vähäzen dorogua miöt' meçässä, kiänd'i randah. mie duwmaiçen: „hajulda sego, pöll'äştü“. a hiän hebozen piet't'i, nowzi rejestä, otti kirvehen dai rubei halguo l'eikkuamah. mie ihassuin, turkin alla vielä väl'emi l'ieñi häñd'ä näpissel'l'ä, käzie, polviloida pureksie. a hiän vain rutomma kirvehel'l'ä l'üow, buittei kuwle milma. min enämmän l'eikkuaw, žen miwla ahtahemi, žen miwla pahemi, jo unnäh slabewvuin. hiän l'eikkuaw. höwrü turkin alla l'ieñi, a mie höwrüh l'äpeht'el'ieçen. kirboin turkista lumeh, a mužikka turkin lumellai loi. „nu, kuin ei suannun şilma ottua vilulla, duwmaiçen, nin mänen turkih, turkin kül'mät'an, a konža heit'ät l'eikkuannan, nin i şiwla tazuan“. mäniin turkih, höwrün ajoin, luwksi turkin kül'mät'iin, vuotan. loppi mužikka l'eikkuannan, tul'i, otti turkin, a turki ei l'ümmähä, kuin kaři. loi lumella, fat't'i dubinan da dubinalla turkkie kunne popad'iw rieħkimäh, mie jo pagoh valmiş, da şevoin villoih, kaikki luwt miwlda muřjo. l'üow da hawkkuoçow, l'üow da hawkkuoçow. sid'ä otti turkin, puissald'i, mie i kirboin. pañi turkin piäl'l'ä i l'äksi rejel'l'ä jäl'lest'i. a mie kuda kuiřgi awgieħ piäziin da t'äh gl'öntäin, kuin niist'ie. eris pid'aw mužikoista olla“.

№ 72. Два Мороза

Когда-то в давнее время, в самую середину зимы, ходят по чистому полю два брата, два Мороза. Тихонько идут, с ноги на ногу переступают, друг с другом разговаривают, беседуют. Один Мороз говорит другому: «Брат Красный нос, как бы нам повеселиться, кого-нибудь покусать, поморозить?».

Другой Мороз, Синий нос, говорит: «Коли кого морозить, то не нужно по открытому полю ходить. Поля пустые, дороги заметены, [снегом] занесены, никто не идет и не едет. Нужно идти в лес. Там едущих меньше, так рабочие есть. С ними можно поиграть».

Бегут Морозы в лес, а за ними сзади снег твердеет, впереди деревья трещат, ели трескаются, потрескивают, снег хрустит. Вот услышали: с одной стороны колокольчик звенит, с другой стороны дровни поскрипывают ('дребезжат'). Смотрят: с колокольчиками барин едет, на дровнях — мужик за дровами едет. Стали думать, решать: кому на которого идти, с которым поиграть, кому которого поморозить. Мороз Красный нос был помоложе и говорит: «Мне следовало бы мужика догнать, мужика поморозить. Он плохо одет, чуни на ногах, залатанный полушубочек на плечах, приплюснутая шапчонка на голове, дырявые рукавицы на руках. Его я скорее заморозил бы. А ты, коли старше да сильнее, так возмись заморозить барина. Барина мне не осилить, он хорошо, тепло одет: шапка-ушанка на голове, тулуп одет, валенки на ногах, медвежьей шкурой накрылся. С ним и тебе нелегко будет сладить, возьми ты барина».

Усмехнулся Мороз Синий нос, говорит: «Хорошо, пусть будет так, как ты хочешь. Иди на мужика, а я, так и быть, пойду на барина. Как заморозим, так вечером встретимся, порасскажем, которого труднее было морозить, который какую работу задал, которому из них дольше тепло было, который скорее замерз. Будь здоров, братец!» — «Оставайся и ты здоровым!» — говорит Мороз Красный нос.

Скрипнули, хрустнули, побежали: один за баринном, другой за мужиком.

Настал вечер. Приходят Морозы на поле: где холоднее, там им лучше, милее. Старший, Синий нос, идет веселый, приплясывая, посвистывает, потрескивает. А помоложе, Красный нос, еле идет, хромает, охает, тихонько бредет. Сошлись они, начали друг другу рассказывать, который кого как морозил. Младший и спрашивает: «Как ты, братец, с таким сладил, смог ли хоть немножко поморозить? Ведь сквозь шубу, тулуп да медвежью шкуру тяжело пробрать, у меня и плохонько одет был, а еле жив остался. Как ты, бедняга, осилил барина?».

А старший Мороз усмехается: «Ох ты, Мороз Красный нос, молод еще, и разума мало. Я как барина догнал, да под шубу за-

лез, да как начал холодом кусать да щипать, так барин только кряхтит. Съежился под медвежьей шкурой, шевельнуться не смеет. Зубы у него стучат, сам посинел, уж и говорить не может, совсем окоченел. В деревню приехал — подняться в избу помогли, сам и идти не может. Не помогли ему ни шуба, ни тулуп, ни медвежья шкура. Замерз, как катыш, шуба и шапка заиндевели, ресницы обледенели — смотреть не может. Весело мне было играть с ним. Не будь деревни да теплой избы, так я разыграл бы его. Ну, а твои дела как? Тебе легко было мужика морозить, коли так плохо был одет он?». — «И не говори, братец. Ты, наверно, смеешься надо мной. Чуть в живых остался, в такую передрагу попался. Попался черт, все кости помял, по-всякому честил. Я хотел легко заморозить, а так было тяжело, что даже пот прошиб, совсем ослаб». — «Неужели не смог заморозить мужика? Как же так?» — спрашивает старший брат-Мороз. «А вот так. Пошел я за мужиком. Лошадь у него тихонечко трусит, скоро догнал, не успел и разогреться. Вошел я ему под полушубок, в варежки, как ты учил, начал колоть, пощипывать, кожу стягивать. А он ругается, сам себя начал кулаками бить. Я обрадовался, смешно: „Скоро я тебя проберу; в лес едешь, а из лесу не выедешь“. Проехал он немножко по дороге в лесу, свернул в сторону. Я думаю: „С ума свихнулся, испугался“. А он лошадь остановил, поднялся из дровень, взял топор да и начал дрова рубить. Я обрадовался, под полушубком еще свободнее стало его щипать, руки и ноги ему кусать. А он лишь быстрее топором бьет, будто и не слышит меня. Чем больше рубит, тем мне становится теснее, тем мне хуже, уже совсем ослабел. Он рубит, пар под полушубком образовался, а я в пару задыхаюсь. Упал из полушубка в снег, а мужик полушубок на снег и бросил. „Ну, коли тебя не смог одолеть холодом, думаю, так войду в полушубок, полушубок заморожу, а когда перестанешь рубить, то и с тобой расквитаюсь“.

«Вошел в полушубок, пар согнал, полушубок заморозил, [и тот стал] как кость, жду. Кончил мужик рубить, пришел, взял полушубок, а полушубок не согнется — как палка. Бросил на снег, схватил дубину да дубиной по полушубку куда попало бить. Я уже бежать готов, да запутался в шерсти, все кости у меня помял. Бьет да ругается. Потом взял полушубок, встряхнул, я и выпал [оттуда]. [Он] одел полушубок на себя и пошел за возом. А я кое-как на чистое место добрался да сюда приковылял, как калека. Подальше от мужиков нужно быть».

Петров Иван Павлович, 50 лет. дер. Большое Платкое Лихославльского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1961 г. (Каб. зв., запись № 140/2).

№ 73.

mie sünnüin süwrella ploskoilla, l'ihoslavskoida rajionja. mie paimennan suwressa ploskoissa kümminennessä bfigiadassa... paimennan, ajamma huomneksella, nüt'ten hot'ten, vošmovo awgusta, päť časow huomnešta, illalla d'evät' časow. pellolla paimennamna šeičas, štjadia emmä lašše väl'läl'lä. ruogia poka on, l'ehmät l'üpset'äh hüviin... kezäl'lä mečäššä paimennamma, a nüt'ten ka peldoloilla viid'imä, kun ew šielä ruogia, viigona on pieni tože: rewnašša l'inei, ümbäri potriava — l'eivät. nu poka vielä emmä travinnun, emmä i travi nüt'ten. dojarkat ollah dovol'noit, podkormkia nüt'ten emmä. ana, ew miš varoin i andia: on pellošša ruogia...

jo kaheksan vuotta paimennan, en t'iija, vielä viikkogo l'ienen, surmah šiaten. mie ni mit'üt'tä t'iedohutta en t'iija. ennen šanottih, sto t'iet'tih, t'ied'ajat paimenet oldih: oldih aijat kuin šeinät, nin hüväi t'ied'iä oli, nüt'ten vain pid'aw nadeicciecie omih sorkih: min vain hüppiät, žen i vastjat — kunne tahtow, šinne i mənöw.

t'iedohukset?... en mie vieri t'äh. ka ennen vahnat paimenet šanotah: pid'aw t'ied'iä hukista, stobi ei šöis žiivattija. ješ'li ew hukkija, nin ei šüö, vain l'ienöw, nin ottaw, ješ'li mečäššä, pellolla, košešno, ei ota paimenen aigah... šid'ä paimenet paistih, što meččä pid'aw žiivattija. ni mi ei piel ješ'li on kül'l'äne žiivatta, niin ice tulow, süöw kül'läl'd'i i tulow. a sügüžül'lä ni mi ei obiidi, nin hiän meččäh i jäw mjata. vain ei kergie, vain pime-nöw, jäw žiivatta meččäh, magiaw, a niin tulow kezäl'lä i keviäl'lä hüviin, ni mit'üt'tä t'iedohutta ei pie.

paimenišša on vain kezä pit'kä... paimenella kezä proid'iw, kuin näl'gävuözi, vešma viikon t'añiečow.

viigonat on ka: papin progona — üksi, toine on l'isogorki, kolmas on kononaho, lomupolossat, pit'inpäit... ukot näin šanottih näid'ä polostoida.

talvella rjan?... dvoralla storozin, ümbäri vuvvet kaivajacen tjahešša, važoida kerian da rabistel'en.

№ 73

Я родился в Большом Платском Лихославльского района. Я пасу скот в Большом Платском в десятой бригаде... Пасу, утром выгоняем, теперь хотя бы, восьмого августа, в пять часов утра, вечером [пригоняем] в девять часов. Сейчас пасем на поле, стадо не вы-

пускаем на свободу. Корм пока есть, коровы хорошо доят... Летом в лесу пасем, а теперь вот в поле вышли, поскольку там нет корма. Выгон маленький тоже: рядом линия, кругом потрава — хлеба. Ну, пока еще не травили и не потравим сейчас. Доярки довольные, подкормки теперь не даем, не к чему и давать: на поле имеется корм...

Уже восемь лет пасу, не знаю, еще сколько придется, до самой смерти. Я никакой ворожбы не знаю. Раньше говорили, что знали, знающие были пастухи: кругом были изгороди, как стена, так хорошо и ворожить было, теперь надо надеяться только на свои ноги: как побегаешь, так и остановишь скот — куда захочет, туда и идет.

Ворожба (в ориг.. мн. ч.)? Я не верю в это. Вот раньше, старые пастухи говорят: надо знать от волков, чтобы скот не резал ('не ел'). Если нет волков, так и не режет, как только будут, так и возьмет, если в лесу. В поле, конечно, при пастухе не берет... Потом пастухи говорили, что лес держит скот. Ничто не держит! Если скот сытый, так сам придет, наестся вдоволь и придет. А осенью ничто не беспокоит, так он в лесу и остается спать. Если только не успеет [наестся], когда стемнеет, остается скот в лесу, переспит, а так придет и летом и весной хорошо, никакого колдовства не надо.

В пастухах только лето долгое... У пастуха лето проходит долго, как голодный год, очень долго тянется.

Вот выгоны: Поповский выгон — раз, второй — Лисогорки, третий — Кононова полянка, Ломовые полосы, Долевые концы... Старики так называли эти полосы.

Зимой на скотном дворе сторожу, круглый год в навозе копаюсь, телят собираю да убираю за ними.

Зарубина Мария Дмитриевна, 50 лет, дер. Тимошкино (родом из дер. Крапивка) Лихославльского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1961 г. (Каб. зв., запись № 143/3).

№ 74

el'et't'ih muamo i kaks'i poigia.¹⁵ üks'i poiga ol'i hajukas, a toiñe ol'i howkka, howkka iivan, vot. üks'i poiga l'äksi ohottuolla, a toiñe poiga, howkkañe, i šanow: „dava! muamo, i mie l'ähen“. muamo šanow: „oh, howkka, kunne šie l'ähet, raži šjaw püwd'ia šiwla, miŋgo? ei šia, ei šia püwd'ia!“

¹⁵ В текстах №№ 74 и 75 наблюдается смешение дифтонга *ia* и *ua*; сказанца родом из соседней деревни Крапивка, где говорят на *ua*: *muamo, šuari, tuaš*; в Плоском же говорят на *ia*: *miamo, šuari, tiaš* (см. Текст № 73, записанный от И. П. Петрова).

a hiän šanow: „ana, šanow, miwla kowkku da labie (ružjiä ew: vahnembi poiga, vell'i, otti ružjan, toizella ew), mie l'ähen kowkurke da labie7ke“.

nu muamo ando kowkun da labien. hiän hüppäi, hüppäi: tulow hukka västah. hiän hukkuu t'äd'ä labiella da kowkulla lohmai — i tappo. hüppäi kod'ih dai šanow: „muamo, kačuo, mie tapoin, kuin koiran, harmuan, dai l'äksiin, en tuonnun kod'ih“. — „mid'ia šie et tuonnun, oh, howkka iivan! ois ollun šiwläššen tuluppa!“. a hiän i šanow: „o, l'ähenžen tapan“.

l'äksi tappamah. tulow rebo västah. tul'i hiän, tuas revon t'amän tappo, tuas i hüppiäw hüvä'l'ä miel'in. hüppiäw muamolluoh: „šiel'ä, d'eskat', viel'ä tapoin!“.

tul'i, šanow: „tuasän kuin koirazen, ruškiesen, pörhäkkäzen tapoin“. i tuasän ihaštunnun tulow: „tapoin“. muamo šanow: „mid'ia et tuonnun?“ — „o, l'ähenžen tuon!“.

l'äksi tuomah. tulow jäniš västah. jäniksän t'amän hiän tuas tappo. tuas hüppiäw. tuas tulow: „muamo, šanow, tapoin mie harmuazen, kuin kazizen, korvazet hörpäzet. tapoin dai l'äksiin.“.

a hiän šanow: „mid'ia šie tapoit, a et tuonnun, ois ollun suapka!“ — „o, l'ähenžen, šanow, tuon“.

l'äksi tuomah. tulow pappil västah. a hiän pappie tuas lohmai labiella da t'al'l'ä... nu ožai, labiella da kowkulla — i tappo papin da tukista i taššiw hääd'ä. tul'i ikkunalluoh, toi t'amän papin dai šanow: „muamo, ka toin, šanow, tulupan!“. muamoh šanow: „miš-šiä on, ožutua?“.

a hiän šanow: „ka, šanow, on krinčoin luoh pandu“.

muamoh tul'i, kačahti. kaččow: pappil dai šanow: „šie mid'ä ruavoit, howkka, šanow, iivan! mäne peit'ä, šanow, ruvetah šilma t'äštä šüvin hawkkumah“.

hiän mäni kül'uh palat'in alla turgi hänen, dai l'äksi kül'ia müöt' kuččumah šuolua-leibiä šüömäh.

i šuarna kaikki.

№ 74

Жили мать и два сына. Один сын был умный, а второй был дурак, Иван-дурак, вот. Один сын пошел на охоту, а второй сын, дурачок, и говорит: «Давай, мама, и я пойду». Мать говорит: «Ох, дурак, куда ты пойдешь, разве ты можешь охотиться (можно тебе ловить?), можешь ли? Не можешь, не можешь ловить!».

А он говорит: «Дай, говорит, мне кочергу и лопату (ружья нет: старший сын, брат, взял ружье, другому нет), я пойду с кочергой и с лопатой».

Ну, мать дала кочергу и лопату. Он бежал, бежал: идет на встречу волк. Он волка этого лопатой да кочергой и стукнул — и убил. Прибежал домой да и говорит: «Мама, смотри-ка, я убил

вроде собаку, серую, да и пошел, не принес домой». — «Что же ты не принес, ох, Иван-дурак. Тебе был бы тулуп!». А он говорит: «О, тогда пойду, убью [вторую]».

Пошел убивать. Идет лиса навстречу. Пришел он, опять лису эту убил, опять и бежит радостный. Бежит к матери: «Там, дескать, еще убил!». Пришел говорит: «Опять, как собачку, рыженькую, пушистенькую убил».

И снова радостный бежит: «Убил!». Мать говорит: «Что же не принес [домой]?». — «О, пойду тогда принесу!».

Пошел [за собакой]. Идет заяц навстречу. Зайца этого он опять убил. Снова бежит. Снова приходит: «Мама, говорит, убил я серенького, как кошечку, ушки торчком. Убил и пошел [домой]!».

А она говорит:

«Что же ты убил, а не принес [домой]? Была бы для тебя шапка!». — «О, пойду тогда, говорит, принесу».

Пошел за ним. Идет навстречу поп. А он попа опять и стукнул лопатой да и этим. . . ну ударил лопатой и кочергой — и убил попа да за волосы и тащит его. Пришел к окну, принес этого попа да и говорит: «Мама, вот принес, говорит, тулуп!». Мать говорит: «Где же, покажи-ка!». А он говорит: «Вот, говорит, около крыльца положен».

Мать его пришла, посмотрела. Смотрит: поп! Да и говорит: «Ты что сделал, дурак, говорит, Иван! Иди спрячь, говорит, будут тебя за это ругать».

Он пошел задохнул его под полати в бане да и пошел по деревне приглашать хлеб-соль отведать.

И сказка вся.

Зарубина Мария Дмитриевна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1961 г. (Каб. яз., запись № 143/4).

№ 75. *šiwħka-burka, vešcaja kaburka*

el'et't'ih muamo i kolme poigja. üht'ä kücutt'ih, šiel'ä, grisa, toista miša, kolmatta, možot, vaňa. vot. muamo i šanow: „poijat, ješ'i mie kuolen, to milma el'giä kät'kekkiä ni kunne, a kät'kekkiä tahnun peräh i kolmena üönä kävel'giä miwn luoh milma ka t'ied/el'ömäh“.

muamo kuol'i. kät'kiet't'ih hänen tahnun peräh. pid'aw männä vahnemmallä, grisaalla. grisaalla ei tahota männä vardeimah händ'ä üöksi, — varajaw, vot' i šanow: „iivan, mäne šie“. iivan suorיעי. „annan, — šanow“, — mie šiwla oššan ruškien košt'uman i ruškien pajjan, vain mäne“.

iivan l'äksi. mäni üöhüön vardeiecci šiel'ä muamon kalmalla. muamo šiel'däi nowžow da šanow: „grisa, šie olet?“ — „en ole

mie". — „miša, sie olet?" — „en ole mie". — „vaña, sie?" — „mie!". — „nu ladno, mäne, mie šiwla sluwžin sluwžbazen".

nu toine üö l'ienöw. pid'aw männä mišalla. miša šanow: „vaña, mäne sie, mie oššan šiwlaš ruškien kostuman".

vaña tuas soglasieci, t'ämä howkka vaña. hiän tuas mäni, t'ämän ün vardeicci. nowžow tuas muamo dai šanow: „miša, sie?". — „en ole mie". — „vaña, sie?". — „mie". — „nu, ladno, „mie šiwla sluwžin sluwžbazen".

l'iew kolmas üö. l'ähtöw t'ämä vaña muamon kalmalla üöksi. muamo siel'dä viid'iw dai šanow: „vaña, sie?". — „mie!". — „nu, ladno, sluwžin mie šiwlaš sluwžbazen".

nu ladno, tul'i hiän kod'ih. vell'et šanotah: „numidä sie sielä näit?". — „ka näin ika näin".

rubiew andamah cuari t'ütärd'ä miehelliä i keräw kaikkie v okruge, keräw rahvasta, stobi vall'ita šulahañe omalla t'üt'tärel'lä, viest'il'öid'ä pid'aw šeniin, zajvkoida andaw: „ka rubieinma šulahast'a vall'icčomah t'üt'täfel'lä, tulgua, d'eskat".

sielä hüviä il'i pahja keräwd'uw, keh miellüt'äh. nu vot, nämä kaksi vell'est'ä l'äht'eih, griša i miša, a vaña i šanow: „ottakkia, vell'et, i milma". a hüö šanotah: „kunne müö šiwn, howkan, otammal". šanow: „kunne t'üö, šinnei milma". — „emmä ota, šiwn muošt'a sielä ni kedä ei l'iene, howkkia, sielä vain l'ietäh hajukahat".

vot. nämä vell'et l'äht'iet't'ih. vaña mäni tahnun peräh muamon kalmalla dai šanow: „muamo, sluwžilla miwla sluwžbañe".

muamo nowži dai šanow: „važemeh käd'eh mäne — oigieh viijit".

siwhka-burka siel'däi nowži, kost'uma sell'ässä, dai šanow: „nu, vaña, važemeh korvah mäne, a oigieh viijit".

hiäh važemeh korvah mäni, oigieh viid'i, seičas t'ämä hänel'lä kost'umazen toi, hiän suorieci, šel'gäh istuoči, pl'otkan käd'eh otti i l'äksi (i pl'otka kaikki keralla tuodu hebozella). i l'äksi ajamah čiañih. l'äksi čiañih ajamah hiän i tavottaw omie vell'il'öid'ä. omie vell'il'öid'ä tavottij: üht'ä vell'ie — pl'otkalla, toista vell'ie — pl'otkalla, da l'äksi dal'se ajamah. mäñd'ih šinne, keräwvüt't'ih, viibiraijah šulahast'a. sielä cuari šeižow mis'sä ollow ul'ähänä pordahilla. kaikki keräwvüt't'ih. kačcow: vešma ubehella hüväll'ä tul'i šulahañe vaña. nüt t'ämä vaña pervoih etažah i skocahti hebozerken. nu, značit, t'ämä vaña cuarin vävü l'ienöw, t'üt'tären šulahañe.

nu l'äht'iet't'ih hüö kod'ih, a hänel'lä pandih, t'all'ä vañalla, primietan, očalla pandih mit'tüön ollow primietan, vopcem. i l'äht'iet't'ih jarel'läh kod'iloih. hiän tavottij vell'et, pl'otkitti hiätten kerdaziin, tul'i, riicciecel'd'i, kiwgullai nowži. kiwgulla nowži i istuw sielä, kiwgulla, dai šanow: „nu, midä, vell'et, sielä hüviä näit'tä?". — „midä näimmä... ka cuarin t'üt'tärell'ä šulahast'a vall'itah, niin možoit emnägö müö kumbañe popad'i". — „nu ladno, šanow, huomena l'ähett'ä, ottakkia i milma".

tuas toissapiänä i l'äht'iet'äh. l'äht'iet'äh toissapiänä, vaña i šanow: „vain, vel'let, ottakkja i milma“.

šanotah: „emmä ota!“.

nu hüö tuas l'äht'eih, vaña mäni muamon kalmalla dai šanow: „muamo, sluwžilla miwla sluwžbañe“.

muamo tuašen hänel'l'äh sluwžbažen sluwžildi, heboñe šiel'd'ä nowžow i šanow: „nu, vaña, mäne važemeh korvah, oigieh viijit“.

hjän tjaš mäni važemeh korvah, oigieh viid'i; hänel'l'ä tuas: košt'uma, pl'otka hebozella varoin. kaikki toi heboñe. hiän suo-fieči, tuas i l'äksi duimah, ajamah. tuas hiän vel'l'il'öid'ai tavot-taw. t'äl'l'ä kerdua kakšiin kerroin vel'l'il'öid'ä pl'otkalla pl'otkitti, uht'ä i toista. tuas mäñd'ih, keräwvüt't'ih šinñe. jo tuašen toizeh jatažah t'amä heboñe vaña aŋke kočahti. nu tuašen hüö l'äht'eih kod'ih. a vel'let ei tunnušeta, što on hiän vel'l'i. tuas tulđih dai šanotah: „požalui, tua l'iew čuafin t'üt't'ären šulahañe, što egl'ein i t'ämpiänä häñd'äh val'l'itah“.

nu tuas l'äht'eih, hiän tuas tavotti, tuas pl'otkilla pl'otkitti. tul'i kod'ih hiän: „nu, kuin, vel'let, d'ielat t'eil'ä šiel'ä?“.— „nu kuin, kuin! ka ken ollow šiel'ä ajaw, kumbañe šiel'ä kaikkie bojevoimbi: egl'ein i t'ämpiän hiän meid'ä pl'otkalla duiččow. viel'ä kačomma huomena: pergaw al'i ei perra, kačomma“.

nu tuas uön muattih, l'äht'iet'äh toissapiänä. jäl'gimäñe päiväñe. l'äht'iet'äh tuas: „vel'let, ottakkua milma“.— „emmä ota!“.

tuas l'äht'eih. hiän tuas mäni t'efiämbi tahnuon peräh, mäni kalmalla: „muamo, sluwži miwla sluwžbañe!“.

muamo tuašen hebozen šiel'd'ä t'üöñd'i. heboñe tul'i t'äh kos'-t'umaŋke, pl'otkaŋke: „nu, vaña, mäne važemeh korvah, viijit oigieh“.

hiän seičas suoñeceldi i l'äksi tuas ajamah. tuas vel'let nāmä tavotti, tuas jo kolmiin kerroin heid'äh pl'otkuičči: uht'ä kolme kerdja i toista kolme kerdja. näil'l'ä joi kivišt'aw, joi höbl'isšüt't'ih.

nu ladno: mäñd'ih tuas šinñe, kaikin keräwvüt't'ih. tuas čuafi t'amän i viiberi. tuas jo kolmandeh jatažah t'amä howkka iivan i kočahti hebozella. i pandih t'amän jäl'gimäzel'l'ä kerralla, pandih hänel'l'äh kuldazen peča'tin ka očalla i fatalla morziemen omalla šivottih očan. hiän i l'äksi, očča šivottu. hiän šiel'ä viid'i šincoh, al'i kunne, omalla kuššakolla t'amän šarfän t'üt'ön oman sido, stobi vel'let ei tunnušettaisen. tul'i enñen heid'äh, tavotti tuas vel'let, tuas heid'ä kolme kerdua pl'otkitti. vel'let ñe joi it'kiet'äh. tulđih kod'ih, hiän i šanow:

„nu, vel'let, kuin, kenen viiberittih?“.— „emmä t'iijä, kenen ollow palačun žemmuozen viiberittih, vešma joi šikarnoi da žemmuoñe briha, nin tuon rewnah meid'ä ei voi panna, vešma hüvä briha“.

nu, ladno. t'amä vain pomalkivajit, iivana howkka.

l'äht'iet'äh nütten, huomena jo nastojasso ruvetah val'l'icčomah, jo sovšem ruvetäh viiberimäh da suad'buimah.

nu, iivan ni mid'ä ei virka. nämä vel'et l'äht'iet'äh, a hiän joi mököt't'äw iänet't'ä kiwgualla, guruttaw. nu a vel'et šanotah šiel'ä: „vańa, mid'ä šiwla očča on šivottu?“. hiän šanow: „ol'iiin gribašša da nowziin náfieh t'eid'ä kaččomah, kunnepäi t'üö l'äksija, da náfiešt'ä langein dai očan šatajlin. ka šarfalla šivoin, ka kuššakolla“.

nu, ladno, šido hiän kuššakolla. mändih, kun keräwvut't'ih, a šulahast'a ew. tua jo dvorcah ei männün, t'amä šulahañe. ew šulahast'a. čuafi i küžuw: „nu, brihat, eigo ole kel'l'ä kod'ih vel'l'ie j'iañutt'ä?“.

ni ken ei ni mid'ä virka. a nämä vel'ekšet šanotah, griša da miša: „vet meil'ä on howkka iivan j'iañün, niin vet hiän t'al'ä ei ollun“.

nu, ladno, a hiän: „emmä šano!“. a t'amä šanow: „šsnokkja, kel'l'ä on j'iañün?“.

hiän šanow: „on meil'ä howkka iivan“, čuafilla otvečajah.

čuafii šanow: „da mit'uš-l'uwbo olgah; mäñgiä tuogua händ'äh t'annel“.

nu vel'et l'äht'eih hüppiämäh. „vańa, aššu, — šanow, — šilma kučutah!“. hiän šanow: „en l'ähel tulgah ičeh čuar'il“.

mändih, šanotah: „ei l'ähe, — šanow, — kučču w iččiedä čuafie“.

čuafi šanow: „mid'ä mie l'ähen, mäñgiä kuččukkuai“. — „ei tule“ — šanow.

čuafi tul'i, otti hänen. val'aštj kofietan, mäni hänen otti. tul'lah t'anne, otettih hänen šinne, vańan, čuafii šanow: mid'ä šiwla on očča šivottu?“. a hiän šanow: „da niin, náfiešt'ä langein“. — „da ožutuakkois!“. — „en ožuta!“. — „ožuta!“.

ruvettih hänel'd'ä kefit'amähžen t'äd'ä oččja. a hänel'l'äh šarfa šivottu morziemen oma i kuldañe pečat't'i pandu očalla. čuafii howkkefi: „hospod'il mitt'unäñe morziemella šulahañe. miwn t'üt't'ärel'l'ä, howkkañe!“.

nu čuafi ei l'ienñün dovolnoi t'al'l'ä. nu ka šanow: „davait'e, ken l'öwd'äw kazizen, [kumbañe] istuw — virt'ä lawlaw, maguaw — l'eibiä paistaw, hebozen šiwhka-burka veščaja kaburkan, dvenatsaf žerepcow, da poččizen [kumbañe] istuw — skuaskua šanow, a maguaw — virt'ä lawlaw. ješli kumbañe ka t'amän l'öwd'äw, to, — šanow, — žen morzien l'ienöw miwn t'üt'är“.

nu nämä tuaš i l'äht'iet't'ih kaikin rannakših, i l'äht'eih kaikin kod'iloih, nu i duwmaijah.

čuafi šanow: „ka, mie t'eil'ä annan hebozet kaikilla, mäñgiä eččikkjä šiwhka-burka, veščaja kaburka“.

nu ladno, näl'l'ä kaksi hevošt'a ando, grišalla i mišalla, i vańalla ando hebozen. nämä istuočettih, vel'et, hüviin, piäh päin piät, a t'amä howkka iivana istuoči händ'äh päin piän da häññän suwh da peržet't'ai l'äpsüt't'äw hebozelda: „davai, davai hüppiä, dui morzienda eččimäh!“.

nu i l'äht'iet't'ih. mänd'ih hüpel'd'ih, hüpel'd'ih — ni mišt'a ei l'öwvet'ä hebozie. a t'amä, v'a n'a, mäni tuas dai šanow: „muamo, sluwzilla miwla sluwzbañe!“.

muamoh tuašen ubehen t'üönnäl'd'i, hebozen, dai šanow: „ka näin, ka näin.“ — „nu, istuoče, šanow, miwla šel'gäh“, — t'amä, heboñe že.

hebozella hiäh šel'gäh istuoči, heboñe i šanow: „ka, ješ'i tul'at dvenatsat' žerepcow, mie, — šanow, — mimo nih vihrom proijin, šiifiči, šie, šanow, oigiella kiäl'l'ä fat'i griivašta“.

hiän vihrom proid'iešša heiš't'ä šiifiči oigiella kiäl'l'ä fat't'i hebozen i hänel'l'ä l'ieni t'äššä d'venatsat' žerepcow i mjami [heboñe].

istuoči, tul'i dorogalla, šido t'amän kaiken hebožin part'iin koivuzeh i istuw. istuw dai tuluoñ luad'i šezih, tuluolla vuottaw, luad'ie vel'let tullah. vel'let tullah, händ'ä ei tunnuššeta. hiän tuas šuoñiečen košt'umoih, i ei tunnuššeta. nu šanotah: „d'iäd'ö, müö meil'ä nämä hebozet“. a hiän šanow: „oštakkjal“. — „äijagö t'eil'ä meil'ä?“ — „nu, ka, šanow, šnimikkiä t'eil'd'ä na t'fi pal'ca keški hänel'l'ä remeñil'öin nahkja. mie, šanow, annan t'eil'ä nämä hebozet“.

hüö otettih puikolla toine toizelda nahkat šel'giä müöt' revit'ih, kiäl'l'ä krut'illett'ih i annett'ih. t'amä nahkat nämä otti dai äkki. l'äht'iet't'ih nämä, a iivan i jäi. iivana i tulow (hebozet) hiän t'amän, čuar'ın oman, šillan alla tungi), a nämä tuldiñ hebožen. tuldiñ, čuar'ii šanow: „nu, ka, nämä, šanow, hebozet puid'ih i dvenatsat' žerepcow tuodiñ mjamiñken, a šie, šanow, miwñ hebozen šillan alla kunne-ollow ugomoñiit, kavot'it, i tuonnan ni mid'ä et“. hiän pomalkivajit.

nu l'ienöw toine päivä. ka toissapiänä, šanow: „l'öwd'äkkiä kazine: istuw — l'eibiä paistaw, magiaw — virt'ä lawlaw“. a hiän šanow: „davaiguazen heboñe“.

nämä l'äht'eih tuas hebozilla ecčimäh, hänel'l'ä hevošt'a ei ana. mie, — šanow, — hebozetta en l'ähe, anai miwla heboñe, šanow“.

nu čuari ando hänel'l'ä kl'iaččäžen-kl'iaččäžen. hiän tuas istuoči. muit istuočett'ih ed'ehpäin, a hiän istuoči tuas taguahpäin: hännän šuwñ otti, tuas i l'äksi pl'äcküt't'amäh. he — hhe! nu ladno. tuas i mäni muamolluoh i šanow: „muamo, sluwzi miwla sluwzbañe“.

muamo tuašen hebozen hänel'l'ä šiel'd'ä... heboñe tul'i, tuas hiän šuoñiečeldi i l'äksi, i šanow: „ješ'i mie vihrom proijin, kazine šiifiči proid'iw, šanow, šie händ'ä fat'i“.

nu hiän šiel'ä näin i liad'i: vihrom proid'i, hiän kazizen t'amän puwd'i, tuas koivuzeh hebozen šido, istuw. čuafin hebozen hiän jo tuašen kavotti, jo kavotti hiän, händ'ä ei pie, kl'iaččiä. istuw, tuluoñ luad'i koivuzen luoh dorogarannašša, tuašen kazine hänel'l'ä t'öñä istuw da virt'ä lawlaw, maguaw — l'eibiä paistaw.

nu hüvä. tuas vel'let i aššutahen, aššutah vel'let: „nu, dobrti molod'ec, müö, šanow, meil'ä t'amä kazine“. a hiän šanow: „oštak-

kjal". — „äijängo, šanow, otat?". — „leikakkja, šanow, šormi, uks'iin sormiloin oigiešta kiästä".

nu leikattih hüö sormiloin, annettih hänel'l'ä šormet i l'äht'iet'-t'ih tjaš.

hiän tjaš jal'l'est'i aštuw. nu, značit, kazizen vel'let tjaš tuodih. a vel'let ei tunnušseta, što on vel'li. tuldih tjašen nämä, i že, iivana, tul'i. tul'i že iivana, čuafi tjaš rubei hawkkumah, što nämä tullah i hebozet tuwvah, a šie ni mid'ä et tuo, ni hevos'ta et tuo. hiän znai pomalkivajit.

l'äht'iet'äh kolmannen kerran počist'a vaš. tuaš l'äht'iet'äh. muit istuočettih tjaš hüviin, a hiän istuoči tjašen ših rukah, kuin i enänen, män'd'ih tjaš. hiän tjaš mjamolda sluwžbazen pakkoi. mjamö sluwžbazen sluwži. hiän tjaš hebozella šel'gäh istuoči, vihrom proid'i, poččizen fat't'i, tjaš hebozen t'amän, kunne hänel'l'ä pid'i, pan'i, a istuw poččizerkena, tulut luajittu. vel'let nämäi aššutah tuašen: „müö meil'ä, dobrji molod'ec, poččine!". — „oštakkjal". — „äijägö t'eil'ä pid'äw?". — „ka varbahista šormet leikakkjal".

hüö leikattih omilda jalloilda šormet, annettih hänel'l'äh, hiän kaški kiäril'd'ia i l'äksi jal'l'est'i. tullahhen kod'ih: nämä tuodih poččizen. tul'i iivan-howkka jal'l'est'i, a hüö tuldih ed'izeh. hebozie ei šua kul'al'l'ä šalvata, hebozet hupel'l'äh küi'ia müöt', ni kel'l'ä šalvata ei šua. kaziine istuw — virt'ä ei lawla, l'eibiä ei paissa, poččine tože samoi ni m'id'ä ei rja. nu hüö tuldih, iivan i aštuw. čuafi tjaš rubei hawkkumahhen: „tuaš, šanow, šie ku näin i näin: et tuonnun ni mid'ä, muit tuwvah, a šie ni mid'ä et tuo i miwn omie vain kavottelet". a hiän šanow čuafilla: „kačomma, šanow, kenen ollah: ongo, šanow, näijen il'i miwn omat, možot, šanow, kaikki on miwn omat!". — „ollah! et šie tuonnun!" — šanow. — „nu, šanow, šalvakkja tahnouh, ku hüö tuodih!".

ni kel'l'ä ei šjanun, kaikin kul'al'l'eh šalvatah — ei šja šalvata. iivan kun iänen ando — hebozet kaikin iivanah hupät'äh, poččine, kaziine — kaikin ihaššuttih, što iivan tul'i. üks'i hebofie tulow — olgupaial'l'ä piän panow. ka näin. toine tulow — iivanalla panow. iivan šalbai ne hebozet. tul'i pert'ih, iänen ando: rubei kaz'ine virt'ä lawlamah, l'eibiä paistamah, poččine rubei šid'ä že tože riadamah, mid'ä položen.

i ruvettih hüö žit' da poživat', dobra naživat'. i t'amä iivana l'ieini šulahañe i vävu čiafilla. čiafin tüt't'ären šulahañe.

i kaikki.

№ 75. Сивка-бурка, вещь каурка

Жили мать и три сына. Одного звали, там, Гриша, второго Миша, третьего, может, Ваня. Вот. Мать говорит: «Сыны [мой], если я умру, то меня никуда, [кроме] как за домом (скотным дво-

ром'), не хороните и в течение трех ночей ходите ко мне, меня, вот, навещать».

Мать умерла. Похоронили ее за домом. Надо идти старшему, Грише. Грише не хочется идти стеречь ее на всю ночь — боится. Вот и говорит: «Иван, иди ты». Иван оделся. «Дам, говорит, я тебе, куплю красный костюм и красную рубашку, только иди».

Иван пошел. Пошел ночью покараулил там на могиле матери. Мать оттуда и встает да говорит: «Гриша, ты?». — «Не я». — «Миша, ты?». — «Не я». — «Ваня, ты?». — «Я!». — «Ну ладно, иди, я тебе сослужу службу».

Ну вторая ночь наступает. Надо идти Мише. Миша говорит: «Ваня, иди ты, я куплю тебе красный костюм».

Ваня опять согласился, этот Ваня-дурак. Он опять пошел и эту ночь прокараулил. Встает опять мать да и говорит: «Миша, ты?». — «Не я». — «Ваня, ты?». — «Я!». — «Ну ладно, я тебе сослужу службу».

Наступает третья ночь. Отправляется этот Ваня на ночь на могилу матери. Мать оттуда выходит и говорит: «Ваня, ты?». — «Я!». — «Ну ладно, сослужу я тебе службу».

Ну ладно, пришел он домой. Братья говорят: «Ну, что ты там видел?». — «Вот так и так».

Царь будет выдавать дочь замуж и собирает всех в округе, собирает народ, чтобы выбрать жениха для своей дочери. Вести так посылает, заявки подает: «Вот будем жениха выбирать дочери, приходите, дескать».

Там хорошие или плохие соберутся, кто понравится. Ну вот, эти два брата отправляются, Гриша и Миша, а Ваня и говорит: «Возьмите, братья, и меня». А они говорят: «Куда мы тебя, дурака, возьмем!». Говорит: «Куда вы, туда и меня [возьмите]». — «Не возьмем: такого, как ты, там никого не будет, дурака, там будут только умные».

Вот. Эти братья отправляются. Ваня пошел за дом на могилу матери да и говорит: «Мама, сослужи-ка мне службочку». Мать встала да и говорит: «По левую руку иди — по правую выйдешь».

Сивка-бурка оттуда и выходит, костюм на спине, да и говорит: «Ну, Ваня, в левое ухо войди, из правого ('в правом') выйдешь».

Он в левое ухо вошел, из правого вышел. Сейчас эта [лошадь] ему костюмчик принесла, он оделся, сел верхом, плетку взял в руку и поехал (даже и плетка с собою у лошади принесена). И отправился к царю. Отправился к царю он и догоняет своих братьев. Своих братьев догнал: одного брата — плеткой, второго брата — плеткой, да поехал дальше. Приехали туда, собрались, выбирают жениха. Там царь стоит где-то высоко на лестнице. Все собрались. Смотрит: на очень хорошем жеребце приехал жених Ваня. Теперь этот Ваня на первый этаж и прыгнул на лошади ('с лошады'). Ну, значит, этот Ваня будет царевым зятем, жених его дочери.

Ну отправились они домой, а ему, этому Ване, поставили приметку: на лоб какую-то приметку поставили, в общем. И отправились обратно по домам. Он догнал братьев, дал по разнику плеткой, приехал, быстренько разделся, на печку и залез. На печку залез и сидит там, на печке, да и говорит: «Ну что, братья, там хорошего видели?». — «Что видели. . . вот царевой дочери жениха выбирают, так может быть который-либо из нас не попадет ли [в женихи]». — «Ну ладно, говорит, завтра поедете, так возьмите и меня».

Опять на следующий день и отправляются. Отправляются на следующий день, Ваня и говорит: «Только, братья, берите и меня». Говорят: «Не возьмем!».

Ну вот они опять отправились, Ваня пошел на могилу матери да и говорит: «Мама, сослужи-ка мне службу».

Мать опять ему службочку сослужит, лошадь оттуда поднимается и говорит: «Ну, Ваня, войди в левое ухо, из правого выйди».

Он снова вошел в левое ухо, в правое вышел; у него опять костюм, плетка для лошади — все принесла лошадь. Он оделся, снова и поехал ('пошел дуть'). Опять он братьев и догоняет. На этот раз по два раза плеткой похлестал, одного и другого. Снова пошли, собрались там. Опять уже на второй этаж эта лошадь с Ваней прыгнула. Ну снова они отправились домой. А братья не узнают, что он их брат. Опять приехали и говорят: «Пожалуй, этот будет царевой дочери жених, что вчера и сегодня его и выбирают».

Ну снова поехали, он снова их догнал, снова плетками похлестал. Приехал он домой: «Ну как, братья, дела у вас там?». — «Ну как, как! Вот кто-то там проезжает, который там всех боевее: вчера и сегодня он нас плеткой стегает ('дует')». Еще завтра посмотрим: постегает или не постегает, посмотрим».

Ну опять ночь поспали, отправляются на следующий день. Последний денек. Отправляются опять: «Братья, возьмите меня». — «Не возьмем!».

Опять отправились. Он опять поскорее за дом, пошел на могилу: «Мама, сослужи мне службу!».

Мать опять оттуда лошадь послала. Лошадь пришла сюда с костюмом, с плеткой: «Ну, Ваня, иди в левое ухо, выйдешь в правое».

Он сейчас быстренько оделся и опять поехал. Опять этих братьев догнал, опять уже по три раза их плеткой стегнул: одного три раза и второго три раза. Этим уже и больно, уже и пригорюнились ('губы повесили')

Ну ладно, пришли опять туда, все собрались. Опять царь этого и выбрал. Опять уже на третий этаж этот Иван-дурак и прыгнул на лошади. И поставили эту, в последний раз поставили ему золотую печать вот на лоб и невестинной фатой и перевязали лоб. Он и пошел с перевязанным лбом. Он там вышел в сени или куда-то,

своим кушаком этот девушкин шарф обвязал, чтобы братья не узнали. Пришел раньше их, догнал опять братьев, опять их три раза поклестал плеткой. Братья эти уже и плачут. Пришли домой, он и говорит:

«Ну, братья, как, кого выбрали?». — «Не знаем, какого-то папача такого выбрали, уж очень шикарный, да такой парень, так что рядом с ним нас нельзя поставить, очень хороший парень».

Ну, ладно. Этот только помалкивает, Иван-дурак.

Отправились теперь, завтра уже по-настоящему будут выбирать, уже окончательно, будут выбирать и свадьбу играть.

Ну Иван ничего не говорит. Эти братья отправляются, а он уже молча лежит на печи. Ну а братья говорят там: «Ваня, что у тебя лоб перевязан?». Он отвечает: «Был за грибами да залез на елку на вас посмотреть, в какую сторону вы отправились, да с елки и свалился и лоб расшиб. Вот шарфом обвязал, этим кушаком».

Ну ладно. Обвязал он кушаком. Пошли. Когда собрались, а жениха нет. Этот уже во дворец не пошел, этот жених. Нет жениха. Царь и спрашивает: «Ну, парни, не осталось ли у кого дома брата?».

Никто ничего не говорит. А эти братья говорят, Гриша и Миша: «Ведь у нас Иван-дурак остался, так ведь он здесь не бывал».

Ну ладно, а он: «Не скажем!». А этот говорит: «Скажите, у кого остался дома?».

Он говорит: «У нас — Иван-дурак», — царю отвечают.

Царь и говорит: «Да какой угодно будь, идите приведите его сюда!».

Ну братья побежали. «Ваня, пошли, тебя, говорит, зовут!». Он говорит: «Не пойду, пусть сам царь придет!».

Пошли, говорят: «Не идет: говорит — самого царя зовет!».

Царь говорит: «Что я пойду, идите позовите!». «Не идет», — говорит.

Царь пришел, взял его. Запряг [лошадь] в карету, пошел его взял. Едут сюда, взяли его туда, Ваню. Царь и говорит: «Что у тебя лоб перевязан?». А он говорит: «Да так, с елки упал». — «Ну а покажи-ка!» — «Не покажу!». — «Покажи!».

Стали у него развязывать этот лоб. А у него шарф невестин перемотан и золотая печать поставлена на лбу. Царь и с ума сошел: «Господи! Какой у невесты жених, у моей дочери, дурак!».

Ну царь не остался доволен этим. Ну вот и говорит: «Давайте, кто найдет кошечку, [которая] сидит — песню поет, спит — хлеб печет, лошадь сивку-бурку вещую каурку, двенадцать жеребцов да свинку, [которая] сидит — сказки сказывает, а спит — песню поет. Если который вот; говорит, это найдет, того и невеста будет моя дочь».

Опять все и пошли по сторонам, по домам. Пошли все по домам, ну и думают.

Царь говорит: «Я дам вам всем по лошади, идите ищите сивку-бурку, вещую каурку».

Ну ладно. Этим две лошади дал, Грише и Мише, и Ване дал лошадь. Эти сели верхом, братья, хорошо, лицом к голове [лошади], а дурак-Иван сел лицом к хвосту да хвост взял в рот и по крупу лошади и бьет ладошкой: «Давай, давай, беги ('дуй') искать невесту!».

Ну и отправились. Пошли: бегали, бегали — нигде не находят лошадей. А этот, Ваня, пошел опять да и говорит: «Мама, послужи-ка мне службу!».

Мать опять жеребца послала, коня, да и говорит: «Вот так и вот так». — «Ну, садись, говорит, на меня верхом», — эта лошадь-то.

На лошадь он верхом сел, лошадь и говорит: «Вот если придут навстречу двенадцать жеребцов, я, говорит, мимо них вихрем пройду, мимо, ты, говорит, правой рукой схвати за гриву».

Он, когда вихрем проходил мимо них, правой рукой схватил лошадь, и у него стало двенадцать жеребцов и матка [кобылица].

Сел, приехал на дорогу. Привязал всю эту партию лошадей к березке и сидит. Сидит и огонек развел тут. У огонька ждет, когда братья придут. Братья приходят, его не узнают. Он опять одет в костюм ('в костюмы'), и не узнают его. Ну говорят: «Дядя, продай нам этих лошадей!». А он говорит: «Купите». — «Сколько вам надо?». Ну вот говорит: «Снимите у себя ('у вас') на три пальца по середине спины по ремню кожи. Я, говорит, дам вам этих лошадей».

Они взяли щепочками друг у друга кожу на спине содрали, вокруг руки свернули и дали. Этот кожи эти взял и пошел. Отправились эти, а Иван и остался. Иван и приходит (лошадь он эту, цареву, под мост запытал), а эти пришли с лошадьми. Пришли, царь и говорит: «Ну вот, эти, говорит, лошадей привели и двенадцать жеребцов привели с кобылицей, а ты, говорит, и мою лошадь под мост куда-то угомнил, потерял, и ничего не принес». Он помалкивает.

Ну второй день наступает. Вот на следующий день говорит: «Найдите кошечку, [которая] сидит — хлеб печет, спит — песню поет». А он говорит: «Давайте тогда лошадь».

Эти опять отправляются на лошадях искать, ему лошади не дает. «Я, говорит, без лошади не пойду, дай и мне лошадь, говорит».

Ну царь дал ему клячишко-клячишко. Он опять сел [верхом]. Другие сели вперед лицом, а он опять сел лицом назад: хвост взял в рот опять и начал погонять. Хе-ххе! Ну ладно. Опять и пришел к матери своей, и говорит: «Мама, послужи мне службу».

Мать опять ему лошадь оттуда... Лошадь пришла, он опять оделся [быстренько] и пошел, и говорит: «Если я вихрем пройду, кошечка мимо пройдет, говори, ты ее и схвати».

Ну он там так и сделал: [лошадь] вихрем прошла, он кошечку эту поймал. Опять к березке лошадь привязал, сидит. Цареву лошадь он опять потерял, уже потерял он, не нужна она, кляча. Сидит, костер сделал около березы у обочины дороги. Опять кошечка у него сидит и песню поет, спит — хлеб печет.

Ну хорошо. Опять братья и шагают. Шагают братья: «Ну, добрый молодец, продай, говори, нам эту кошечку». А он говорит: «Купите». — «Сколько, говори, возьмешь?». — «Отрежьте, говори, палец, по одному пальцу от правой руки».

Ну отрезали они по пальцу, дали ему пальцы и отправились опять.

Он опять за ними идет. Ну, значит, кошечку братья опять принесли. А братья не узнают, что он их брат. Опять пришли эти, и тот, Иван, пришел. Пришел тот Иван, и царь опять начал бранить, что эти придут и лошадей приводят, а ты ничего не приносишь, ни лошади не приводишь. Он все помакивает.

В третий раз отправляются за свинкой. Опять отправляются. Другие сели опять хорошо, а он сел опять так же, как и раньше. Попросили опять. Он опять у матери попросил службу сослужить. Мать службу сослужила. Он опять на лошадь сел, вихрем проехал, свинку схватил. Опять лошадь эту, куда ему надо было, поставил и сидит со свинкой, костер разведен. А братья эти и шагают опять: «Продай нам, добрый молодец, свинку!» — «Купите!». — «Сколько вам заплатить?». — «Вот с ноги (от пальцев ног) по пальцу отрежьте!».

Они отрезали по пальцу от своих ног, дали ему. Он велел завернуть и отправился следом. Приходят вот домой: эти принесли свинку. Пришел Иван-дурак вслед, а они пришли пораньше. Лошадей не могут всей деревней в конюшню закрыть, лошади бегут по деревне, никто закрыть не может. Кошечка сидит — песню не поет, хлеба не печет, свинка тоже самое ничего не делает. Ну они пришли, Иван и шагает. Царь опять стал бранить: «Опять, говори, ты так и так: ничего не принес, другие приносят, а ты ничего не приносишь и только мое собственное теряешь». А он говорит царю: «Посмотрим, говори, чьи, их ли, говори, или мои собственные; может быть, говори, все мое!». — «Твои! Не ты принес», — говорит. — «Ну, говори, загоните во двор, если они привели!». Никто не мог, всей деревней загоняют — не могут закрыть.

Иван как голос подал — лошади все к Ивану и бегут; свинка, кошечка — все обрадовались, что Иван пришел. Одна лошадь прибежит — на плечо голову положит. Вот так. Вторая прибежит — опять Ивану на плечо кладет голову. Иван закрыл тех лошадей.

Пришел в избу, подал голос: кошечка стала песню петь, хлеб печи свинка стала то же самое делать, что положено.

И стали они жить да поживать, добра наживать. И этот Иван стал женихом и зятем у царя, мужем царевой дочери.

И все.

Федорова Александра Ивановна, 34 года, дер. Дальницы Лихослав-
ского района. Записал В. Я. Евсеев, 1954 г. (АКФ, разряд III, оп. 2,
квал. 148, лл. 26—27).

№ 76. arvawtukšet

1. nel'l'a veikost'a ühen šjapkan jalla issutah. (stola).
2. valgiezet kanazet ildapuwillä issutah. (hambahat).
3. istuw t'üt't'ö karžinašša, kassa pihalla. (morkova).
4. kakši čikošt'a rewnakkeh el'e-t'äh, toiñe toista ei nšhš, (šil'mät).
5. keräzel't'a keriw, orazella no-fiw. (harakka).
6. ni ikkunja, ni ovie, t'äwš perr'ti rahvašta. (ogurca).

№ 76. Загадки

1. Четыре братца под одной шапкой сидят. (Стол).
2. Беленькие курочки на насесте сидят. (Зубы во рту).
3. Девушка сидит в подполе, коса на улице. (Морковь).
4. Две сестренки рядом живут, друг друга не видят. (Глаза).
5. На клубок наматывает, шилом ('шильцом') роет. (Сорока).
6. Ни окна нет, ни двери, полная изба людей. (Огурец).

Бубнова Матрена Корниловна, 60 лет, дер. Большая Горна Рамешков-
ского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв.,
запись № 137/7).

№ 77

ka miwla jo on šesd'esat' let. mie ol'iin tüt't'öñe... en šuwfi t'üt't'öñe ollun, a kulleh kun muissan, ka paistih, mainittih barsi-nua. i miñt'äh-to t'amä barsina jäi puamett'ih. ka mie nüt't'en i šanelen t'eil'äs. mie ol'iin, muamorken el'iin, t'üt't'önä. muamo šanel'i:

mie viel'ä nuofii ol'iin, a paimen ol'i miän tuhma, vahna, šanow, miwn i annettih paimenella vägeh. a enzimäzen üön, šanow, bajarin'ken magain. pid'aw bajarin'ke muata. enzimäzen üön magain bajarin'ke, šid'ä joi ukolluoh tul'iin. a pid'i el'ia!.. šid'ä l'ieni miwla jo kolme lašta: briha ol'i i kaksi t'ut'tüö. prawda, (miwla) kaiken ijän i l'ieni pakota. kaiken igäzen pakkoin... zavšo, toko, kuin vain pruazniekka i l'ähen, kaikeksi ned'el'iksi, a ei nin i enämmäksi petrowšinua kerimäh...".

muamo kaiken aijan igial'ieči, što, ka obižaiččieči, što ol'i hiän bajaršinalla". „paha, — šanow, — ol'i el'ia: i perret'tih, i obiidittih ul'en, i kaikkie ol'i". ka mie vain t'amän i muissan, kuin hiän miwla šanel'i.

№ 77

Вот мне уже шестьдесят лет. Я была небольшая девочка... небольшая девочка [я] была, а вот как помню [о том], вот говорили, вспоминали про барщину. И [рассказы] про эту барщину почему-то у меня остались в памяти. Вот теперь я и расскажу об этом вам. Я жила с матерью, [когда была] девушкой. Мне рассказывала мама: «Я еще молодая и была, [говорила мама], а пастух, [за которого меня выдали замуж], был некрасивый, старый. Меня и выдали силой за пастуха. А первую ночь, говорит, с барином спала. Надо было с помещиком спать. Первую ночь, [рассказывала мама], спала с барином, а потом вот уже к мужу пришла. А надо было жить!.. Потом у меня стало трое детей, [рассказывала мама]: мальчик был и две девочки. Вот ('правда') всю жизнь (мне) и пришлось по миру ходить. Всю-то я [молодую] жизнь свою и ходила по миру... Всегда, бывало, как только праздник, и пойду на всю неделю, а не то и на дольше собирать милостыню ('петровшину')...».

Мама все время горевала, вот обижалась, что жила она при барщине. «Плохо, — говорит, — было жить: и били, и обижали очень, и всего было». Так вот, я только это и помню, как она рассказывала мне [про старую жизнь].

Бубнова Матрена Корниловна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 137/8).

№ 78

ka mie viel'ä tuas sanon teil'äs. ka miwla ol'i pätnatsat' l'ot. vokurat mie postupiin fuabfikkah. silloin fuabfikkah otettjih vata kel'ä tuatto l'ibo veikki, l'ibo ken buit' rodnat ruatah — silloin

i otetah. otetah kogonazeksi vuwvekši, šie kogonazen vuwven ruat zadarom, što opasšut vai ruadamah, šid'ä šiwlä annetaš i maši-nan.

nu ka že näin ol'i miwŕkena, že že azie, konža ol'i voina, šil-loin rahvašta ruvettih ottamah, miwn otettih -- miwšta ni ken ei ruadannun fuabfikašša.

mie tul'iin fuabfikkah, postupiin. da, viel'ä, postuppiešša, d'e-l'ehtor ol'i nemca. ol'i krivoi. aštuw, a mie hänel'äh jalgoih ku-marduaciin da hänen i šorin. enzišt'äh käviin, käviin — ei ottan. konža hiän šiiričči milma [proid'iešša] langei, šilloin hiän miwn ottj fuabfikkah. ottj fuabfikkah miwn ruadamah. rubein fuabfikašša ruadamah. bože sohrañil ješ'i šilmaš nähäh, što šie juot čuajuo, ikkunallai čaškua el'ai pane. čaškat zavšo šreizottih mašinan alla, čaiñikkañe mašinan alla. aštuw t'amä kuin, aštuw vain podmua-š'teři, vain avaimet zvoñitah, kuin zvoñiw, što ni ken ni miššä ei šreizoiš. načal'nikka, al'i d'el'ehtora tul'i t'anne fuabfikkah, ka šiinä ol'i jügie ruadua. morozovan fuabfikkalla, morozovalla mie ruavoin t'veriššä, pried'il'nöiššä ruavoin.

šiid'ä miwn šiel'd'ä jo pefvel'i joi hlopkokrašil'nji. šiel'ä ruavoin. šiel'ä oldih tože muast'efit nemcat. i borš ol'i — d'efehtor, ložie. že ol'i, oh, min pahukkañe ol'il že tul'i šilloin fuabfikkah, nin tože vain kačo, ei nin tože niškah andaw.

šid'ä kuin konža l'ieñi fevol'ucii, šiinä i l'ieñi kebiembi. a müö ol'ima t'omnoit rahvaš, ni mid'ä emmä maltannun, mih näh t'amä on fevol'ucii. vot ühen kerran meil'ä fuabfikašša, šezen, boršua. čüt' ei puwvet't'ü. no hüvä, kuin hiän uid'i viel'ä, ol'i zeml'anoi hodu da žoltjkovah kuin l'iew čefez zeml'i uid'i. šiel'd'ä uid'i hiän. hänen piä jäi eloh, eiñin oiš tapettu rabočiže. niin i huavattih tappua. a müö vet emmä t'ied'an, mi že fevol'ucii on, mid'ä hiän on. šiinä že fevol'ucijašša näin i kuin i gubernuatorua kargawtettih, fevol'ucii kuin ol'i, gubernatora tože „kargaji“, a šid'ä vintofkalla i tapettih hänen.

a üksi... papin poiga tappo miän oman salduatan. šilloi kun hänen tavotettih, čerdakalla nowzi, kuin šiel'd'ä hänen annallettih čerdakalda — vain brizgahettih veret. viikon miwla jäi na pamät' gubernatoran pal'to, krasnoi potkluatka ol'i, savušša fippu. viikko fippu. illalla, nalverno, kerät'tih ket buit'en.

a šiid'ä l'ieñi meil'ä ruado žen hüvehökkäñel i ne že muast'efit oldih, nemcat oldih šiid'ä viel'ä kodvan. nin že tulow toko mua-š'teři, nin ei hawkkunnun. a ruadua l'ieñi ploho matefjulašta. nin tulow, kážie hlowpaičcow, hlowpaičcow i noššattaw šiwn, ješ'i konža nukkevut. ei joi hawkkunnun. ka l'ieñi min slaboihukkañe.

a šid'ä kun meil'ä zaved'ittih enzišt'äh stvarostat kaikki... ühen kerran meil'ä stvarosta kun tul'i, a miän akat mid'ä ruattih? otettih da stvarostan tuan issutettih t'el'eškäl'ä, i müö kaikin häñd'äh (šiinä i mie ol'iin ucašnikom...), a šid'ä kuin meil'ä l'ieñi suwdu i ruvettih suwd'imah. mie šiinä yaštai kekšiin, što ei hüviin, müö

emnä hüviin ruadannun. silloin miwlai šanotah: „a mid'ä šie awtoit t'el'eškäh issuttua, šuatoit pois?“. a mie: „kunne rahvaš, šinne i mie“.

prawda, miwn opravdal'i, mie, značit, ni mid'ä en maltannun, kunne rahvaš, šinne i mie.

šiid'ä l'iet't'ih meil'ä sobraňjat, müö rubeimma käwmäh. vähäzen, vähäzen — dai ka kuin: hüviin t'iijuštima, kuin on sovetskii vlast'. i pri sovetskii vlast'i meil'ä l'ieñi gorazdo parembi ruadua. i nütten ka mie jo olen vahna, issun na posobii, a šanon bol'šoi, bol'šoi spašibo kaikilla part'iinji organ'izacii, što meiš't'ä šüvit'en zabot'itsä, ob stařikah.

№ 78

Вот я еще вам опять расскажу. Вот мне было пятнадцать лет, как раз [в это время] я поступила на фабрику. Тогда на фабрику брали только [тех], у кого отец, или брат, или кто-нибудь из родственников работают [на фабрике] — тогда только и берут на работу. Берут на целый год, ты целый год и работаешь даром, что учишься [только] работать. Потом тебе дадут и машину.

Ну вот, так было и со мною, такое же дело. Когда была война; тогда стали народ принимать [на фабрику] и меня взяли, [хотя] из моих родных никто не работал на фабрике.

Я пришла на фабрику, поступила [работать]. Да, еще при поступлении... директор был немец. Был кривой [слепой на один глаз]. Идет, а я ему в ноги поклонилась да его и уронила. Сначала ходила, ходила — не брал. Когда он мимо меня [проходя] упал, тогда он меня и взял на фабрику. Взял меня на фабрику работать. Стала [я] на фабрике работать. Боже сохрани, если тебя увидят, что ты пьешь чай. На окно чашку и не ставь. Чашки всегда были под машиной, чайничек под машиной. Как идет этот, идет помощник мастера ('подмастер'), только ключи звенят, как звонит, чтобы никто нигде не стоял. Начальник, или директор, пришел сюда на фабрику. Вот тут было тяжело работать. На морозовской фабрике, на Морозова я работала в Твери, в прядильной работала.

Потом меня оттуда уже перевели в хлопкокраильню. Там работала. Там тоже мастера были немцы. И Борш был — директор, толстый. Тот был, ох какой плохой был! Тот приходил тогда на фабрику, так тоже только и смотри. Нет — так тоже по шее даст.

Потом, когда революция стала, тут и стало легче. А мы ведь были темный народ, ничего не понимали, о чем эта революция. Вот однажды у нас на фабрике того Борша чуть не поймали, но хорошо, что он удрал еще. Был земляной ход в Желтиково поле, как-то ('через землю') и удрал. Оттуда он удрал, его голова осталась цела, а то убили бы [его] рабочие. Так и собирались убить.

А мы ведь не знали, какая это революция, зачем она. При этой же революции видела, как губернатора трясли ('заставляли плясать'), когда революция была. Губернатор тоже «плясал», а потом из винтовки и убили его.

А один... поповский сын, убил нашего солдата. Тогда как его поймали, на чердак залез, как оттуда швырнули его с чердака — только кровь брызнула. Долго у меня в памяти было губернаторское пальто, красная подкладка была, в саду висело. Долго висело. Вечером, поди-ка, кто-либо убрал.

А потом работа у нас стала такая хорошая! И те же мастера были, немцы были потом еще долго. Так, бывало, придет тот же мастер, так не ругал. А работать стало плохо из-за сырья ('из-за материала')! Так придет [мастер], руками хлопает, хлопает и разбудит тебя, если когда задремлешь. Даже не ругался. Вот как слабо стало.

А потом, как у нас сперва поставили старост... Один раз к нам как староста пришел, а наши бабы что сделали? Взяли да старосту того и посадили на тележку. И мы все тут его (тут и я была участницей)... а потом как над нами стал суд и стали судить. Тут я только и поняла, что мы нехорошо сделали. Тогда мне и говорят: «А почему ты помогала посадить на тележку, увести его?». А я: «Куда люди, туда и я».

— Правда, меня оправдали. Я, значит, ничего не понимала: куда люди, туда и я.

Потом у нас стали собрания, мы стали ходить [на эти собрания]. Помаленьку, помаленьку — да вот как хорошо узнали, что из себя представляет советская власть ('как советская власть'). И при советской власти нам стало гораздо лучше работать. И вот теперь я уже стара, получаю пенсию ('сизу на пособии') и скажу большое, большое спасибо всем партийным организациям, что они о нас заботятся, о стариках.

Бубнова Матрена Корниловна. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 137/4).

№ 79

— kis-kas, kažiēni,
miššā šie kāvel'iit?
— šuolla i mailla,
keveill'ā uwl'ičõilla,
pit'il'l'ā slobodoilla.
— mid'ā šie nāit?

— nāin mie kifikōst'ā
kakkaralla katetušt'a,
kolaččuzella lukutušt'ā.
pufiin mie kolaččuzen,
māniin mie kifikkōzeh,
pappiine papattaw

muuzet jia'd'eizet,
muuzet pabuzet,
jia'gazet hernehuöt,
pappie mie vaßalla —
pappi puhkei paßalla.

d'iekkunua mie karjella —
d'iekkuna uid'i haŋgella,
ponomaŋi broŋi,
aivomma zvoŋi.
(kaikki).

№ 79

— Кис-кас, кошечка,
где ты ходила?
— На болоте и на землях
по широким улицам,
по длинным слободам.
— Что ты видела?
— Видела я церквушку,
блином покрытую,
калачом запертую.
Перекусила я калачик,
вошла я в церквушку,
попик бормочет:

глазки — стекляшки,
ручки — бобы,
ножки — горошинки.
Попа я веником —
попа забрал понос.
Дьякона я палкой —
дьякон удрал на снег ('на
наст'),
пономарь-ворона,
пораньше звони.
(Все).

Соколов Василий Иванович, 73 года, дер. Пашино (руашина) Есено-
вичского района. Записал Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед.
лр. 48, лл. 30—31).

№ 80

kaiken el'ännän aijan müö zaŋimaiččiečima hrist'anstvalla.
krome hrist'anstvua müö viel'ä zuarabotkilla zaŋimaiččiečima —
ved'imä peskuo bolot'inan zavodalla, kumbaŋe nüt sanuočow
„krasnoi mai“. peskuo müö ved'imä nel'l'änkümnenen viršan piäh.
peskun vejännäl'l'ä müö zaŋimaiččiečima talviloilla. pesku t'ial'l'ä
on valgie, kuin vehnäŋe jawho l'ibo lumi. peskun müö jo sügä-
zul'l'ä varußamma: kaivamma kaksi hawdua, mißsä madalemmaidi,
mißsä süvemmal'd'i. ollella katamma nämä hawvat, a talvella avu-
omma i zuastupoilla noßamma reŋgih, a reŋgistä regeh. zavo-
dalla peskun priŋimaidih vesoilla, ünnäh rejen i mitattih. reješä
ol'i konža mi: ol'i i nel'l'äkümmeŋd'ä puwdua, a konža i viiziküm-
meŋd'ä. sinne müö l'ähemmä illalla i üön aloh doid'imma zavo-
dalla. zdaicemma ne i kod'ih. peskureješä zarabat'ival'i konža
kolme rub'l'ua, konža kolme polt'inan.

Всю свою жизнь мы занимались крестьянством. Кроме крестьянства, мы еще заработками занимались — возили песок на завод Болотина, который теперь называется «Красный май». Песок мы возили за сорок вёрст. Песок мы возили в зимнее время. Песок здесь белый, как пшеничная мука или снег, Песок мы приготовим еще осенью: выроем две ямы, где помельче, а где и поглубже. Ямы эти закрываем соломой, а зимой разроем и заступами поднимаем [его] в ведро, а из ведра в сани. На заводе песок принимали на весах, целиком воз и взвешивали. В возу когда сколько было: было и по сорок пудов, а когда и пятьдесят. Туда мы отправляемся вечером и за ночь доедем до завода. Сдадим это и домой. За воз с песком зарабатывали когда три рубля, когда три с половиной.

Смазнова Екатерина Павловна (smažnakan kat't'i), 74 года, дер. Иваново (Ivan'kova) Есенинчского района. Записал Г. Н. Манаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 48, лл. 9—11).

№ 81

miän baba pagizi, što t'äššä l'itva proid'i. müö küzüimmä mečäššä „mol, baba, mid'ä t'äššä ollah goruškat kuwt't'ilogazella?“. ¹⁰ (on voločkah päin širokovan dorogalla). baba šano, što t'äššä, lapšet, l'itva proid'i, on kaznat zaroidu. a mänt'ie mid'ä šiel'ä on, krugom on šuo. miššä ollah goruškat, šiel'ä päin vuaran kül'ä, al'i l'itva. venakoksi šanotah „f'odorof dvor“, a karieläksi kučutah vuara. vuara-kül'ä on šuwi i srojieččieččen goralla, al'i šärkä'l'ä. vuaraššä ollah venakot i paiseššä t'añit'ah: vañä-al vuarah müö ajal'ima kataimah muaš'enčana. katka šiel'ä on, kül'ä ol'i äijal'd'i šuwi, ka en ollun šiel'ä jo vuotta viižitoista: äzieda ei ollun, a gul'aimah vahna et l'ähe.

ka l'ähet ivañkovalda širokovalla dorogua müöt'en oigiella kiäl'l'ä on gora l'innanšeinä. mint'äh kučutah l'innanšeinäksi—en tiä. nüt't'en lapšet kävell'äh vavarnoh l'innanšeinäl'l'ä. en tiä, ongo ieil'ä meččä al'i jo on l'eikattu. männievuodena čikko nägi unissa l'innanšein'ä: bitto bj šiel'ä el'et'äh voinalla otetuot brihat. hüö aššutah, aššutah jövellä. čikko küzü: „mist'ä t'üö oletta, mist'ä aššutta?“. hüö šanotah: „müö el'ämmä l'innanšeinäl'l'ä, aššumma šil'mie pežemäh čamkalla“. (jovut on, ruwčča pikkuruñe).

¹⁰ kuwt't'i — kuin lodkañe, kuin plotta luajittu lawvoista, pruavitah dubinoilla. (Объявление рассказчицы).

Наша бабушка говорила, что здесь проходила литва. Мы в лесу спрашивали: «Мол, баба, почему здесь горюшки на Куутти-лога?»¹⁷ (Находится в стороне Вышнего Волочка на Широковской дороге). Бабушка говорила, что здесь, дети, литва прошла, казны зарыты. А поди знай, что там имеется, кругом болото. Где горюшки, в той стороне деревня Вуара [Гора], или Литва. По-русски называют Федоров двор, а по-карельски Вуара. Деревня Вуара большая, и построилась [она] на горе, или возвышенности. В Вуаре живут русские, и когда они говорят, то тянут (слова): Ваня-а!

В Вуара мы ездили кататься в масленицу, там каток. Деревня была очень большая. Вот не была там уже лет пятнадцать: дела не было, а гулять старая не пойдешь.

Вот с Ивановка пойдешь в Широково по дороге: по правой руке гора Линнаншейня [Городская стена]. Почему называют Линнаншейня — не знаю. Теперь дети ходят туда за малиной, на Линнаншейня. Не знаю, есть ли там лес или уже вырублен. В прошлом году сестра во сне видела Линнаншейня: будто бы там живут парни, взятые на войну. Они идут и идут на речку. Сестра спрашивает: «Откуда вы, откуда шагаете?». Они отвечают: «Мы живем в Линнаншейня, идем умываться на Чамку». (Речка такая, ручеек небольшой есть).

Никифорова Анна Кузьминична (mikforan ańńi), 80 лет, дер. Жальцы (ž a l'š s a) Есеновичского района. Записал Г. Н. Макаров, 1957 г. (АКФ, ф. 1, оп. 19, ед. хр. 48, лл. 72—73).

№ 82

me ž u i v a l l a s e i c c e m e n v u o t t a j ä r e l' d' ä h p ä i n [1950] p r i j e ž - d' o i m u ž i k k a, k u c u t t i h p e t' a k š i, t a h t o z a r o i d a, p e i t' t i ä k i v i e h a w d a h. (h ä n e n o g o r d a s s a o l' i s u w r i k i v i, k u i n l' e ž a n k a, l' i b o k i w - g u a). m u a n p i ä l' l' ä n ä g ü k i v i e i ä i j ä l' d' i, m i e m u i s s a n t' ä m ä n k i - v e n i r a l' i k k a z e l d i. h i ä n t' ä m ä n k i v e n t a h t o k a t t u a m u a h: k a i v o ž e n r i n n a l l a h a w v a n i t a h t o š i h ä t' ä t' ä k i v e n. k i v e n r i n n a l l a h a w d a j o o l' i v a l m i s, i e n n e n z a w t r a k k u a h i ä n t a h t o v i e l' ä k o h e n d u a h a w - d u a, l' e k a h u t t i m i d' ä o l l o w, m u a š ä r ä h ä l' d' i — k i v i i l a n g e i m u ž i k a n p i ä l' l' ä i m ä d' z e n d' i m u ž i k a n. m u ž i k a n š i e l' d' ä k a i v e t t i h k ü l' ä l' l' e h: k i v i e n o s s e t t i h n u o r o i l l a i v u a g o i l l a. m u ž i k a n p i ä š s e t t i h i k i v e n

¹⁷ Куутти-лога означает 'лодочная лужайка, лодочный луг'. Куутти — это лодочка или плот, сделанный из досок, правят жердью. (Объяснение рассказчицы).

zaroidj. mežuivalla on viel'ä kaksi kivie; hiät, šanotah, ei voi koškie: mužikka koški i popad'i kiven alla.

kuzničovalla männeššä molemmin puol'in dorogua ollah kurganat. ammuin, igiä el'iäšseh, enämbi kolmiekümmeñd'ä vuotta; mužikat rešili t'ijjuštua, mid'ä t'äššä kurganašša on. hūo ruvettjäh kaivamah sid'ä, kaivettjäh äijän, muan tazalla. šiel'd'ä ruvettjäh ozutuaččemah hiil'et. krivčovalda tuodjäh šuwpani kuoteldjäh, i šä mid'ä ei l'öwvet't'u. hül'l'ät't'ih. do konca ei ruvettu kaivamah, l'ien'i struašno i hül'l'ät't'ih. ei i t'iet'ä, mid'ä niissä kurganoissa on paissah, što ne ollah jianuöt l'itvan aijoilda.

№ 82

В Межуеве семь лет тому назад [в 1950 г.] приезжий мужчина, звали его Петром, хотел зарыть, закопать камень в яму. (На его огороде был большой камень, как лежанка или печка). Над землей камень был виден чуть-чуть. Я очень хорошо помню этот камень. Он хотел этот камень зарыть в землю: выкопал рядом с ним яму и хотел в нее спихнуть камень. Рядом с камнем яма была уже готова, и до завтрака он хотел еще что-то поправить в яме, что-то тронул и земля чуть-чуть вдрогнула — камень и упал на мужчину и задавил мужика. Мужика оттуда выкопали всей деревней: камень поднимали веревками и вагами. Мужика вытащили и камень зарыли. В Межуеве еще два камня; говорят, их нельзя трогать: мужик тронул и попал под камень.

По дороге в Кузнецово по обеим сторонам курганы. Давно еще, когда-то, более тридцати лет [тому назад], мужики решили узнать, что в этом кургане. Они стали рыть этот курган, мясгр вырыли, до самой земли ('на уровень земли'). Оттуда показались угли. С Кривцова принесли щуп и пробовали, и ничего не нашли. Бросили. До конца не стали рыть, стало страшно и бросили. Так и не знают, что в этих курганах. Говорят, что они остались со времен литовского нашествия ('со времен литвы').

Резова Вера Ивановна, 55 лет, дер. Семеновское (s' emnowskoi) Петгорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 146/7).

№ 83

— nu, a mid paiss?... semnowskoi? kafielazet on, on i venül'äzii. muwvannet on miehel' viid'innuöt venül'äzist kül'ist. [koissa] pagizemm enämmän kafielakš i vobšče kaikir'ken pagi-

zemm kafiellaks... mit l'iew oldjäh meil' buksorat, hūö paistih kafiellaks, no hūö vähäin ei niin paist, kuin müö. miän luaduh paistih, no šanat muwvannet ne podhod'ut, ei niin. ka šizär ei podoi, vell' ei podoi. meil' šanow: šizär, a hūö šanow: čikkoň, vell' on veikkoň, a meil' on šizär, vell'... uroš, naiň... kül' — t'äm (miss el'ämm) on kül', i peziečömäh käwmm i že on kül'. šo ravno on meil' niin...

№ 83

— Ну а что говорить?... Семеновское? Карелы, есть и русские, некоторые замуж взяты ('вышли') из русских деревень.

Дома говорим больше по-карельски и вообще между собой все говорим по-карельски... Какие-то у нас были буксыры [сплавщики], они говорили по-карельски, но они немного не так говорили, как мы [говорим]. По-нашему говорили, но слова некоторые не сходятся ('не подходят'), не так [выговаривают]. У нас скажут: šizär 'сестра', а они скажут čikkoň; vell' 'брат' по-нашему, по-ихнему: veikkoň. А у нас: šizär 'сестра', vell' 'брат'... uroš 'муж', naiň 'жена', kül' — это [где живем] 'деревня', будет kül', и мыться [куда] ходим, и та также kül'. Все равно, у нас одинаково...

Смирнова Прасковья Ивановна, 48 лет, дер. Семеновское (šemnowskoi) Погорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 146/8).

№ 84

— mie olen šemnowskoist kül'äst. mil'm kuč'tah para n'kakš. ka pripomnił suarnuw, ka nūgun tahon roskaži¹ [teil'].

— ka el'et't'ih ukke da akk^a. ol' heil' vunukkaň. buab^o paist kakk^arua. vunukkaň l'äkš viemäh kakk^arua [d'iadoll]. ka astuw, astuw vunukkaň i hänel'l' vaštah tulow hukk. — „kunn šie, t'ütt'ön. mänet? — „mänen d'iadoll perhvatkuw viemäh“. — „davai miwl kakk^arat, mie šiwn šüön!“ — „el' sūö, miwl d'iadoll pid'aw viij^a“.

ka tütt'ön l'äkš, l'äkš ast'mah. astuw i astuw. ka hukk hänel'l' jäll'est', a šiid' hukk hänel'l' jäll'est' astuw. — „davai miwl kakk^arat!“ — „en ann, d'iadoll pid'aw!“ — „davai!“ — „en ann, d'ad^o tahtow kakk^arua!“.

nu, ka tütt'ön l'äkš i l'äkš, hukk kaikk jäll'est', kaikk jäll'est'. a tütt'ön doid' d'iadon luo — hukk skroičči'čči meččäh. hukk ka skroičči'čči meččäh i tütt'ön d'iadoll ando kakk^arat nām. d'iad alott

šūwv, a hukk vul'gaiččow, kuin d'iad šūōw kakk^arua. nu ka t'ūt't'ōn tul', d'iadoll šan, sto hukk miwl pakkoi kakk^arua, a mie hänel' en andann.

nu ka d'iad šöi, a t'ūt't'ō'n läks kod'ih. hukk hänen stfied. hukk hänen stfien i šanow: „miñt'äh šie miwl kakk^arua et andann?“ — „miwn d'iadoll pid' kakk^arua, buab kašk d'iadoll viip“.

nu ka i t'ūt't'ōn l'äks buabon luo, a hukk dogoñ hänen i jät'. hukk l'äks iel'päin i tul' buaboh luo. a buaboh üksin koiss. hukk buabon i šöi. hukk šöi buabon i laškičči krav't'ill, buabon omall, a buab vačašš hänel'l'. a šiid'e, značit, t'ūt't'ōn aštuw kod'ih. tul' kod'ih, a buabuo ei ol. a buabuo ei ol, a hukk venūw buabon kravat'ill, a hiän duwmaččow: buabo. tul' i šanow: „buabo, miñt'äh šiwl mozet korvat šuwret?“ a hiän šanow: „štop kuwll'!“ — „a hambhat šuwret?“ — „štop šiw šūwv!“ — i šöi t'ūt't'zen. t'ūt't'ōzen šöi — i buab vačaš, i t'ūt't'ōn vačaš. i hukk uid'i, l'äks aštmah. hänel'l' vačč rozorvičči. rozorvičči vačč hänel'l' — i t'ūt't'ōn viid', i buabo šiel'd' viid' elošš.

№ 84

— Я из деревни Семеновское. Меня зовут Паранькой. Вот припомнила сказку и теперь хочу рассказать [вам].

— Вот жили старик да старуха. Была у них внучка. Бабушка напекла блинов. Внучка пошла отнести блины [дедушке]. Вот идет, идет внучка, и ей навстречу идет волк. «Куда ты, девочка, идешь?» — «Иду дедушке завтрак отнести». — «Дай мне блины [а то] я тебя съем!». — «Не ешь, мне надо дедушке [блины] отнести».

Вот девочка пошла, пошагала ('пошла шагать'). Идет и идет, А ('вот') волк ей следом, ('а вот') за ней следом шагает. — «Дай мне блины!». — «Не дам, дедушке нужны!». — «Дай!». — «Не дам, дед хочет блинов!».

Ну вот девочка пошла и пошла [дальше], волк все следом за ней, все следом. Когда ('а') девочка дошла до дедушки — волк спрятался в лесу. Вот волк спрятался в лесу, а девочка дала эти блины дедушке. Дедушка начал кушать, а волк следит ('глазами водит'), как дедушка ест блины. Ну вот, когда девочка пришла, дедушке и говорит, что волк у меня просил блины, а я ему не дала.

Ну вот дедушка съел [блины], и девочка пошла домой. Волк ее [на дороге] встретил. Волк ее встретил и говорит: «Почему ты мне не дала блинов?». — «Моему дедушке нужны были блины, бабушка велела дедушке [блины] отнести».

Ну вот девочка пошла к бабушке, а волк ее догнал и обогнал. Волк пошел вперед и пришел [раньше девочки] к бабушке. А бабушка была одна дома. Волк бабушку и съел. Волк съел бабушку и лег на бабушкиной кровати. А бабушка у него в животе.

А волк, значит, девочка приходит ('идет') домой. Пришла до-
ма, бабушки нет, а бабушки нет. А волк лежит на бабушкиной
спинке, а она думает: бабушка. Пришла [девочка] и говорит:
«Бабушка, почему у тебя такие большие уши?». А он говорит:
«Чтобы слышать!». — «А зубы большие?». — «Чтобы тебя
съесть!». И съел девочку. Девочку съел — и бабушка в животе, и
девочка в животе [у волка]. И волк убежал, пошагал. У него живот
разорвался. Разорвался живот у него — и девочка вышла, и ба-
бушка вышла оттуда, [обе] живые.

Чугаева Марфа Ивановна, 62 года, дер. Александровское (о'У'ек'а'п-
d'rows'ko'i) Погорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова,
1960 г. (Каб. яз., запись № 128/8).

№ 85

el'et't'ih ukko da akk, ei ollun heil' lapšii. ukk i šanow: „akk,
mid rubiemm ruadmah? meil' vet' trudno on kahell šiwŋken“.

akk i šanow: „davai l'eikkuam miwn šormen i panem pečur-
kah“.

l'eikkai akk šormen i pañi pečurkah. i ka paistaw akk kakkor-
rua i šanow: „oh, ka kuin oiš vet' poigañ i veiš miwn ukoll per-
fatkuw“. (a ukk künd'aw pellošš). a hiän pečurkašt i šanow, šor-
mut še šiel'd': „buab, buab, davai mie l'ähen vien d'iadol' perfat-
kuw“.

a hiän i šanow: „da vet' šie olet pikkarane, ei šua“. — „šuw,
buab, davai“.

i l'äksi. buaboh and hänel' kakkorua, pañ hänel' tofelkall, hiän
i l'äks kandamah. aštuw, aštuw — broñit: „kra-a, kra-a“.

hiän šanow: „naguw i t'eil'“.

i broñiloill andaw kakkorua. šid aštuw, aštuw, d'iadoh künd'aw:
„d'iad, d'iad, aššu väl'iäzeh perfatkuw šuömäh!“. d'iadoh tul': „oh
šie, muruñ miän om! oh šie miän avutt'janel!“ — „d'iad, davai, da-
vai mie rubien künd'ämäh!“ — „da šie et maha, olet pikkarane“. —
„davai, d'iad!“.

istučⁱ pluwgan piäl' (šilloin oldih pluwgat, adrat). istučⁱ pluw-
gan piäl', künd'aw i lawlaw. ajtah baj'fit i šantah: „d'iadoñ, d'ia-
doñ, müä meil' t'äm poigañ“. — „en müä“. — „müä, d'iadoñ, müä
šiwł annam šuwret d'eŋgat“. — „ñi mitt'üzie miwl d'eŋgoi ei pie,
en müäl“.

a hiän: „d'iad, müä, müä, mie tulen jäfel'l'äh, müäl“.

d'iad ott hänen i möi. i zaverñittih hänen, kormañih pandih.
hiän kormañih naguad'i, šial'd' kormñist i uid'i...
konž hiän kormañist kočaht, laškieči kukkzen piäl'l' i uinoi. a
l'ehm hänen i söi. i tul'ⁱ kod'ih. l'ehm zabol'el. l'ehmän iskiät-

t'ih. nām sūalat luadih. a hukk šöi. hukk šöi i tul¹ ukkzelluh äit-tah. (taht hiän mid buit', mid l'ienöw, šüwv) i lomočči šipk. a ukkoñ° kuwlušt, d'iadoñe, i taht häñd^a ambuo, a hiän i šanow: „d'iadoñ, el' ammu, mie olen vačašša“.

ka hiän hukald viidi vačašt i d'erğat cial i hukan tawtettjh. i šeičas el't'äh, paživajut i dobra naživajut...

№ 85

Жили старик да старуха, у них не было детей. Старик и говорит: «Старуха, что будем делать. Нам ведь трудно двоим с тобою».

Старуха и говорит: «Давай отрежем мой палец и положим в печурку».

Отрезала старуха [свой] палец и положила в печурку. И вот печет старуха блины и говорит: «Ох, кабы вот был сыночек и отнес бы моему старику завтрак». (А старик пашет в поле), А эи, пальчик тот, оттуда из печурки, и говорит: «Бабушка, бабушка, давай я пойду отнесу дедушке завтрак».

А она говорит: «Да ты ведь маленький, не сможешь». — «Смогу, бабушка, давай».

И пошел. Бабушка дала ему блины, положила ему на тарелку. Он и пошел с блинами. Идет, идет — вороны: «Кра-а, кра-а!».

Он говорит: «Вот и вам!».

И воронам дает блинов. Потом идет, идет, дед его пашет.

«Дедушка, дедушка, иди скорее завтракать!».

Дед его пришел: «Ох ты, наш крошечка, ох ты, наш помощничек!». — «Дедушка, дай, дай я буду пахаты!». — «Да ты не умеешь, ты маленький». — «Дай, дедушка!».

Сел на плуг (тогда были плуги, сохи). Сел на плуг, пашет и поет. Едут бояре и говорят: «Дед, дед, продай нам этого мальчика». — «Не продам!». — «Продай, дедушка, мы тебе дадим большие деньги». — «Никаких мне денег не надо, не продам!».

А он [мальчик]: «Дедушка, продай, продай, я вернусь [к тебе], продай!».

Дед взял да и продал его. И завернули его, в карман положили. Он в карман нагадил, потом оттуда [из кармана] и удрал...

Когда он из кармана выскочил, лег на цветок и уснул. А корова его [мальчика с цветком] и съела. И пришла домой. Корова заболела. Корову зарезали. Эти кишки выбросили. А волк и съел [кишки]. Волк кишки съел и пришел к старичку в клеть. (Хотел там что-нибудь, что окажется там, съесть) и громыхать стал сильно. А старик услышал, дедушка, и хотел его [волка] застрелить, а он [мальчик] и говорит: «Дедушка, не стреляй, я в животе [у волка]».

Вот он вышел из живота [у волка]: и деньги целы, и волка поймали. И сейчас [они] живут-поживают и добра наживают...

Павлова Аксинья, 70 лет, дер. Новое (now'voi) Погорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 128/1).

№ 86

d'iad^o el'i d'evānosto trí god^a i hiān ei muistannun, mist müö olem^m tuad. i hiān kaik^k šan, što paistih starinnoi narod, što il'i že na sabaku prameñal bafin, koirah vaihett^u olem^m, il'i že kartiloil^o praigral, mänet^{t'} kartiloil^o. vot ühekšān kül'ie meid^ā on t'ial'. kül'at ollah ka ol'eksandrowskoi i now'voi, vašil'jewskoi—kolm, šemnowskoi—nel'^{l'}, mat'ugin—viiž, ivnowskoi ol'i papalam—kuwž, galhovo—šeiččimen, bot'in—kahekšān, ve d'ensk—ühekšān. ühekšān kül'ie kaik^k šub pa d'orže oldih.

№ 86

Дед [мой] жил девяносто три года и он не помнил, откуда мы привезены. И он всегда говорил, что старики рассказывали ('старинный народ говорили'), что или же барин на собаку променял нас, или же мы в карты проиграны, проиграл в карты. Вот девять деревень нас здесь. Деревни эти вот: Александровское и Новое, Васильевское — три, Семеновское — четыре, Матюгино — пять, Ивановское пополам (с русскими) — шесть, Галахово — семь, Ботино — восемь, Введенское — девять. Девять деревень, все-все по [реке] Дёрже были.

Павлова Аксинья. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Филатова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 128/6).

№ 87

kun mie kažvoin ka, oldih kitaikat, räččināt moizet oldih, i käv^{el'}imm karielakš, emm šeiñin. karielañe ol'i meil' ad'ezd, l'en-točkat kitaikaš, pokromkat, müö ol'imm safšem atd'el'no, meid' jo tunnušeldih, sobie müöt' tunnušeldih, što karielat olemm.

ei ole [sohраниečen näidä sobie], ühel'^{l'} akal ol', no hiān nügün moskušš on. da, i hänel'^{l'} on joi d'evānost šem godof, da. on vovš vanha, no hänel'^{l'} on, hänel'^{l'} on kualendah varoin... a viel'^{l'} ni kel'^{l'} et l'öwv. ol' muwvanžil dl'a pamat', a v vainu prapal'i, kaikki šub kav^otettih. miwl icell tahottaš dastat', da ei ol.

piäss ol' sorokk, sorokat oldih ommeld. i sorovno i bud'on zavso ol' sorokk, patamu što naihe tukkie nikagda ei ozuttan omis, zavso oldih zakrjt, peit'et' tukat. moiñ° ol' mod, da... štob oi piä zavso ub°fittu.

sorokat, kitaik, räččinät, hiamut, da... t'ielua vaš räččinät, paton kitaik, proimat t'äss, a t'äss hiamut, raznoit oldih hiamat, toizen muizet, ei uhenmuizet. i ka vüät, šulket. šulk°v vüä... i ka vüäl'oi viel' on muvvanzil. miwl ei ol. a mie t'eil' iusahan mišš on. t'üö zaid'itt i šiel' kačott... [naižen šovat oldih viel' nigrudnikk i vüä šulkkun kišt'oivken, kišt'at pit'ät, niin i riputtih kišt'oivken vüä ol', kalžut, kalžut kumakk°zil šivott. ruptetah kalžut i kumakk°zil šiv°tah, i ka l'äht'iet'äh obied'nall. a jallaš bahilkat... näm oldih jo ammuizet starinnoit bahilkat. a talvell čuwniat, što čunkat, sukovkat. piet't'ih mejh šüt't'en, a jo müö emm pid'annan naidä. a mejh šuw piet't'ih sukovkat. sukovkat kuvottu šarrast muššašt. omua villua kežfat'äh i kuwtah sukovkazet. jallat kriwt'tah, kel'l' ei oll° t'ad' — luapot't'izet, a šiid čunkii ka ruvettih ruad°mah... pelvhašt sučtah sučilkua i l'ijitäh kostjigall. čunk°zet.

a piäl'l' kortjšk. kortjšk mušt, šarrast, tož ič kuvottih. šarrast kežfat'äh i kuv°tah, patom val'ajjah hiät, val'ajjah, štoš hñan ois... kuvott — ved' niin i nügüw lavgazet, a val'ajjah hiät, niin lavgazet niw. vantetah... i rod'ičow šarg glatkoi muoñ, šiit... a šiid' ommeldih kortjškoid. kel'l' oldih fantjizivken, a kel'l' jo borivken kortjškat. i muž'koill, muž'koill oldih fantjizivken, a naižen borivken. kaikill šub oldih kortjškat.

a turkit oldih keldazet, nahkuw kul'issä ruavettih, poč'i jog kul'äss ruavettih nahkoi. miwn muist°mua [näm vuattiet oldih] i mie pijin... d'ésaton gadu mie miehelli viijin (miwl ol' dvatsatji got), i viel' mie pijin naid'. a šuappaid jo ka miän vuažiloist ruvettih pid'mäh, ka primerno, šed'movo-vošmovo goda... da, mieheli' dva god kawl'iin naidš viel', a šiid'... v d'ésatom gadu mie viijin mieheli', a da dvenatsatov° [mie] kawl'iin omis naidš karielazis, a šiid' ka rubein jo ombel°mah plat'joit. kaikin šub kavel'd'ih karielazis vuatteis], vain ket m o s k u š š el'et't'ih, näm ka kavel'd'ih plat'joiss. da. meil vuattiet oldih moizet.

piä ol' zavso ub°fittu, ol' sorokk piäss. kuin mieheli' viijit — sorokk, a t'üt't'on ei. t'üt't'on — fatañ... t'üt't'öl'öil' oldih kassat, a mieheli' viijit — sorokk, kičkan ub°fitt šinn sorokkah i sorokkah šav°Pet.

Когда я была девочкой ('пока я росла') вот, были китайки, рубашки женские такие были, и ходили в карельской [национальной] одежде (ходили по-карельски'), не так, [как теперь]. Карельская у нас была одежда. Ленточки в китайках, покровки. Мы сильно отличались по одежде от других ('мы были совсем отдельные'), нас узнавали, по одежде узнавали, что мы карелы.

[Эта одежда] не сохранилась, у одной старухи была, но она теперь в Москве живет. Да, ей уже и девяносто семь годов. Да, она совсем старая, но у ней есть [национальная одежда], у ней к смерти припасено [хочет, чтобы ее в этой одежде и похоронили]... А больше ни у кого не найдешь. У некоторых для памяти [были], но в войну все-все потеряли. Мне самой хотелось бы достать, да негде.

На голове была сорока, сороки были шитые. В будничные дни также, всегда в сороках были, потому что женщина никогда своих волос не показывала, волосы всегда были закрыты, закрыты были волосы. Такая была мода, да... чтобы волосы ('голова') всегда были убраны.

Сороки, китайки, рубашки женские, «рукава» [женская рубашка, в которой лиф из фабричной ткани, а низ — из домотканой], на теле рубашки, потом китайка, проймы здесь [показывает], а здесь «рукава» [показывает], разные были «рукава», разные, не одинаковые. И вот пояса шелковые. Шелковый пояс... и вот пояса еще есть у некоторых. У меня нет. А я вам укажу ('напомню'), где есть. Вы найдите и там посмотрите... [Из женской одежды было еще] нагрудник и шелковый пояс с кистями. Кисти длинные, так и висели, с кистями пояс был, паголенки [были]. И паголенки кумачом перевязаны. Соберут в складочку паголенки и красными [ленточками] подвязывают, и вот так пойдут [в церковь] к обедне. А на ногах бахилки... Это были давние, старинные бахилки. А зимой чуни, а то и чуньки, суконки. Носили до нас, а мы уже не носили их. А до нас носили суконки. Суконки, тканые из черной шерсти. Домашнюю ('свою') шерсть прядут и ткут суконки. Ноги обертывают. У кого нет этого — то лапотки, а потом вот чуньки стали делать. [Чуньки] из льна [делают], скрутят веревку ('сучилку') и плетут костьюгом... чуночки.

А на себе были коротышки. Коротышка была черная, шерстяная, сами тоже ткали. Шерсть прядут и ткут, потом валяли [шерстяное полотно], чтобы оно было [помягче]... Тканое ведь — нитки заметны, а поваляют его, так ниток не станет видать. Повалают... и будет сукно, гладкое такое, ровное... Из него шили коротышки. У кого были с фантами, а у кого со сборками коротышки [были]. И у мужчин, у мужчин были с фантами, а у женщин со сборками. У всех-всех были коротышки.

А шубы были желтые. Овчину в деревнях выделявали, почти в каждой деревне выделявали овчины. На моей памяти [такая одежда была], и я носила... В десятом году я замуж вышла (мне шел двадцатый год), и я еще носила [такую одежду]. А сапоги вот с наших лет стали носить, вот примерно с седьмого-восьмого года... Да, замужем два года я ходила еще в этой одежде, а потом... в [тысяча девятьсот] десятом году я вышла замуж, а до двенадцатого [я] ходила в этой своей карельской [одежде]. А потом, вот стала шить платья. Все-все ходили [в карельской одежде], только [те], кто в Москве жили, эти вот ходили в платьях. Да, вот у нас одежда была такая.

Волосы ('голова') всегда были убраны, была сорока на голове. Как только выйдешь замуж — надеваешь сороку, а в девушках нет. В девушках — фата... У девушек были косы, а замуж выйдешь — сорока. Пучок уберешь туда под сороку и в сороке ходишь.

Стогова Мария Ивановна, 55 лет, дер. Новое (nouvo!) Погорельского района. Магнитофонная запись Г. Н. Макарова и Н. П. Флятова, 1960 г. (Каб. зв., запись № 128/3).

№ 88

ka el'ett'ih ukke da akk^a. akk ol' moin pattje, ukk häñd^a varaj^l. ka muasl'enč poth^od'iw. akk ukkuw kiruw: „mäñ, aja ka miän pogrelvah, tua muasl'enčakš kaluw!“. ukk niin i kargjaw hänešt umbär: „ščas, akk, tuan!“. akk i šanow: „šie miwl el' vain kaluw tua, šie miwl tua i od'ožah vorotnikk!“. — „tuan, tuan, akk, tuan, vain el' kiruwč!“.

ukk val'lašt hebzen i l'äks, ott ruaškzen, pattjevui hevost' št'ogaiččow da ajaw.

nu ka tul' pogrelvah. šiel' ošt kaluw, mid šiel' viel' ošt i l'äks kod'ih ajamah. ajaw kod'ih, a ennen häñd' veñuw dorgall^a reb^o. hiän ruad'. šanow: „ka akall i vorotnikk! nütten akk ei rubie milm kiruwmah!“. revon jalloist řejen piäl'l' fufeñ, a ič istuoč, značit, istuw reješš. ajaw i kaikk duwmaiččow: „nu jo hüv^a akall Fiäw vorotnikk! i kaluw vejän, i vorotnikkuw!“. a tavukš ei kačah. a reb^o huolett davai üksin kal^azin fuřaimah. fuřaiččow i fuřaiččow, kaikk šub fuřaičči, kočaht i uid^l. a ukk (ved', ka on vanhat howkat!) ei kačah tavuš päi: mid mie vejän. tul' kod'ih, ni mid: ni kaluw, ni vorotnikkuw! akk häñd' davai viel' kiruwmah tošnei.

a reb^o sobeři kal^ažet, istuw i šüow huolett. mišt' ottu^ačč — hukkl — „e-eh, svuat't' šie, svuat't'! mišt' šie, kaluw otit? anuw

kalan!“. — „kacuw, sie mit'üs miel'ow! män tavot!“. — da mišt' sie tav^otit?“. — „ka jovell, män tavot!“. — „da kuin sie tav^otit“. — „da fiin, ka avandoh hännän riptiin, da issuin uön. ka kaluw min verran tav^otjin“.

a hukall hajuw hvat^t vetl män avandoh i istuwč, hännän riputt i istuw. händ' i kül'mäht'. d'orñiw hännän — väh^a on kalua. kodv^azen istuw viel'. viel' kodv^azen istuw — d'orgoñⁱ: ei šuw d'orñie. „no viel' kodv^azen issun, viel' eñämbän“.

ist, ist — sowsem hänel'l' händ' šinn kül'mäht huomnekseh šuw.

huomnekšell aštah naizet vett^a vaš, i davai „huwhtmah“ kor-mjsloill. kol^otittih, kol^ot'ttjh hiän t'el'm, t'el'm, d'orgoñ — hännän i jat^t joveh.

aštuw kül'äh. aštuw kül'äh — reb aštuw. — „a, reb, mid' ruat?“. reb kacčow, što pah käd'eh. šiel' emännäl'l'üö tungiečč, tahakšeh (mišš l'iew šiel'l' emännäl'l' ollun taigin) voiduwčč, da istuw dorgall, it'kōw. hukk aštuw. hukall jo tul' rebuw žual:

„svuat^t, sie svuat^t, mišt' päin šie moin ruaduičiit?“. — „ka mišš ruaduičiin! ka duidjh, duidjh, ka mit't'uzekš ruattih!.. a šie mid' miwl ruavoit?“ — „i miwn jel' elošš [eloh] jat'et't'ihl nu jo kuin šiwn duidjh, svuat^t, istuw miwl šel'gäh, mie šiwn viän kunn...“.

reb istuč hänel'l' šel'gäh, grebieč kaglašt, a hukk händ' i kan-daw. a hiän taguw istuw i lawlaw: „e-eh, duid duimat[tmua] ved'äw“, duid duimat[tmua] ved'äw!“.

hukk i šanow: „mid' šie lawlat, svuat^t?“. — „lawlan, što «duid duiduw ved'äw, duid duiduw ved'äw»“.

ka hukan i muañitt.

№ 88

Вот жили старик да старуха. Старуха была такая злая, старик ее боялся. Вот подходит масленица. Старуха старика ругает: «Иди, поезжай вот в наше Погорелово, привези на масленицу рыбы!». Старик так и пляшет вокруг нее: «Сейчас, старуха, привезу!». Старуха и говорит: «Ты мне не только рыбу привези, ты мне привези и воротник для пальто (одежды)!». — «Привезу, привезу, старуха, привезу, только не ругайся!».

Старик запряг лошадь и отправился. Взял кнутик, озлился, лошадь стегает и едет.

Ну вот, приехал в Погорелое [городище]. Там купил рыбы, что еще там купил и поехал домой. Едет домой, а впереди на дороге лежит лиса. Он обрадовался, говорит: «Вот старухе и воротник. Теперь старуха не будет меня ругать!». Лису за ноги бросил (фурнул) на сани, а сам сел. Значит, сидит в санях. Едет и все думает: «Ну и хороший же старухе будет воротник! И рыбу везу,

и воротника!». А назад не смотрит. А лиса без заботы давай ерзать по одной рыбке выкидывать. Кидает и кидает — все до единой и повыкидала. Спрыгнула и убежала. А старик (бывают же ведь старые дураки!) не оглядывается назад: что, мол, я везу. Приехал домой — ничего нет: ни рыбы, ни воротника! Старуха давай его еще пуще ('тошней') ругать.

А лиса собрала рыбешки, сидит и ест себе без заботы. Откуда ни возьмись — волк! — «Э-эх, сватьяшка ты сватья! Где ты рыбку вяляла? Дай-ка рыбку!». — «Смотри, какой ты умник! Иди лови!». — «Да где ты поймала?». — «Вот на реке, иди лови!». — «Да как ты поймала?». — «Да так: в прорубь хвост опустила на ночь да ночь просидела, вот сколько рыбы поймала!».

А у волка хватает ума ведь! Пришел к проруби и сел, хвост опустил (в прорубь) и сидит. Хвост и примерз. Держит хвост — мало рыбы. Еще немножко посидит. Еще немножко посидит — дернет: не может выдернуть. «Но [думает] еще немножко посиди, пусть больше [пристанет к хвосту рыбы]».

Сидел, сидел — хвост у него совсем примерз [пока сидел до утра]. Утром идут женщины ва водой, и давай [волка] «полоскать» коромыслами. Колотили, колотили, он бился, бился, дернул хвост — хвост-и оставил в реке.

Идет в деревню. Идет в деревню, а [ему навстречу] идет лиса. «А, лиса, что делаешь?». Лиса видит, что плохо дело ('пало и руки'). Там к хозяйке сунулась куда-то (где-то там у хозяйки квашня была), в тесто вся измазалась да сидит у дороги, плачет. Идет волк. Волку уже и жаль стало лису: «Сватьяшка ты сватьяшка, где ты так запачкалась ('откуда ты такой сделала')?» — «Вот где запачкалась. Вот били так били, вот какой меня сделали!.. А ты что делал?». — «И меня еле живым оставили! Ну, раз тебя так побили, сватья, садись мне на спину, я тебя повезу куда-нибудь...».

Лиса села на волка верхом, схватилась за шею. Волк ее и понес. А она сзади сидит и поет: «Э-эх, битый небитого везет, битый небитого везет!».

Волк и говорит: «Что ты поешь, сватьяшка?». — «Пою, что: "битый битого везет — битый битого везет!"».

Вот [лиса] и обманула волка.

№ 89

el'ettih ukke da akk^a. heil' ei ollun läpsutt. heil' tahott äijäl'd
t'öst'. a akk i šanow ukoll: „ukk, davai l'ähem lumest ruavamm
t'zen, i t'üt't'ön l'ienow. rubiemm händ' befgoimah i meil' l'iew
paremb el'ia“.

ka mänd'ih ruavettih t'üt't'zen. t'üt't'ön ol' viikon, keviäh šua.
a šiid' ruwttih käwmäh hänel'üö podruwgat, kučtah händ' meččih:
„šiid' meččäh!“ — „ei voi laškie, emm laššel!“ — „da mid^a šie,
šiid!“.

l'laškiettih. ka hüö šiel' kävel'd'ih, kävel'd'ih, viijit't'ih pelloll.
šabei kizuwmah solnišk. t'üt't'ön i šul^a. heil' t'üt'öst' ei i tullun.
t'üt't'zet tuldih toizet, a händ' ei ol. akke da ukke — davai
kämäh. it'kit't'ih-it'kit't'ih, a t'üt'öst' eii ol.
i kaikk.

№ 89

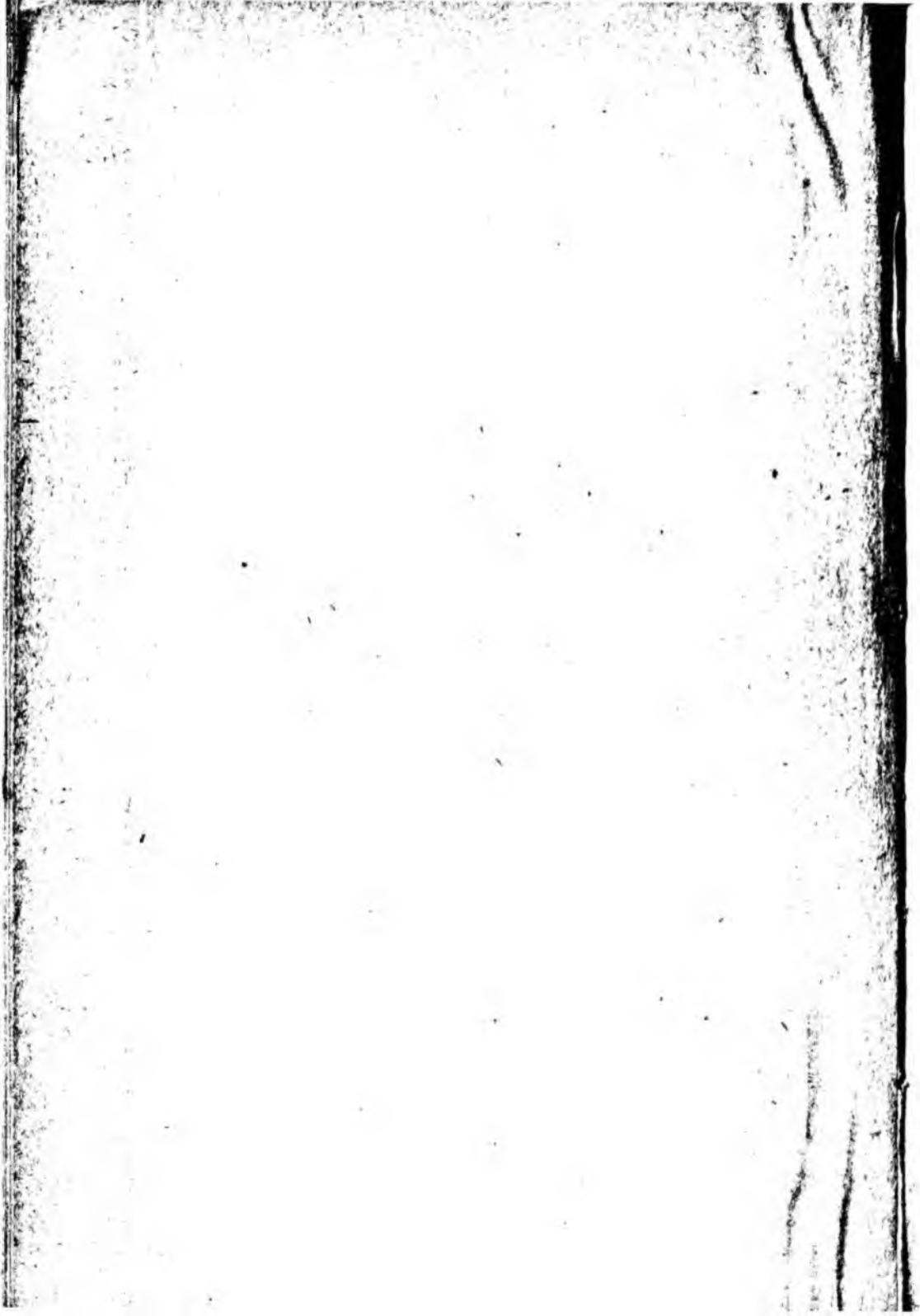
Жили старик да старуха. У них не было ребеночка. Им очень хо-
телось иметь девочку. А старуха и говорит старику: «Старик, да-
вай пойдем из снега вылепим девочку — и будет [у нас] девочка.
будем ее кормить ('беречь'), и нам станет лучше жить».

Вот пошли слепили девочку. Девочка [у них] была долго, до
весны. А потом стали к ней приходиться подружки, приглашают ее
в лес: «Пойдем в лес!» — «Нельзя пускать, не отпустим!» — «Да
что ты,пусти!».

И отпустили. Вот они [девочки] там ходили, ходили — и вышла
она поле. Заиграло солнышко. Девочка и растаяла. У них [старик
и старуха] и не стало девочки.

Девочки другие пришли [домой], а ее нет. Старуха да старик
давай плакать. Плакали, плакали, а девочки и нет.

И все.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ	
1. [veššin učit'el'an kirja] [Письмо везьегонского учителя] . . .	8
2. mid'ä miwla šanel'i hukkina mihailla-d'iedo Что мне рассказывал дедушка Хуккин Михаил	11
3. «kül'ässä alvin paišt'ih. . .» «В деревне всегда говорили. . .» . .	14
4. «šežo ol'i rappi. . .» «Вот был поп. . .»	15
5. «oi-jon, oi-jon, og o-čikko. . .» «Ой-ён, ой-ён, сестра Ого. . .»	17
6. kuin müö varuššamma šilossuo Как мы готовим силос.	18
7. «„paksukiel'el'izet el'et'äh“. . .» «„Толстоязычные“ живут. . .»	19
8. karielazet nimet Карельские имена собственные	21
9. «mišt'ä ottjači miän kariela» «Откуда взялись наши карелы». . .	21
10. «šanel'i miwla miamo. . .» «Мне мать рассказывала. . .»	21
11. «miän kül'ä ol'i bajařin oma. . .» «Наша деревня принадлежала помещику. . .»	24
12. «müö paksuh pagizemma. . .» «Мы говорим на „ш“. . .»	25
13. «it'kõw muccoõne meccäziissä. . .» «Плачет молодуха во лесочке. . .»	26
14. *«jain mie muamošta. . .» «Осталась я от матери. . .»	29
15. «riw-raw, reboženi. . .» «Рив-рав, лисынька. . .»	30
16. *«el'et't'ih briha da miamo. . .» «Жили парень и мать. . .» . .	32
17. *«el'et't'ih ukko da akka. zahot't'ieči. . .» «Жили старик и старуха. Захотелось. . .»	33
18. «el'et't'ih ukko da akka. akalla. . .» «Жили старик да старуха. Старухе. . .»	33
19. «iel'l'ä karielaziissa kül'iissä. . .» «Раньше в карельских деревнях. . .»	34
20. «miän volhova kül'ä on. . .» «Наша деревня Волхово. . .»	35

Тексты, помеченные, расшифрованы с магнитофонной ленты.

21. volhovalla ollah katielazet nimet Карельские имена соб-
ственные на Волхове 36
22. «tuwfin-tawfin, rebozen. . .» «Туврин-таврин, лисынька. . .» 37
23. «enzišt'äh ajelemma t'üt'öl'l'üöh bešowdah. . .» «Сначала садим
и девушке на беседу. . .» 38
24. «*ošindala, ošindala. . .» «Осиндала, осиндала. . .» 39
25. «mužikka l'äksi meččäh. . .» «Мужик пошел в лес. . .» 41
26. «a eñnen ol'i ribinska ja vološ't. . .» «А раньше была Ры-
бинская волость. . .» 41
27. «s viizeñie on, šanotah, stu a roin tagada [tuodu]. . .» «Воз-
движение, говорят, из-под Старого [перехало]. . .» 42
28. «ka miän kül'än luona on kalmižo. . .» «Вот около нашей де-
ревни кладбище. . .» 43
29. «t'läl'ä paikal'l'ine kariela šuoiešow. . .» «Здесь местные кар-
елы ('карела') одеваются. . .» 43
30. «eñnen karielazet bohatat. . .» «Раньше карельские богачи. . .» 44
31. «eñnen karieläšša issuttjäh päriel'l'ä. . .» «Раньше у карел си-
дели с лучиной. . .» 45
32. «duwhang šivotah kakši koivupuwhutta. . .» «В духов день при-
вязывают друг к дружке две березки. . .» 45
33. «el'et't'ih ukko da akka, ukko. . .» «Жили старик да старуха.
Старик. . .» 46
34. «ennen miän kül'ä ol'i vain puol'i. . .» «Раньше ваша деревня
была наполовину меньше. . .» 46
35. «kül'ä gorčova ol'i ül'en spravnoi. . .» «Деревня Горычево
была очень справная. . .» 47
36. «*mie šunnūin kewhäsšä pereheššä. . .» «Я родился в бедной
семье. . .» 48
37. «*kakši t'üt'öst'ä, tañna i mañna. . .» «Две девочки, Таия и
Мая. . .» 48
38. «*l'äksimä meččih šuwfih eččimäh l'ehmie. . .» «Пошли в леса
большие искать коров. . .» 49
39. «*mie šunnūin sel'čašša, kewhän talošša. . .» «Я родился
в Сельцах, в доме бедняка. . .» 49
40. «*el'iäššeh häll'äštü ükski hukka. . .» «Однажды проголодался
один волк. . .» 50
41. «el'et't'ih d'iedo da buabo, ei ollun heil'ä lapšie. . .» «Жили
дед да баба. Не было у них детей. . .» 50
42. šuarna. «el'et't'ih d'iedo da buabo, šli heil'ä t'üt't'öñe. . .» Сказ-
ка. «Жили дед да баба. Была у них девочка. . .» 60
43. «*[mid'ä luajittjäh tuohešta] [Что делали из бересты]. 61
44. pelvahan kezvatanda i t'üskši luajinda Выращивание льна и
обработка волокна 62
45. pelvahan kezriänd'ä i kuvonda Пряжение льна и тканье 64
46. «*mařjah kävel'iin. . .» «По ягоды ходила. . .» 67

67.	miid'ä meil'ä paisedetah	Что у нас пекут	68
68.	kuin mi kivišt'aw	Названия некоторых болезней ('как что бо- лит')	69
69.	kuin šiäd'ä sanotah	Как называют явления природы	70
70.	kuin miän t'äl'ä länel'ä tt'kiet'äh, luvetollah	pokoiniiekalla (ro- d'it'el'alla, kuoliuolla) Как наши здесь голосят, причитывают по покойнику (по родителям)	71
71.	lapšin viržüzie	Образцы детского фольклора	78
72.	peslovičat	Пословицы	84
73.	šil'it'ükšet i muwt šanonnat	Иносказания, клички и отдельные выражения	94
74.	*[kuin suad'buä kizattih]	[Как свадьбу играли]	99
75.	*«miwn izähnd'ä šafel'1...»	«Мой хозяин рассказывал...»	100
76.	*[kuin talvella nuorizö gul'aijah]	[Как зимой молодежь гуляет]	102
77.	*[švatkina kuwndelomašša]	[Гадания в святки]	104
78.	kuin päfet't'ä srugitah	Как строгоют дранку	106
79.	ruišp wstah näh	Про деревню Аржамое	108
80.	kuin nahka luad'le owfčinakši	Как выделывается овчина	111
81.	[hukan šeičči il'vewš]	[Рысь вместо волка]	113
82.	kuin šuaha rebuo	Как ловить лисицу	117
83.	kuin mie kondieda näin	Как я медведя видел	118
84.	jöt'kin issunda	Выгонка дегтя	125
85.	[vakkazet]	[Корянки]	129
86.	pelvašruavot	Работы по льну	131
87.	[palavan juablokan šüöja]	[Посела горячей картошки]	145
88.	[voin kolawttaja]	[Сбивающая масло]	146
89.	oravoissa	За белками	147
90.	okruženjašša	В окружении	148
91.	tankoin vaštuanda	Встреча танков	149
92.	kakši pakast'a	Два Мороза	152
93.	*«mie šühüin šüwrella ploskoilla...»	«Я родился в Большом Плоском...»	156
94.	*«el'et't'ih muamo i kakši poigja...»	«Жили мать и два сына...»	157
95.	*šiwkka-burka, veščaja kaburka	Сивка-бурка, вещая каурка	159
96.	arvawtukšet	Загадки	170
97.	*«ka miwla jo on šeš'd'ešat l'et...»	«Вот мне уже шестьдесят лет...»	170
98.	*«ka mie viel'ä tuaš šanon...»	«Вот я еще вам опять расска- жу...»	171
99.	*«kis-kas, kaziženi...»	«Кис-кас, кошечка...»	172
100.	*«kaiken el'ännän aijan müö zañimaičšiešima...»	«Всю свою жизнь мы занимались...»	175

	Стр.
81. «miän baba pagži, šta t'äššä l'itva proid'i...» «Наша бабушка говорила, что здесь проходила литва...»	176
82. «me žuivalla šeičtemen vuotta järel'd'äh päin...» «В Межуеве семь лет тому назад...»	177
83. *«nu, a mid paiss?...» «Ну а что говорить?...»	178
84. *«mie olen šemnowskoist kül'ast...» «Я из деревни Семеновское...»	179
85. *«el'ett'ih ukko da akk, ei ollun heil' lapsii...» «Жил старик да старуха, у них не было детей...»	181
86. *«d'iad° el'i d'evänosto tri god°...» «Дед жиа девиносто три года...»	183
87. *«kuñ mie kažvoim, ka...» «Когда я была девочкой, вот...»	183
88. *«ka el'ett'ih ukke da akk°...» «Вот жиа старик да старуха...»	186
89. *«el'ett'ih ukke da akk°, heil' ei ollun...» «Жиа старик да старуха. У них не было...»	189

Карта населенных пунктов Калининской области, говоры которых представлены в настоящем сборнике.